

Вячеслав Антонович Ляшенко

**ВСЕГДА
ВПЕРЕДИ ЛЕЙТЕНАНТЫ**

Сборник произведений

*Посвящается 65-летию Победы
над фашистской Германией*

Москва
2010

В. А. Ляшенко

Всегда впереди лейтенанты. Сборник произведений.
М., 2010. 192 с.

Центральное место в книге «Всегда впереди лейтенанты» занимает одноименная повесть. В этом произведении в увлекательной форме повествуется о драматических событиях, происходивших на фронтах Великой Отечественной войны и в тылу врага, в которых участвовал сам автор, военный разведчик, и его друзья-однополчане. В этой повести по новому вырисовываются подробности знаменитой операции «Багратион», приблизившей Великую Победу. Рассказ «Ротмистр» переносит читателя в послевоенные годы, когда силами сотрудников Министерства государственной безопасности велась работа по расследованию преступлений пособников нацистов, живших на территории Украины. Образ главного героя книги Вячеслава Лещёва создан на основе реальных событий, которые пришлось пережить самому автору.

ВСЕГДА ВПЕРЕДИ ЛЕЙТЕНАНТЫ

П О В Е С Т Ь

*Военачальником может быть
офицер с умом полководца
и энергией лейтенанта.*

ОТ АВТОРА

О Великой Отечественной войне написано много книг. Их авторы — как известные полководцы-маршалы, генералы, так и простые участники войны. В книгах отражены масштабные, стратегические битвы, роль в них командиров разных рангов. Образы героев обобщены в лицах командного состава, которые действуют мудро и решительно. Это неоспоримый факт.

В настоящей повести показаны события, имевшие место в 1943, 1944, 1945 годах на Западном, 2-м и 3-м Белорусских фронтах. Это освобождение Белоруссии, Литвы, северной части Польши, взятие Восточной Пруссии, города-крепости Кенигсберга. Свидетелем и участником этих событий был сам автор, его молодые друзья — офицеры, разведчики, поэтому ему близки, понятны их мысли, чувства и действия.

Речь идет, в первую очередь, о лейтенантах, выпускниках училищ военного времени, при обучении которых были учтены ошибки и промахи первых дней войны. Они быстрее овладевали в этой обстановке новыми формами и методами ведения боя, обладали повышенным чувством долга и ответственности. Как показывает опыт войны, особая роль принадлежит лейтенантам взводного, ротного и батальонного звена, которые всегда находятся с солдатами и впереди их, обеспечивая победу.

Особую роль в победе над фашизмом сыграло и оснащение войск новой техникой. Это и самолеты всех видов, новые образцы танков, артиллерии, вездеходного автотранспорта. И здесь молодые лейтенанты были впереди, быстрее ее осваивали, способствуя мобильности и маневренности войсковых частей и подразделений. По инициативе лейтенантов применялись новые методы разведки. Это в первую очередь создание комбинированных разведгрупп, состоявших из разведчиков заинтересованных родов войск. В повести описаны действия таких групп, состоявших из разведчиков-танкистов, артиллеристов, саперов и пехоты, при взятии города Вилленберга и других городов. Заслуживает внимания проникновение в тылы противника в дневное время. Это тоже идея лейтенантов.

Заряженные энергией на победу, лейтенанты всегда впереди.

СМОЛЕНСК, ВОРОТА ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Лещёв прибыл в Смоленск 31 декабря 1943 года, во второй половине дня. Еще в Москве, в военной комендатуре вокзала, получая талоны на билеты, он познакомился с двумя лейтенантами, которые, как и он, следовали из главного офицерского резерва РККА в Смоленск, а далее на Западный фронт. Ими были Николай Кольцов и Илья Уваров.

Лейтенантам повезло, в поезде «Москва–Смоленск» им досталось целое купе в общем вагоне, две нижних и одна верхняя полки. Лещёв, как самый легкий, одним махом оказался на верхней полке.

Обустроившись в купе, начали соображать насчет ужина. У Уварова была четвертинка спирта, которую он выменял за продукты у железнодорожников, на случай встречи Нового года в непредвиденной ситуации. У Кольцова — банка тушенки, хлеб, у Лещёва была колбаса. Офицеры выпили за уходящий 1943 год, год их выпуска из военных училищ, хорошо поужинали, и разговор пошел сам по себе. На разные темы. О себе Лещёв рассказал, что окончил факультет АИР (артиллерийской инструментальной разведки) Одесского артиллерийского училища и тоже едет на Западный фронт. Оба лейтенанта Уваров и Кольцов оказались из одного училища, дружили ещё со школы в городе Беззники.

В Коломенском учебном центре артиллерии их обучали новым видам стрельбы из 76-миллиметровых пушек. Эта стрельба называется «стрельба на рикошетах». Ее суть заключается в поражении живой силы и техники противника на обратных скатах высот. Оба лейтенанта ехали на должности командиров взводов. Далее они балагурили, рассказывали смешные случаи из жизни курсантов, анекдоты и незаметно уснули.

Проснулись перед Смоленском. И вот сейчас, идя по территории вокзала, им казалось все необычно и даже интересно. Они воочию видели, что сделал враг с этим городом. Этот город не толь-

ко ворота Западного фронта, это исторический город, с именем которого связаны многие события нашей страны. Он всегда стоял на пути вражеских походов на Россию.

Отбросив эмоции, они направились к военному коменданту, чтобы сделать отметку о своем прибытии, получить талоны на питание за двое суток и решить проблему встречи Нового, 1944 года. У дежурного офицера комендатуры, как всегда, была очередь за продпайком. Они простояли около часа, зато получили три буханки хлеба, тушенку, жиры, сахар и пищевые концентраты. Это разные каши, супы, кисель, а также табак.

У вокзальных работников спросили, где можно достать водки. Им сказали, что здесь нет, а вот самогонку можно выменять вот там. Им указали на погоревшую часть города, вот туда идите, там можно обменять спиртное на продукты.

По совету железнодорожников офицеры перешли железную дорогу, шоссе и увидели, что среди сгоревших домов есть уцелевшие и чуть обгоревшие, много землянок и строений, сколоченных из обгоревших досок, жести и других материалов. У первой попавшей им навстречу женщины они спросили, где можно достать выпивку, чтобы встретить Новый год? Та ответила, что перед праздником в каждом доме есть, но только из картошки.

«Если у вас есть хлебушко, то я вам уступлю одну бутылку самогона-первача, за буханку хлеба». Решительный Кольцов быстро провернул эту сделку, и офицеры пошли искать, где можно встретить Новый год, желательно в компании женщины.

Через некоторое время им попался слегка обгоревший дом, во дворе которого маленькая девочка играла с кошкой. Офицеры спросили у девочки, кто здесь живет? Та ответила, что она с мамой, тетя Вера и тетя Валя — это сестры мамы. Очевидно, увидев лейтенантов через окно, на крыльцо вышла молодая женщина и сказала: «Заходите в хату, гостями будете, а то мы тут одни бабы». Лейтенанты вошли в дом, в снях стряхнули снег с сапог, разделись. Затем вошли в комнату.

Посреди комнаты стоял стол, над ним висела керосиновая лампа, в углу на тумбочке стоял патефон. Лейтенанты представились, назвав свои имена. Мама девочки назвалась Раисой, она также назвала имена своих сестер, Вера и Валя. На столе уже стояла бутылка самогона, тарелки с солеными огурцами, вареной картошкой и куриными яйцами. Николай поставил нашу бутылку самогонки, хлеб и две банки тушенки, а хозяйке отдал пищевые концентраты, жиры и сахар. По приглашению хозяйки все сели за стол.

Ловкий на все руки уралец, как кавказский тамада, взял управление весельем в свои руки. Разлив самогонку в стаканы и чашки, помянули погибших родственников, помолчали, затем стали закусывать. Хозяйка дома в это время разогрела тушенку, смешала ее с картошкой, и получилось праздничное блюдо. Николай предложил новый тост — выпить за уходящий 1943 год, это год их выпуска, за здоровье добрых людей, за женщин. Все снова выпили, повеселели.

Лещёв, с разрешения хозяйки, завел патефон, поставив одну из имеющихся четырех пластинок, а именно «Приориту». Все встали из-за стола и стали танцевать, после этого ещё несколько раз выпили и от души веселились. Когда до Нового года оставались минуты, Николай снова предложил налить самогонки. Все встали, выпили за Новый, 1944 год, за грядущую победу, которую, как уверенно думал Лещёв, принесут такие, как он, лейтенанты. Эти же слова повторил Николай и добавил, что это будут выпускники военных училищ 1943–1944 годов.

Около трех часов ночи они покинули гостеприимный дом и отправились на вокзал. На вокзале было шумно и дымно. Кто спал, кто продолжал встречать Новый год, в основном, это были солдаты-фронтовики. На вокзале лейтенанты нашли свободный уголок, присели и немного отдохнули.

Часа через два, когда начало светать, они на попутной машине направились в Красный бор, где находился контрольно-пропускной пункт (КПП), ворота в тылы Западного фронта. Он располагался в самом узком месте, между рекой Днепр и железной дорогой, ведущей на Оршу и Витебск. Здесь же находились несколько блиндажей и землянок, в которых жили сотрудники КПП, охрана, состоящая из пограничников, регулировщики движения, это, в основном, девушки.

Не успели сойти с автомашины, как к ним подошел офицер с повязкой на рукаве шинели «дежурный по КПП», который проверил документы, спросил, куда едут. Лейтенанты ответили, что следуют в резерв управления кадров Западного фронта. После этого к ним подошел начальник КПП, капитан, который поздравил их с Новым годом и прибытием на Западный фронт. Капитан рассказал, как проехать к месту назначения, приказал девушкам-регулирующим посадить офицеров в нужную им автомашину.

Лещёв представлял, что фронт — это 3–4 линии окопов. А здесь блиндажи, доты, дзоты, штабы, тыловые объекты, такой масштаб! Глубина только тылов 50–60 километров, от Смоленска до Орши,

Витебска и Могилева, сотни сел, деревень и даже городов. По существу, Смоленск — ворота Западного фронта. КПП охраняли два дзота с пулеметами и зенитными орудиями, рядом располагались блиндажи с пограничниками, военными регулировщиками и другими подразделениями.

Движение автомашин было очень частым, как на фронт, так и в сторону Смоленска. Вскоре лейтенанты, как и другие военные, ехали в кузове грузовой автомашины по Витебскому шоссе в сторону фронта. В пути они были более двух часов.

В расположение резерва фронта они прибыли в полдень. Дежурный офицер разместил их в доме для офицеров резерва, сказав, что с ними будут разбираться завтра, так как сегодня праздник и начальство отдыхает. Решив вопрос с ночлегом, лейтенанты прошли по деревне, где находился резерв, нашли женщину, у которой купили бутылку самогона на завтра, чтобы отметить новые назначения и на прощанье.

На следующее утро в штабе резерва их встретил все тот же седой симпатичный майор, очевидно, какой-то руководитель. Он поздоровался с прибывшими, поздравил с Новым годом всех офицеров, а Кольцова и Уварова направил в кабинет № 3. Минут через тридцать они вышли из кабинета радостные, размахивая документами. Оба получили назначение в артиллерийский полк, 285-й, стрелковой дивизии фронта. Они вышли к дороге, ведущей на фронт. Вскоре появилась автомашина, и они уехали. Отправив друзей, Лещёв вернулся в дом, где провели ночь, расположился на топчане, пытаясь уснуть.

В комнате было шумно. Играли в карты, рассказывали разные истории, курили, это отвлекало и раздражало Лещёва. Как в забытьи, он начал вспоминать учебу в десятом классе, в городе Березники, переезд в Свердловск, к родителям. Там Кагановический райком комсомола направил его на учебу в группу по подготовке партизанских разведчиков при райвоенкомате.

Здесь обучали всему, что нужно партизану-разведчику в тылу у немцев. Особое внимание уделялось стрелковой подготовке. Учили стрелять из всех видов стрелкового оружия, в том числе из снайперской винтовки. Лещёв как раз был в группе из пяти человек, которых обучали этому нелегкому делу, ему это было по душе, он с детства с отцом ходил на охоту и много стрелял. В средней школе он также занимался в стрелковом кружке.

Занятия этого спецотряда проводились в лесу на специальном полигоне, где не только стреляли, но и метали боевые гранаты,

изучали тактику боя в любых условиях — в лесу, населенном пункте и на железной дороге, а также захват пленных.

Воспоминания Лещёва прервал голос дневального, приглашающий всех на обед. После обеда Лещёв побродил немного по деревне, подышал свежим деревенским воздухом и вернулся к помещению бывшей школы, где размещался резерв. Здесь он встретил седого майора, который сообщил ему, чтобы он завтра был пораньше у кабинета № 3, там уже подготовлены документы о направлении его в 7-й запасной полк на должность командира учебного взвода разведки.

На следующее утро Лещёв раньше всех поднялся, и, не дожидаясь завтрака, первым стоял у двери кабинета № 3. Вскоре пришли сотрудники, и его первым пригласили войти. Средних лет капитан вручил Лещёву уже приготовленные документы, предписания, аттестаты и рассказал, как найти штаб полка. В полку вначале нужно обратиться к начальнику штаба майору Вихрову, а затем представиться командиру полка, полковнику Иванову, а там будете действовать по их указанию. Вскоре Лещёв ехал на автомашине в полк. Проехав километров двадцать, он увидел столб с дощечкой-указателем «хозяйство Иванова». Попросив шофера остановить автомашину, Лещёв сошел с нее и быстрыми шагами направился к зданию штаба полка.

Минут через десять он уже докладывал майору Вихрову о своем прибытии. Тот сказал, что ему звонили из резерва, поэтому он в курсе данных Лещёва. Будете служить во втором дивизионе командиром взвода, постарайтесь оправдать доверие командования. Далее Вихров спросил: «Есть ли у Лещёва фотография для удостоверения»? Лещёв ответил утвердительно, и начштаба вызвал сержанта и приказал ему выписать удостоверение личности лейтенанту. Когда сержант вышел, Вихров предложил погулять Лещёву в коридоре. Прошло минут пятнадцать, и Вихров вызвал Лещёва снова, вручил удостоверение личности и повел к командиру полка. Войдя в кабинет полковника, Лещёв, как положено, доложил о своем прибытии для дальнейшего прохождения службы. Полковник встал из-за стола, пожал руку Лещёву и сказал: «Служи, сынок, служи. А сейчас иди в свой второй дивизион, там Демкин представит тебя офицерскому составу дивизиона».

Выйдя из штаба полка, Лещёв достал из кармана удостоверение личности, раскрыл его и прочитал, что написано внутри: «Действующая армия», ниже «Западный фронт», далее звание, долж-

ность, фамилия и название воинской части. После этого Лещёв направился в дивизион.

Попутно он изучал расположение объектов, служб, складов, а также пути к ним. Ему понравились дороги, как на территории полка, так и к его подразделениям, в том числе во 2-й дивизион. Все полковые службы находились в лесу и с воздуха не просматривались. Дорога, которая вела во второй дивизион, пролегла среди хвойного леса и упиралась в такой же хвойный лес, на опушке которого виднелись землянки, навесы и другие сооружения хозяйственного назначения. Здесь же располагались спортивная площадка, плац для построений и какие-то хозяйственные постройки.

Идя хвойным лесом по дороге в дивизион, Лещев вспомнил примерно такой же лес в окрестностях города Березники на Урале. Там в 1941–1942 годах он учился в десятом классе, находясь в эвакуации. Уроки физкультуры и по военному делу были объединены и проводились один день в неделю, с утра и почти до темноты. Это была не просто прогулка, а занятие. У каждого за плечами была трофейная польская винтовка и вещмешок с песком. Кроме лыжной подготовки и военной топографии ребята стреляли из малокалиберной винтовки, а один раз даже из боевой, которую выделял военкомат. По возвращении в школу всех кормили, каждому в буфете выдавали по две порции пельменей, это шестнадцать штук, которые проглатывались, почти не замечая. Однажды в присутствии представителя военкомата учили кинуть в условную цель по одной гранате. Все уже ходили стриженными, так как были кандидатами в Котельническое авиатехническое училище, и школьная закалка пригодились многим, в том числе и Лещёву.

Раздумья Лещёва прервал сигнал автомобиля, который следовал в попутном направлении. Лещёв пропустил автомобиль и вскоре оказался на территории дивизиона.

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН

Прибыв во второй дивизион, Лещёв нашел штаб дивизиона. Войдя в штаб, сразу же представился командиру дивизиона майору Демкину, тот представил Лещёва, собравшимся офицерам штаба и командирам батарей. После этой процедуры Лещёва познакомили с командиром батареи, в которой будет служить он. Этот офицер сам подошел к Лещёву и представился как старший лейтенант Фролов Семен Николаевич. Офицеры пожали руки друг другу и стали вести разговор о военных буднях. Как понял Лещёв из разговоров, Демкин и Фролов — из офицеров запаса. Об этом говорил и их внешний вид, и почти гражданская речь, и многое другое, но службу они знали неплохо. На Лещёва Фролов произвел неопределенное впечатление. Ему на вид было лет тридцать пять, среднего роста, толстый, слегка неуклюжий, всегда с мокрыми губами с постоянной улыбкой на лице, скептик. К новинкам в военном деле относится с недоверием, а к Лещёву — снисходительно и сразу перешел на «ты». Выйдя из помещения штаба, Фролов показал расположение дивизиона и батареи.

С военной точки зрения и маскировки все соответствовало. С воздуха не просматривалось, так как находилось в глубине опушки леса. В беседе Фролов сказал, что Лещёв будет жить в его землянке, куда они и направились.

У входа в землянку стоял мальчик лет четырнадцати в военной форме. Увидев офицеров, он отдал честь и спросил у Фролова, можно ли приносить ужин на двоих, имея в виду и Лещёва. Фролов эту мысль поддержал, и мальчик, взяв два котелка, побежал, очевидно, на кухню. Фролов пояснил, что это «сын полка», зовут его Лёшка, живет в соседней землянке со старшиной, помогает по хозяйству, дежурит у телефона, носит командирам еду.

Землянка Фролова была оборудована очень удобно, глубоко в земле, но с окошком. Внутри два топчана, между ними стол, у стены у входа печь и табурет для телефона, на дверном проеме кошама, для сохранения тепла. Вскоре вернулся Лёшка, он принес два котелка каши с мясом, сахар, чай, хлеб и сразу ушел.

Фролов просто сказал Лещёву: «Располагайся на этом топчане у двери, здесь мы будем жить». Землянка и топчан, как и все внутри, понравилось Лещёву. Стены обиты тесом, над топчанами, как ковры, висели солдатские плащ-палатки, между топчанами под столом стоял ящик, похожий на тумбочку. Фролов достал из этого ящика бутылку со спиртом и, обращаясь к Лещёву, сказал: «За новоселье можно и по маленькой».

Он разлил спирт в гранёные стаканы, примерно наполовину, а в солдатские кружки налил холодного чая, объясняя, что спирт надо запивать. Они выпили, запили чаем, затем с аппетитом поужинали. Во время ужина Фролов вел разговор о том, что ему звонили из штаба и говорили о Лещёве положительно, он рад этому, такие офицеры ему нужны. «Завтра приступай к занятиям, — сказал он. — У тебя взвод большой, около тридцати человек, все разные по возрасту и разной выучки, твоя задача подготовить из них хороших разведчиков для передовой. Сроки у нас сжатые. Бывало, пришлют пополнение, три–четыре дня подготовки — и сразу на передовую».

После ужина Лещёв вышел на воздух, прогулялся по заснеженным тропинкам, выяснил, где находятся солдатские землянки, туалеты, кухня, другие подразделения. Возвращаясь к землянке, он неожиданно встретил старшего сержанта Склера, его помощника. Лещёв уже слышал, что Склера исполнял обязанности командира, что это знающий службу и требовательный сержант, в полку он давно, его уважают и командиры, и солдаты. Склера — высокий, крепкий человек, с добрым улыбочивым лицом. Лещёву он казался дядькой, ведь Склера — за тридцать, а Лещёву только девятнадцать. Несмотря на это, у них возникло взаимопонимание. Лещёв предупредил Склера о завтрашнем занятии и попросил, чтобы на занятиях были все приборы и пособия.

Вернувшись в землянку, Лещёв застал Фролова уже спящим. Лещёв тоже прилег, после всех нагрузок и переживаний сразу уснул. Утром проснулись рано, Лёшка принес воды, умылись, позавтракали, завтрак также принес он. В девять утра Склера построил взвод, и когда к строю подошли офицеры, как положено по уставу, доложил. Фролов поздоровался с солдатами, после чего представил Лещёва как нового командира взвода, а сам ушел.

Лещёв любил разведку, знал ее и любил говорить о разведке всегда. Здесь перед взводом он тоже сказал, что разведка — глаза и уши армии, ведется круглосуточно, без выходных и праздни-

ков, объяснил, что невыявленная огневая точка противника может нанести большой урон нашим войскам.

После этого он обошел строй взвода, побеседовал с молодыми сержантами, ранее служившими в артиллерийской разведке. Это он отбирал кандидатов на должность будущих командиров отделений. Лещёв разбил взвод на четыре группы для занятий на приборах. Одну группу взял себе, другую — Скияру, третью и четвертую — командирам отделений Приходько и Сенкевичу.

Занятия проходили нормально, многие хорошо умели пользоваться оптическими приборами, умели определять расстояния, знали признаки целей, знали и умели вести документацию. Один солдат спросил у Лещёва, был ли он сам на передовой, что все так хорошо знает? Лещёв спокойно ответил, что не был, но не по своей воле. Он рассказал, что с отличием окончил военное училище, хорошо знает все виды инструментальной разведки и многое другое. Поэтому, вопреки желанию попасть на фронт, его направили в 9-й разведывательный запасной полк в Саранск, где он подготовил и выпустил двадцать восемь командиров отделений разведки. За другой рапорт вместо передовой направили сюда. «И вот я перед вами, — сказал он, — а летом, наверняка, пошлют на передовую».

Занятия проходили нормально, на воздухе у каждой группы были свои приборы, бинокли, стереотрубы, перископы. Через каждый час группы менялись ими. После обеда, в землянке-казарме, где размещалась вся батарея, Лещёв проводил занятия по политподготовке, а затем у солдат по распорядку было личное время, далее ужин, вечерняя поверка, и день прошел. И так ежедневно.

В таких заботах прошел почти весь январь и начало февраля 1944 года, правда, в воскресные дни Лещёв с Лёшкой катались на лыжах по крутым склонам реки Днепр. Лещёв любил лыжи, умел хорошо ими пользоваться и любил просто покататься на них. В училище он был в лыжной команде и участвовал в разных показательных выступлениях.

Новым событием в эти дни был концерт самодеятельности полка. В наспех построенном помещении, напоминающем барак, только со скамейками и сценой, пели, плясали, читали стихи участники самодеятельности из числа солдат и офицеров. Все были рады такому событию.

Здесь был и хор, и танцы, и сольные номера. Особенно запомнилась всем песня, которую исполнял штабной капитан, «Ой Днепро, Днепро». Ее слова задевали за живое души солдат и офице-

ров, капитану пришлось дважды ее петь. Все слушатели повторяли слова этой песни:

*«Ой, Днепр, Днепр, ты широк могуч.
Из твоих стремнин ворог воду пьет.
Захлебнется он той водой».*

После концерта, как всегда, были танцы под аккордеон. Ещё Лещёв считал для себя важным событием покупку немецкого пистолета «парабеллум». Всего за девятьсот рублей ему уступил этот пистолет шофер, прибывший за пополнением для передовой. В придачу он дал две обоймы, около сотни патронов и немецкий штык в хромированных ножнах.

Необычно изменилась жизнь Лещёва после 23 февраля 1944 года. Весь полк отмечал день Красной Армии, а Лещёва назначили начальником полкового караула. В караульное помещение он прибыл позже, но его верный помощник Скляр произвел смену караула, расставил посты, принял документацию и все остальное.

Когда в караульное помещении прибыл Лещёв, он стал изучать постовую ведомость, главный документ расстановки постов. Он обратил внимание на пост номер три — гауптвахта, мужская и женская. Скляр пояснил, что это две землянки, в которых содержатся арестованные за дисциплинарные проступки. В одной две девушки, в другой три солдата, а охраняет один часовой. Изучив всю документацию, Лещёв около полуночи пошел проверять посты, так он сказал Скляру, а сам пошел на женскую гауптвахту. Часовой, увидев Лещёва, окликнул, как положено, но, узнав начальника караула, подпустил к себе.

Побеседовав с часовым и предупредив о бдительности, Лещёв вошел в землянку женской гауптвахты. В землянке он увидел двух девушек, одна толстая, лежала на топчане лицом к стене и спала, другая молодая и красивая, сразу заговорила с Лещёвым, сказав, что ей очень приятно видеть здесь такого молодого лейтенанта. Она предложила раздеться и сесть на топчан рядом с ней. Сказала, что ее зовут Саша Буянова, и спросила: «А тебя как?» Вячеслав, ответил Лещёв. «Для меня — Славик», — заявила она. И добавила: «Ты такой молоденький, наверное, нецелованный, и с женщинами наверняка не спал, но ничего, это поправимо. Пока ты здесь, я тебя научу всему». После этого она стала на колени, прямо на топчане, расстегнула все пуговицы ворота гимнастерки, обнажила красивую молодую грудь и сказала: «Теперь можешь обнять свою Шу-

рочку». При этом она взяла руку Лещёва и положила себе на голую грудь со словами: «Обними меня покрепче и поцелуй». Лещёв, как замороженный, поцеловал ее в щеку. Шура сказала: «Разве так целуют»? Она обняла голову Лещёва и начала целовать лейтенанта в губы, глаза, шею, затем, взяв его руки, стала целовать каждый палец рук. После этого она снова взяла голову лейтенанта в свои руки и стала страстно его целовать в губы и потянула на себя.

Лещёв слабо сопротивлялся, говоря, что он в наряде и ему нельзя нарушать устав. Шурочка возмутилась и стала шептать: «Какой наряд, какой устав, Любовь выше всего!»

В этот момент в дверь постучали, и раздался голос Скляра, помощника Лещёва: «Приходил дежурный по полку, спрашивал Вас, я сказал, что Вы проверяете часовых, поэтому Вам необходимо срочно явиться в караульное помещение». Лещев ответил, что идет. Оторвался от Шурочки, быстро оделся и ушел.

Идя в караульное помещение, Лещев осуждал себя за неправильное поведение на гауптвахте, за то, что проявил элемент слабоволия. Буянова специально его провоцировала, используя его молодость. На следующий день Лещёв сдал караул новому составу, и вместе со своим караулом отправился в дивизион. Скляр хмуро поглядывал в сторону Лещёва, но Лещёв успокоил Скляра, сказав, что все будет нормально, номер с Шурочкой не пройдет так, он найдет ее, встретится обязательно, чтобы сказать ей в глаза, кто она есть. Он пытался встретиться с ней и раньше, чтобы снять со своей души неприятный осадок того негатива, который он допустил, проверяя посты и оставшись на гауптвахте.

Лещёв несколько раз ходил к гауптвахте, пытаясь передать записку Буяновой, но часовые из других подразделений отвечали: «Не положено», и Лещёв уходил. Через три дня землянки сравняли с землей, а гауптвахту перевели в одно из помещений штаба. Лещёв снова написал записку и попросил Скляра, имеющего много знакомых среди штабных сержантов, попытаться передать ее на новую гауптвахту.

Прошло около часа, пока возвратился Скляр. Он рассказал, как передал записку знакомому сержанту из караула, но неожиданно появился «особист», так называли работников контрразведки СМЕРШ. Прочитав записку, он сказал: «Передай своему лейтенанту, пусть глупостями не занимается», и ушел.

Через два дня Лещёв, как обычно утром, участвовал в беседах с вновь прибывшим пополнением, выявляя среди них способных для службы в разведке. Затем он руководил занятиями с разведчи-

ками. В обязанности Лещёва входило также проведение политинформаций и политзанятий со всей батареей.

После обеда он пошел на прогулку по лесной дороге в сторону штаба полка. При возвращении с прогулки, примерно на полпути к дивизиону, со стороны хвойного лесочка, в котором находился большой дом контрразведки, выбежал офицер без шинели и поманил рукой, призывая лейтенанта подойти. Лещёв сразу узнал старшего лейтенанта Самсонова Игоря, контрразведчика из СМЕРШ.

Подбежав и отдав честь, Лещёв представился. Самсонов ответил, что знает лейтенанта, пригласил в помещение, предложил раздеться и сесть. Кабинет Самсонова был первым от входной двери, с одним окном, которое выходило на дорогу. В кабинете был стол, диван, несколько стульев. На стенах висели портреты Сталина и Дзержинского. Самсонов сразу сказал, что ознакомился с личным делом, даже сделал выписки из него. «Личное дело хорошее, — произнес он. — С такими данными можно и у нас служить. Характеристики только положительные, отмечается учеба в спецотряде по подготовке партизанских разведчиков в Свердловске, занятие спортом и прочие положительные моменты. И тут Буянова. Она у нас на учете, кроме того, она ППЖ, то есть полевая походная жена командира пулеметно-зенитного дивизиона. Выбрось её из головы!»

Самсонов достал из ящика стола записку Лещёва Буяновой и разорвал на мелкие кусочки со словами: «Поговорим о деле».

В газетах пишут: «На Западном фронте без перемен». Не верь этому. На самом деле идет скрытая, не всем видимая война разведок. Ежедневно, в любую погоду, днем и ночью к нам в тыл засылаются десятки агентов, разведчиков разных мастей, то же делаем и мы. В этом здании работает и живет розыскной отдел Управления контрразведки СМЕРШ Западного фронта. Сотрудники отдела отдают все силы, мастерство и умение, чтобы своевременно перехватить вражеских разведчиков. Они хорошо подготовлены, владеют разными приемами борьбы, стреляют одновременно из двух рук, сильные духом и телом. Но их мало, поэтому Командующий распорядился привлекать им на помощь солдат и офицеров из воинских частей. И мы это делаем, и не без успеха. Почти каждый день обезвреживаются вражеские группы разведчиков. Я могу включить и тебя в список офицеров, которые допущены к этим мероприятиям.

Лещёв, как замороженный, слушал Самсонова, и сказал, что он согласен на участие в любом мероприятии. Прощаясь, Самсонов

предупредил Лещёва не распространяться на эту тему. Далее он напомнил, что в Смоленской области немцы оставили много агентов и других пособников, поэтому нужно всегда учитывать эти обстоятельства. Кроме этого, в тылах фронта осталось много дезертиров и просто вооруженных бандитов.

После беседы с Самсоновым Лещев снова почувствовал себя человеком с чистой совестью. Он, как бы, повзрослел. В девятнадцать лет он стал более мудрым и мужественным.

В дивизион Лещёв возвращался под впечатлением встречи и беседы с Самсоновым. Когда Лещёв пришел в землянку, Фролов был уже там. В это время и Лёшка пришел с ужином — как всегда, каша, но с тушенкой, чай, хлеб и сахар. За ужином Фролов снова предложил «по маленькой», для аппетита, хотя Лещёв не всегда любил эту процедуру, тем более на ночь. Выпили, закусили ужином, и Лещёв стал говорить, что сегодня его встретил Самсонов, работник контрразведки.

Он сказал, что вокруг имени Лещёва распространяется ненужный разговор о его подготовке в партизанский отряд, о владении им, Лещёвым, приемами дзюдо и джиу-джитсу, а также умении стрелять из всех видов стрелкового оружия. Распространил эту информацию, скорее всего, штабной работник, знакомый с личным делом Лещёва. Фролов с интересом слушал слова Лещёва, затем заметил, что с такими данными нужно служить в контрразведке. На это Лещёв ответил, что его включили в список для участия в каких-то мероприятиях, об этом сказал Самсонов.

Затем Лещёв стал рассказывать о себе. Его отец железнодорожник, и часто по роду его работы перебрасывался из города в город. Жили в разных городах юга Украины. Это Днепродзержинск, Симферополь, Кривой Рог, Запорожье. Лещёв рос нормальным мальчишкой, правда, проявлял любопытство и интерес к путешествиям и разным видам спорта, особенно, к редким видам единоборств, любил военные книги и стрельбу. Первыми такими книгами были военная топография и Учебник артиллерии. Когда жили в Симферополе, после просмотра фильма «Ущелье Аламасов», где герои фильма метали большие ножи в цирке вокруг человека, а затем такими ножами поражали басмачей, Лещёв решил овладеть этим искусством. Он смастерил подобный нож, стал его метать, достиг определенных успехов. Метанием ножей он потихонечку и сейчас занимается. А дзюдо начал заниматься в седьмом классе самостоятельно. До войны мало кто знал, что это такое. Лещёв прочитал в энциклопедии

об этих японских единоборствах, других источников о дзюдо не было в то время.

Недолго думая, Лещёв в двух библиотеках города Кривой Рог лезвием бритвы вырезал по несколько листов с текстом описания и картинками о дзюдо и стал изучать все приемы нападения и защиты, сначала самостоятельно, потом стал отрабатывать эти приемы с напарником и другими ребятами. В девятом классе он мог отразить любое нападение с ножом.

Еще у Лещева было увлечение: собирать редкие камушки и создавать коллекции разных минералов. Он интересовался геологией, так как мечтал после десятого класса поступить на факультет геологической разведки. У него была до войны хорошая коллекция минералов. С девятого класса, по совету друга Ивана Резника, его одноклассника, он начал вести дневник, в который записывал события, окружавшие его, свои мысли, где был, с кем встречался. До войны у него было уже десять 48-листовых тетрадей. В дневник он также записывал собственные стихи, описание пейзажей, портреты друзей, знакомых и просто людей с интересной внешностью.

Когда началась война, немцы стали бомбить отдельные районы города. Промышленные объекты не бомбили, а на жилые районы сбрасывали зажигательные бомбы. Нападению немецкой авиации подвергались транспортные коммуникации и военные объекты, зенитные батареи, колонны войск. Вблизи железнодорожной станции, где начальником был отец Лещёва, располагалось поселение болгар, они занимались выращиванием овощей вдоль реки Саксагань и их сбытом на рынках города. Когда пролетали немецкие самолеты, некоторые болгары появлялись в районе железной дороги и ракетами указывали объекты для бомбежки.

Так было и в тот вечер, 17 июля 1941 года. Немецкие самолеты летели в два яруса, пониже летели «Юнкерсы-87», это пикирующие самолеты, выше «Хенкели-111», это тяжелые бомбардировщики. В момент их пролета за железной дорогой в трех точках взлетели в небо по две зеленые ракеты. Все ребята, которые находились в месте нашего сбора, на спортивной площадке, у перекладки, разбились на группы и побежали к местам взлета ракет. Лещёв оказался один, и в это время за железной дорогой, где идет виадук (туннель) в небо взлетели еще две зеленые ракеты. Лещёв посмотрел по сторонам — из ребят никого не было — и один побежал в туннель.

В конце туннеля в результате ливневых дождей образовалась яма глубиной до двух метров и шириной около трех метров. Через

нее были переброшены две доски с перилами для прохода жителей поселков, расположенных за станцией. На краю этого мостика стоял небольшого роста человек с двуствольной ракетницей в левой руке, из стволов которой струился дым.

Заметив Лещёва, который был одет в перешитый отцовский китель железнодорожника, этот человек сказал: «Бдительные железнодорожники», и правой рукой, в которой был нож, замахнулся, чтобы поразить Лещёва. Лещёв мгновенно правой ногой отступил назад, левой рукой блокировал руку с ножом ракетчика, этой же рукой схватил противника за рукав его одежды, дернул на себя и нанес финкой, которую держал в рукаве куртки, удар под левое ребро.

Ракетчик упал в яму, а Лещёв убежал в свой двор. Он рассказал ребятам, которые только возвратились с обхода, о том, что убил или ранил ракетчика на мостках в туннеле. Все побежали туда, стали осматривать мостик и яму. На перилах и на досках настила была кровь, в яме следы ступней, но ракетчика не было. Куда он пропал или кто его вытащил, так и осталось тайной.

Фролов с интересом выслушал Лещёва, сказав, что неплохо бы с такими приемами ознакомить наших командиров, их знание может пригодиться в боевой обстановке. Лещёв подтвердил это.

Далее Лещёв рассказал, чему учили на курсах партизанских разведчиков: это приемы ведения разведки на местности, в лесу, в населенном пункте, как снять часового, стрельба из всех видов немецкого оружия и многое другое. Незаметно Фролов уснул, Лещёв последовал его примеру.

Последующие три дня прошли обычно, теоретические и практические занятия с приборами, политзанятия, хозработы. На четвертый день после обеда Лещёва вызвали к командиру дивизиона. Майор Сёмкин в кабинете был один. Лещёв доложил о своем прибытии и стал ждать, что скажет майор. Сёмкин сказал: «Тебе, Лещёв, необходимо явиться в штаб полка, к майору Вихрову, к семнадцати часам, а там объявят, что делать. Захвати оружие и будь осторожен, это война». Прибыв в штаб полка, Лещёв увидел, что во дворе стоят две грузовые автомашины, ЗИС и газик, а в сторонке расположились около двадцати солдат и сержантов, вооруженных автоматами ППШ. Лещёв направился в помещение, к кабинету начальника штаба. В кабинете кроме Вихрова находился капитан в общевойсковой форме. Лещёв поздоровался и представился офицерам. Капитан тоже представился, назваля Немцовым, из контрразведки. Обращаясь к Ле-

щёву, Вихров сказал, что ему оказано большое доверие участвовать в специальных мероприятиях, подробности объяснит капитан.

Капитан четко и ясно стал объяснять, что в наши тылы пробирается группа немецких разведчиков-диверсантов, которых нужно задержать, желательно живыми. Далее капитан достал карту и на ней показал место, где необходимо блокировать и задержать немецких разведчиков.

Это был небольшой овраг, который начинался у опушки лесного массива, а заканчивался в одном километре от деревни Барсуки. В овраге протекал ручей. Как сказал капитан, рядом с ручьем проходит тропа, по которой из леса должна двигаться немецкая разведгруппа. Он сказал: «В конце тропы, ближе к выходу из оврага, мы должны взять эту группу. Вот такая диспозиция. Лейтенант, вопросы есть?» Лещёв ответил, что вопросов нет, он подобную ситуацию изучал в группе по подготовке партизанских разведчиков.

Тогда создавались группы захвата и прикрытия, а также использовались осветительные ракеты. Кроме того, у разведчиков были веревки с петлей на одном конце. Лещёв вынул из кармана веревку, подошел к майору, извинился, сказав: «Ради науки», взял левую руку, мгновенно завернул за спину, одновременно накиннул на нее петлю веревки, перебросил через правое плечо, конец вынул из-под левой подмышки и, обвязав ею правую, соединил их вместе со словами: «Вот и все, как видите». Немцов предложил Лещёву построить солдат, разбить их на две группы, подобрав подходящих в группу захвата, а остальных — в группу прикрытия. Выйдя на улицу, Лещёв сделал, как приказал капитан.

Обойдя строй, Лещёв поинтересовался, кто ранее участвовал в подобных операциях. Из строя вышли четыре сержанта и два рядовых. «Вот Вы, старший сержант, — тот сразу представился, назвав звание и фамилию, Петренко, — Будете старшим группы захвата, вам добавят еще четырех солдат. Выбирайте сами», — дал указание Лещев. Петренко вызвал из строя четырех солдат, очевидно, из своего подразделения. Лещев подытожил: «Вот мы и создали две группы. Конкретную задачу вам поставит капитан. Помните одно, главную задачу выполняет группа захвата».

Минут через пять вышел капитан. Лещев доложил, что созданы две группы и готовы к инструктажу. Немцов нового ничего не сказал, а повторил, что в наши тылы движется группа немецких разведчиков, нам поручено их задержать, причем жестко, оружие

применять как крайнюю меру, стрелять только по ногам. Все шесть разведчиков одеты в советскую военную форму, далее пояснил, что все делается по его команде.

Минут через тридцать машины с солдатами были в районе деревни Барсуки, недалеко от оврага. Все солдаты с нетерпением ожидали появления немецких разведчиков. Наконец поступил сигнал, что группа вошла в овраг.

Лещёв и группа захвата уже были в овраге, и первые услышали приближающиеся шаги и тихий говор речи. Когда разведгруппа поравнялась с засадой, все было разыграно, как по нотам. Раздался бас Немцова: «Сдавайтесь, вы окружены!» Шквальный огонь автоматов, осветительные ракеты, прожекторные фары грузовиков ошеломили немецкую разведгруппу. Большинство из них упали на землю, некоторые подняли руки вверх и закричали: «Не стреляйте, мы свои».

Многие из них были уже повязаны, но один, шедший первым, побежал в сторону кустов, стреляя на ходу из пистолета. Стоявший за деревом Лещёв и солдат тоже открыли огонь, стреляя впереди его ног, но беглец уходил из освещенной зоны. Тогда Лещёв тщательно прицелился и выстрелил в его руку с пистолетом. Выстрел получился удачным, пистолет выпал из его рук, а солдат прикладом автомата сбил с ног немецкого разведчика и связал его. Все задержанные по приказу Немцова были доставлены в розыскной отдел управления контрразведки СМЕРШ фронта.

На следующий день Лещёв зашел к Самсонову, чтобы выяснить, как оценили его работу. Самсонов хорошо встретил Лещёва, сказал, что все довольны его действиями и умением ориентироваться. Он отметил: «Немцову понравилось, как ты мгновенно связал Вихрова. Вообще, ты действовал в это время нормально. К лету мы заберем тебя в наше хозяйство».

Через неделю Лещёв снова участвовал в захвате немецкой разведгруппы. Эта группа состояла из пяти человек. Захват производился в кустах возле реки Мерья. Немецкие разведчики должны были идти через реку по льду, но он был тонкий, и они пошли через мост, что в районе деревни Литовля, боясь провалиться под лёд. Один из них побежал в сторону, и Лещёву пришлось стрелять перед его ногами, но тот резко остановился, и пуля попала в крестец позвоночника, и он погиб. Это была опасная команда агентов-разведчиков с широкими полномочиями. Остальных взяли целенькими, они дали ценные показания, как говорил потом Самсонов.

Лещёв еще пару раз участвовал в захвате немецких разведгрупп и в других подобных мероприятиях. Особо следует отметить его участие в разгроме вооруженной банды дезертиров в деревне Одрино. Эта деревня находилась в глухом месте, почти на границе с Белоруссией. Вооруженные дезертиры скрывались у своих родственников или знакомых. На вооружении имели пистолеты и обрезы.

Операция проводилась под контролем контрразведки войсковыми подразделениями, милицией и деревенской общественностью, это актив сельсовета, учителя школы и демобилизованные воины. Деревня была окружена солдатами, проверку производили шесть групп, по пять-шесть человек в каждой во главе с офицером и сотрудником милиции. При проверке было обнаружено пятнадцать дезертиров с оружием. Один бандит, который открыл огонь из обреза по группе Лещёва, был им убит. Остальных увезли в Смоленск.

На улице уже был май-месяц, появилась травка, земля подсохла, растаяли десятки болот, которые окружали наши подразделения, стали появляться комары, вокруг дорог появилась непролазная грязь, одним словом, наступила весна. Это, возможно, где-то и хорошо. Но только не на нашем фронте. Значительно увеличилось количество солдат и сержантов для прохождения переподготовки, которые тоже отправлялись на передовую.

Взвод Лещёва по численности доходил до девяноста человек. Это целая рота. Времени на учебу не хватало. Все ожидали необычных событий. Даже ввели новые нормы питания — как на передовой, со всеми другими льготами.

ИЮНЬ 1944 ГОДА

Всем выдали обмундирование по фронтовым нормам. Наступал новый месяц, месяц июнь. По мнению Лещёва, в этот месяц все фронты западного направления, особенно в Белоруссии и на Украине, провели важные наступательные операции. Почти на всем участке фронта мы вышли на границы нашего государства.

Вот и наступил июнь-месяц, офицеры поговаривали о возможных изменениях в оперативной обстановке, думая при этом о новом наступлении. Служба шла по-прежнему — учеба, занятия, хозяйственные работы. Увеличилась нагрузка на штабных работников, старшин, склады обеспечения военным имуществом и другим довольствием. Это было связано с увеличением отправки на передовую больших групп пополнения.

Лещёв по-прежнему продолжал совершенствовать свое мастерство в стрельбе из пистолета с обеих рук в самодельном тире за пределами батареи. Занимался он и метанием ножей. Хорошо у него получалось метать немецкий штык, который ему привезли с передовой.

Где-то в середине месяца, сразу после завтрака, всех офицеров неожиданно вызвали в штаб полка. Все обсуждали поспешность такого вызова, потому что это было необычно. Начальник штаба полка Вихров пригласил всех прибывших в кабинет командира полка.

Когда вошел командир полка в сопровождении незнакомого полковника, Вихров, как положено по уставу, дал команду: «Товарищи офицеры!», и доложил, что все офицеры полка собраны. Полковник разрешил всем сесть и представил гостя, это был полковник Еремеев, заведующий отделом Управления формирования частей и соединений Западного фронта. Полковник Еремеев сообщил, что приказом Верховного Главнокомандующего Западный фронт расформируется, а на его базе создаются 1, 2, 3-й Белорусские фронты и 1-й Прибалтийский фронт.

Далее Еремеев сказал, что полный Приказ зачитает полковник Иванов. Тот долго и нудно читал приказ. В нем подробно указывалось, какие армии, корпуса, дивизии и другие формирования ро-

дов войск передаются тому или иному фронту. Перечислялись десятки фамилий генералов, назначаемых на новые должности, указывались полосы наступления фронтов, их задачи. В числе главных и неотложных задач предписывалось 1-му и 3-му Белорусским фронтам в период с 23 июня по 29 августа 1944 года прорвать оборону противника и замкнуть кольцо окружения за Минском у польской границы, громя немецкие войска на своем пути.

2-му Белорусскому фронту была поставлена задача ликвидировать окруженные немецкие части, попавшие в котел. Операция вошла в историю под кодовым названием «Багратион». Это одна из самых выдающихся операций Красной Армии. Когда закончилось своеобразное совещание, офицеры бурно обсуждали услышанное, но каждый думал о своем: куда направят, кем назначат. Так же думал и Лещёв, придя в дивизион. Там пока все занимались подготовкой бойцов для передовой.

Всему личному составу выдали новое летнее обмундирование, офицерам, кроме всего, дали новое снаряжение. Это кожаный широкий пояс с португеей через каждое плечо и прочая экипировка. Через день в штаб полка начали вызывать офицеров за получением назначений. А еще через день началось то, чего все ждали.

Вначале загрохотало на реке Проня, затем под Оршей и Витебском. Все фронты пошли в наступление. Дней через пять в штаб полка вызвали и Лещёва, там уже были приготовлены все документы почти на всех офицеров. Лещёву вручили предписание о направлении его в резерв 2-го Белорусского фронта, а также все виды аттестатов, и приказали догонять это подразделение, которое было на ходу, в движении. Лещёв быстро собрал нехитрый скарб, успев попрощаться только с Лёшкой и старшиной, и двинулся на дорогу.

Здесь в сторону фронта шли десятки автомашин, но Лещёву попался мотоцикл с коляской, на котором он начал свое путешествие к передовой. Правда, через некоторое время он перебрался в кузов автомобиля. После езды на мотоцикле он около часа отряхивал свое обмундирование от дорожной пыли.

Часа через два на перекрестке у регулировщиков движения он спросил, где находится резерв офицеров артиллерии. Лещёву рекомендовали следовать совсем в другом направлении и посадили в автомашину с другими резервистами. Через двое суток он попал в резерв.

К своему удивлению, здесь он снова встретился с седым, симпатичным майором. Теперь он знал его имя и отчество. Его звали Вячеслав Петрович, он был тезкой Лещёва. Оба были рады этой встрече. Майор рассказал, как попал из Западного фронта на 2-й Белорусский, что занимается и вопросами комплектования.

Как свидетель начала войны, он рассказал, что помнит наше отступление в июне 1941 года. По его словам, наше наступление в июне 1944 года более агрессивное и более быстрое. Сотни немецких частей оказались в мешке и в худших условиях, чем мы 1941 году. Далее он говорил, что кадровый состав сейчас, по сравнению с 1941 годом, более подготовленный и самостоятельный, особенно лейтенантское звено. Более быстрое наступление тормозится из-за отсутствия хорошего автотранспорта. У нас до сих пор используются старые вида транспорта. Это ЗИСы и «газики».

В отношении Лещёва майор сказал: «Согласно свидетельству об окончании военного училища, мы обязаны направить вас, как выпускника-отличника, в гвардейскую часть. Но, батенька, сейчас нет разрядки в гвардейские части. Завтра приезжает представитель 948-го артиллерийского полка. Им нужен командир взвода разведки полка. Если согласны, я подготовлю документы на вас».

На следующий день прибыл представитель 948-го полка. Это был заместитель командира полка по строевой части. В короткой беседе с ним Лещёв дал согласие на эту должность, командира взвода полковой разведки.

Представитель 948-го полка решал здесь какие-то свои задачи, и долго ходил по разным кабинетам управления кадров. Когда он появился, шофер, в свою очередь, пошел проведать своих знакомых, и появился в сопровождении знакомого майора, которого нужно подвезти до какой-то части. Наконец, все собрались, и машина тронулась в путь.

Ехали часа полтора, пока не появился населенный пункт с признаками, свойственными воинской части. Здесь майор-пассажира оставил автомашину, и направился в свое подразделение, а все остальные поехали дальше в направлении своего полка

КОМАНДИР ВЗВОДА РАЗВЕДКИ

В этот же день Лещёв прибыл к новому месту службы. Дивизия освобождала Белоруссию. Все было в движении, на ходу, и Лещёва не сразу принял начальник штаба полка. Но потом в короткой беседе он рассказал о традициях полка, что полк входит в состав 285-й Краснознаменной дивизии, что здесь служат много молодых офицеров. Чуть позже Лещёв познакомился с начальником разведки полка капитаном Уткиным, который был его непосредственным начальником.

С разведчиками Лещёв познакомился в пути, в автомашине, когда следовали дальше, на Запад. Это были солдаты, сержанты в возрасте тридцать и более лет каждому, имеющие по два, три ордена, уверенные в себе. На Лещёва смотрели снисходительно.

Неожиданно из-за леса появились немецкие истребители, все кинулись в разные стороны, а Лещёв замешкался и остался в машине. Истребители дали несколько пулеметных очередей по колонне полка и скрылись за лесом. Разведчики и другие военнослужащие стали возвращаться к своим автомашинам. Увидев Лещёва в машине, они с упреком сказали: «Вам что, жить надоело?» Лещёв, улыбаясь, сказал, что просто не успел. Все весело засмеялись. После этого наступила какая-то раскованность между солдатами взвода и лейтенантом.

Предвидя вопросы, Лещёв немного рассказал о себе, в основном, о службе на Западном фронте. Все внимательно слушали, не задавая вопросов. Лещёв также рассказал об участии в специальных операциях по ликвидации разведгрупп противника, давая понять разведчикам, что и он немного понюхал пороха. Разведчикам он сказал, что ценит их боевой опыт и заслуги и попросил помогать ему.

Через некоторое время, когда уже проехали какую-то деревню, на колонну снова налетел немецкий истребитель. Разведчики своевременно укрылись в ровике под кустом на краю дороги, с песчаными откосами, а Лещёв оказался в неглубоком песчаном ровике наверху. Летчик, очевидно, обратил внимание на блестящие ремни специальной портупеи, которые перекрещиваются на спине, ан-

тимоскитную сетку на фуражке, повернул в сторону Лещёва и произвел несколько очередей из пулемета. Лещёв успел нырнуть в более глубокую угловую траншею и, очевидно, это его спасло. После этого случая Лещёв до конца войны не носил портупеи.

В этом полку Лещёв мало занимался боевой деятельностью, больше выполнял указания командира полка или начальника разведки и не имел широкой самостоятельности. Готовил топографические карты, схемы, был почти как адъютант командира полка, это ему не очень нравилось. Неожиданно колонна полка остановилась. Как выяснилось, командир полка вызвал к себе в голову колонны командиров дивизионов и штабных работников. Лещёв тоже прибыл, вместе со штабными. Командир полка приказал всем дивизионам следовать раздельно с интервалом три–четыре километра. На ночлег останавливаться в деревнях, организуя в ночное время охрану техники и личного состава. Командиры дивизионов, штабники, закрепленные за дивизионами для порядка, двинулись к своим подразделениям. Лещёву было приказано часть разведчиков оставить в голове первого дивизиона, а с пятью разведчиками следовать в хвосте колонны третьего дивизиона.

Лещёв с разведчиками остался на обочине, ожидая проезда дивизионных колонн, чтобы двигаться в хвосте всего полка. Со стороны противника активности не проявлялось, и дивизионы двигались ускоренным ходом. К вечеру выделенные квартиртеры от дивизионов стали искать подходящие места для ночлега.

Примерно в девятом часу вечера третий дивизион остановился на обочине дороги. Командир, штабные работники и батарейные командиры осмотрели расположенную по одну сторону дороги деревню.

Деревня была в двадцати метрах от дороги, состояла примерно из сорока дворов, населенных белорусами и поляками. Кроме изб в каждом дворе имелись и нежилые постройки, помещения для скота, сараи, амбары. Изгороди садов и огородов заканчивались у широкого ручья, который протекал за деревней. За ручьем, как говорили жители, рос мелкий кустарник и тянулось непроходимое болото.

По другую сторону дороги, почти рядом с ней, простиралось высокое пшеничное поле с перезревшими колосками. От конца деревни через пшеничное поле по диагонали проходила полевая дорога в одну колею, как бы, для лошади с телегой.

Когда дивизион остановился на ночлег, многие солдаты занялись бытом, кто мылся в ручье, кто стирал белье, многие ужинали.

Как положено, выставили охрану у каждой батареи и с двух концов деревни. Деревня и солдаты готовились ко сну. Лещёв с разведчиками расположился на ночлег на краю деревни, на сеновале. Наступила ночь, вокруг была тишина, все погрузились в сон, как деревенские, так и солдаты.

На рассвете за пшеничным полем, в лесу неожиданно раздались пулеметно-автоматные очереди и одиночные выстрелы. Поднятый часовыми дивизион был уже на ногах. Лещёв со своими разведчиками первыми выбежали на полевую дорогу через пшеничное поле. Не успев пробежать десяток метров, они увидели, как из этого пшеничного поля, еще не видя разведчиков, поднялась и двинулась на колонну цепь солдат в немецкой форме СС.

Группа Лещёва оказалась чуть в тылу на левом фланге фашистов. Лещёв, используя выгодную ситуацию, стреляя с двух пистолетов одновременно, с правой в оберфельдфебеля, а с левой — под каску, в затылок фашисту, который занес нож над лежавшим уже на земле нашим солдатом. Затем Лещёв добил ранее раненого фельдфебеля. Третьего фашиста уничтожил, когда тот пытался отобрать свой рюкзак у нашего солдата.

В это время за спиной лейтенанта раздался голос: «Здорово ты их, сынку, из двух пистолей, як на брудершафт, кто тебе так научив?» Это был Остап Петрович, старшина 9-й батареи, он говорил всегда на украинском языке, на русском знал только военные команды, и со всеми был на «ты». Лещёв объяснил, что эта привычка с Западного фронта стрелять с двух рук, далее добавил, что мы уничтожили отряд солдат дивизии СС «Великая Германия».

В это время два наших солдата привели немецкого офицера, и обратились: «Что с ним делать?» Лещёв спросил офицера на немецком языке, кто он и потребовал документы. Это был оберлейтенант.

Немецкие офицеры свои бумажники с документами носили в левом внутреннем кармане. Доставая бумажник, этот офицер уронил три или четыре фотографии, которые выпали из него. На них были изображены виселицы, на каждой три-четыре повешенных, кто в форме советских солдат, кто в штатском. На каждой фотографии рядом с виселицами позировал этот немец. Лещёв, недолго думая, выстрелил фашисту в лоб. Все одобрили поступок лейтенанта. Лещёв приказал собрать у немецких солдат документы, а сам полевой дорогой направился к лесу, где еще стреляли.

Пройдя метров двести, Лещёв услышал команду на немецком языке: «Стой, руки вверх!» Лещёв от неожиданности опешил и при-

сел, затем выхватил свои два пистолета, произвел на звук команды по два выстрела одновременно и на немецком языке произнес: «Руки вверх, идти ко мне».

Над пшеницей поднялись две пары рук. Лещёв повторил эту команду и снова выстрелил несколько раз в направлении поднятых рук, поднялась еще пара рук. Лещёв, стреляя над головами немцев, приказал бросить оружие и отойти в сторону. Потом, для надежности, Лещёв отбросил ногой два карабина и автомат.

Перед ним стояли немецкий лейтенант и два ефрейтора. Для психологического воздействия, Лещёв руками махал, как бы призывая других солдат, и на словах кричал «Акимов, заходи от леса». Лещёв на немецком языке потребовал документы и отделил немцев друг от друга.

Спрятав один пистолет, он подошел к немецкому лейтенанту и ощупал его карманы. Из карманов Лещёв изъясил пистолет и гранату. Стволом своего пистолета сильно ударил немца в живот. К этому времени прибежали разведчики для оказания помощи. Лещёв запомнил фамилию взятого в плен немецкого офицера, это был лейтенант Ойстрих 1922 года рождения, из Дрездена. Он был его первый пленный офицер.

Передав пленных немцев разведчикам, Лещёв вернулся в колонну дивизиона. Командир дивизиона приказал проверить наличие личного состава. После доклада командиров, что все нормально, кроме двух раненых в 8-й и 9-й батареях, дивизион тронулся догонять полк.

Наступил август 1944 года. Полки дивизии воевали на территории Польши, северо-западнее Белостока. Не имея возможности строить оборонительные инженерные сооружения, немецкие войска создавали из густо распложенных населенных деревень и поселков опорные пункты. Также, не имея тяжелого артиллерийского вооружения, немцы активно использовали минометы. Их огонь беспокоил наши боевые порядки. Минометы располагались в садах, за хозяйственными строениями и даже на крышах домов. Так было и 4 августа 1944 года.

Командир полка вызвал Лещёва и приказал ему отправиться на передовую для изучения обстановки и принятия мер. Он сказал, что комбат первой батареи Кольцов выделит ему одно орудие с офицером, для поражения выявленных целей.

Лещёв пошел выполнять приказ, взяв с собой телефониста для связи с КП. Как удивился Лещев, когда на первой батарее он увидел Николая Кольцова! Друзья обнялись, оба улыбались, радуясь нео-

жиданной встрече. Кольцов рассказал, как еще в конце июня через боевые порядки дивизии пыталась прорваться танковая колонна врага. Первыми залпами батареи было уничтожено четыре танка, но был убит командир, ранен Уваров, и Кольцов принял командование батареей. Было подбито еще семь танков, из них пять подбил он лично. Осталось у него три орудия, и почти все расчеты ранены, Стреляя из двух орудий, подбил еще трех немцев, и на него записали десять танков, вот и дали Героя Советского Союза. Так воюют лейтенанты!

Лещёв рассказал, что служит командиром взвода разведки полка, командир полка послал разведать расположение немецких минометов, нужен один орудийный расчет с офицером для подавления разведанных целей. «Бери первое орудие и действуй, разведка!» — сказал на прощание Кольцов.

Лещёв выбрал высоту, расположил там разведчиков, в ровике под ней, а сам пополз за передний край. Впереди простиралась деревня с часто расположенными строениями, где закрепились немцы и располагались минометные батареи.

Плотный огонь немецких минометов, как говорят, не давал житья пехоте. Мины градом сыпались на боевые порядки пехоты, которая не успела еще хорошо окопаться, а пехотинцы залегли там, где их накрыл огонь, это была лощина, с которой не видна глубина обороны противника. Так оценил обстановку Лещёв, прибыв на передний край. Со стороны деревни весь левый фланг был как на ладони, нужны были какие-то меры, чтобы заставить замолчать немецкие минометы. Это может сделать только полковая артиллерия, 76-миллиметровые пушки батареи Кольцова.

РОЖДЕННЫЙ В РУБАШКЕ

Эта деревня использовалась немцами как опорный пункт. Для лучшего распознавания возможных целей Лещёв пополз ещё вперед, где лежали два трупа, один в советской форме, другой — немецкий солдат, они лежали головами в сторону деревни. Лещёв, используя их тела как укрытие, вел наблюдение.

В шестом доме влево от центра, за решетчатой изгородью, Лещёв обнаружил батарею из шести минометов, через разведчика он дал целеуказание подручному оружию, и тремя выстрелами нашего орудия немецкая минометная батарея была подавлена. Еще в двух дворах, но справа от центра, за зелеными кустами, также были обнаружены две минометные батареи. Они были также подавлены огнем орудия батареи Кольцова.

В центре деревни Лещёв обнаружил еще цель — две батареи, по четыре миномета каждая. Их координаты Лещёв также передал на батарею Кольцова, и вскоре они тоже были подавлены. Лещёв видел, как на крыше разрушенного дома, под стропилами немцы устанавливали два миномета. Но Лещёв не успел передать информацию об этой цели. Он увлекся, его, очевидно, засекли — справа от него раздалось два взрыва, Лещёва подбросило взрывной волной почти под куст, где были разведчики, те втащили лейтенанта в окопчик и начали перевязывать раны на голове, шее и на левой руке.

После перевязки Лещёв доложил командиру полка обстановку, сказал, что обнаружил и подавил пять минометных батарей, это более двадцати минометов, но при этом получил осколочные ранения в голову, шею, и в левую руку. Командир полка, выслушав доклад, вначале выругался, потом спросил, может ли Лещёв ходить, и добавил: «Что поделаешь, если можешь, иди в медсанбат, за себя оставь Семенова».

По пути в медсанбат Лещёв зашел в передовой медпункт, где медсестра смыла спиртом с головы, лица, шеи и рук кровь. Затем его на телеге доставили в медсанбат. В медсанбате, в операционной, врач с медсестрой сняли бинты.

Врач, еврей и остряк, осматривая раны, сказал: «Вы, очевидно, родились в рубашке или вам помогает Царица небесная. Пучок осколков прошел в одном сантиметре от сонной артерии, и это спасло вам жизнь. Восемь мелких осколков извлекли из затылочной части головы, два из правой брови и три из кисти левой руки. Один осколочек остался в указательном пальце левой руки, Этот осколочек спас ваш левый глаз, судя, по траектории в ранке пальца. А три осколка на всю жизнь останутся между вторым и третьим позвонками».

В медсанбате Лещёв пробыл около трех часов, затем вместе с другими ранеными его направили в эвакуогоспиталь, расположенный в маленьком польском городке, который он освободил еще в июле. Помещение госпиталя располагалось в маленьком домике. Лещёва поместили в двухместную палату, она считалась лучшей. Там уже находился раненый младший лейтенант. Он первый подошел к Лещёву, сказал, что его зовут Миша и что он Герой Советского Союза. Лещёв спокойно позддравил его и спросил о звезде Героя, на что Миша ответил, что его только представили к званию Героя Советского Союза, но звезду Героя он получит.

На вопрос Лещёва, за что его представили к званию Героя Советского Союза, Миша ответил, что накануне в бою во время атаки погибли почти все офицеры его роты и батальона, он взял командование на себя и повел батальон на штурм опорного пункта противника, овладел им и удерживал до подхода подкрепления и новых офицеров.

На прощание Лещёв и Миша выпили по рюмке водки, но Миша решил вызвать, как он сказал, начальника госпиталя. Медсестре он сказал, передай, что его вызывает Герой Советского Союза. Через некоторое время в палату явился майор медслужбы, и Миша сказал ему, что нужно еще принести водки нам с лейтенантом. Майор стал объяснять, что это делать не положено. Лещёву этот момент был неприятен, и он, извинившись, вышел из помещения к автомашинам, которые должны были везти их дальше.

Лещёв просто гулял на воздухе, чтобы не видеть и не слышать разговор Миши, и его незаконные требования. Вскоре голос Миши затих, и Лещёв вернулся в палату, где Миша уже один продолжал ругать начальство госпиталя. Лещёв не слушал его и думал о своем. Его волновал вопрос, в какой госпиталь направят, какой там будет медперсонал, какой контингент раненых и

условия обитания. В палату вошла медсестра и сказала, чтобы Лещёв шел к грузовой автомашине, назвала номер автомашины со словами: «Там одни сидячие, через несколько минут будем трогаться дальше к месту лечения».

Раненые стали собираться у названной автомашины. К удивлению Лещёва, сюда же подходили и раненые на костылях. Задний борт автомашины был открыт, и раненые, кто как мог, влезали под тент в кузов.

НА ПУТИ К ВЫЗДОРОВЛЕНИЮ

По пути на лечение Лещёв побывал еще в одном госпитале. Его называют распределительным. Этот госпиталь находился рядом с костелом в небольшом польском городке. Возле костела, у открытых дверей, стояла группа людей. Лещёв тоже подошел к костелу. Сняв головной убор, Лещёв вошел в храм.

Там торжественно играл орган. Все верующие сидели в креслах, какие обычно бывают в кинотеатрах. Впереди ярко горели свечи. На трибуну, похожую на балкон, вышел ксендз и начал проповедь. Этот городок запомнился Лещёву. Там произошел неприятный случай.

В бою, во время перебежки, из-за ремня Лещёва выпала прямо на брусчатку граната Ф-1. Все разведчики бросились на землю и в напряжении лежали, ожидая, что через несколько секунд раздастся взрыв. Когда прошло около минуты, Лещёв приподнял голову и увидел пустое отверстие в корпусе гранаты, где должен быть взрыватель. Облегченно вздохнув, он поднялся, взял корпус гранаты и вставил в нее взрыватель, который оставался до этого висеть на ремне. После этого случая Лещёв запретил носить гранаты на ремне, договорился со старшиной, чтобы для разведчиков сшили поясные мешочки или сумки для гранат.

В этом госпитале ходячих раненых отделили от других раненых, лежачих, накормили обедом и через три часа отправили в стационарный госпиталь для лечения. Он располагался на окраине польского города Новогрудек, это севернее города Остроленка, который еще был занят немцами.

Раненых начали размещать по палатам. Лещёва вначале поместили в общую палату с солдатами, а дня через два перевели в палату для офицеров. В этой палате было пять коек, одну занимал майор, на других располагались два старших лейтенанта, Лещёв и рядом с ним тоже лейтенант Петр Ситков, с которым Лещёв быстро подружился. Он тоже служил в артиллерии, только в зенитной. На второй день начались лечебные процедуры, анализы, рентген, перевязки. На третий день Лещёв ходил уже в стираном чистом об-

мундировании, правда, еще с перевязанными рукой, шеей и головой, радуясь жизни.

После завтрака и врачебного обхода Лещёв и Ситков вышли из помещения госпиталя на воздух, чтобы осмотреть его территорию. Кроме основного корпуса, здесь были домик администрации, разные подсобные помещения, гараж, прачечная, склады и другие строения. Все это было обнесено проволочным ограждением, а со стороны шоссе имелись ворота и караульное помещение. Охрану осуществлял, как здесь называли, «батальон выздоравливающих».

Обходя корпус основного здания, у торцевой стены, противоположной шоссе, у деревянного сарайчика они увидели зенитное орудие с опущенным стволом, закрытое поленьями дров. Рядом лежали шесть обойм с девятью снарядами в каждой, прикрытые сверху кровельным железом. Ситков, увидев зенитку, с радостной улыбкой на лице разбросав дрова, сел на металлическое сидение орудия, а руки сами легли на рукоятки поворотного механизма, ноги на педали. Ситков завертел рукоятками, ствол поднялся вверх, а Ситков два раза повернулся вокруг своей оси. «Учись», — крикнул Ситков Лещёву.

Далее Ситков показал Лещёву, как заряжается зенитка, куда вставляют обойму и другие секреты зенитчиков. Довольные находкой, лейтенанты проследовали на обед, ведь сегодня у них намечался выход в город на танцы, и им необходимо подготовиться.

Через пару часов у проходной стали появляться офицеры в начищенных сапогах, с чистыми подворотничками, побритые, с радостными лицами. В их числе был и Лещёв. На проходной имелся список офицеров, которым разрешен выход в город. Дежурный на проходной знал в лицо всех офицеров госпиталя и быстро пропустил их в город, и они поспешили на главную площадь, где находился танцевальный клуб.

Возле клуба уже толпились группы людей и доносились звуки музыки. Госпитальные офицеры выделялись среди других повязками ранений. У Лещёва оставались перевязанными только шея и рука, повязки с головы были уже сняты.

Купив билеты — здесь ходили только польские злотые — офицеры вошли в помещение танцевального клуба. Это был длинный зал, со скамейками вдоль стен, на маленькой и низкой сценке располагался оркестр, в основном, из струнных инструментов, кроме аккордеона. Играли разные танцевальные мелодии в западном стиле.

Увидев группу девушек, Лещёв подошел к ним, поздоровался по-русски и сказал одной из них: «Девушка, разрешите...». Фразу он не закончил, к нему подошел капитан с красной повязкой на рукаве и шепнул тихо: «Здесь только пани и паненки, это Польша». Лещёв не стал больше обращаться к польским девушкам, так как в это время в зал вошли четыре девушки в советской военной форме. Все с красивыми лицами, затянутые ремни подчеркивали их красивые молодые фигуры. Весь зал обратил на них внимание, Лещёв тоже.

Лещёв был в числе первых, кто подошел к ним. Упрощая знакомство, Лещёв сказал: «Привет землякам!» Самая молодая из них, глазастая и улыбочивая, ответила: «Откуда вы знаете, что мы земляки»? «Вы же из Советского Союза, значит, земляки», — парировал Лещёв. Так началось знакомство и первая любовь Лещёва и Катеньки Степановой. Она служила разведчицей на посту ВНОС. В годы войны была такая служба, она первой определяла налеты фашистской авиации и называлась так: «Воздушное наблюдение, оповещение и связь».

После танцев Лещёв проводил Катюшу до ее службы, здесь они первый раз поцеловались. Это был их первый поцелуй любви, короткой, но яркой. Встречались они ежедневно, иногда по несколько раз в день. Их любовь была пылкой и страстной. Ее подруги по службе и друзья Лещёва по госпиталю завидовали им. Вскоре пост ВНОС перевели ближе к госпиталю и их встречи стали чаще.

Этот пост располагался недалеко от польской деревни, на полпути к госпиталю. Когда дежурила Катя, она поднималась на крышу землянки и махала руками, так она приглашала Лещёва на свидание. Такие свидания были частыми.

13 августа, в четыре часа утра, со стороны леса, который находился в двух километрах от госпиталя, раздались автоматные и пулеметные очереди. На третьем этаже госпиталя зазвенели разбитые стекла. Все выбежали во двор, в том числе Лещёв, Ситков и другие офицеры. Охрана госпиталя открыла огонь по бандитам. Все знали, что это отряд из Армии крайовой и что они нападают на воинские части, госпиталя, уничтожая солдат и офицеров Красной Армии. Лещёв, Ситков и другие офицеры быстро забежали за угол здания, где стояла зенитка, выкатили ее из-за корпуса и приготовились к стрельбе. Ситков сел на место стреляющего, а Лещёв вставил в приемник снарядов первую обойму. Снаряды пролетели над головами бандитов, не причинив вреда им. Вторая очередь попала в первые ряды бандитов, вызвав у них шок. Третья очередь

снарядов тоже попала в гущу бандитов, и они, таща раненых за собой, побежали к лесу. В это время со стороны города показались два ЗИСа с солдатами комендатуры, которые догнали бандитов и полностью завершили разгром банды.

На второй день в госпиталь приезжал комендант города, он поблагодарил медперсонал, раненых за помощь в разгроме бандитов и рассказал про эту банду, сообщив, что это остатки банд Армии крайовой.

Между тем лечение Лещёва продолжалось. Лечащий врач, осматривая рану, сказал, что она почти затянулась, скоро будет комиссия, которая решит вопрос о выписке. Лещёв этому сообщению был рад. Была середина августа. Подходя к посту Кати, Лещёв заметил, что со стороны деревни туда же направляются два человека. Это были староста деревни (по-польски солтус) и священник (ксендз). К этому времени Лещёв был уже там. Ксендз сказал, что когда к воинам приходит священник, это большая радость и честь, сегодня большой праздник, двойной Спас, и мы просим разделить, в силу возможности, его с нами, ведь вы освободили нас от швабов. Слава вам, нашим освободителям! Девчонки и Лещёв с гостями пошли к деревне.

Вдоль деревни на длинных столах стояли вазы с яблоками, глубокие миски с медом, маленькие мисочки для еды, деревянные ложки, рюмки и бутылки со сливянкой. Это разновидность наших наливок. По предложению старосты все выпили по рюмке в честь Святого Спаса. После второй рюмки Лещев и Катя шепнули девушкам, что у них мало времени для свидания, и, поблагодарив поляков, ушли. Лещев сказал, что его выписывают из госпиталя на фронт. Катя в слезах бросилась на шею и стала целовать Лещёва. В землянке они пробыли около двух часов, пока не услышали шаги девушек, которые возвращались из деревни.

Возвратившись в госпиталь, Лещёв произвел запись прошедших событий в дневник. Лещев дневник вел с первых дней госпитализации. В дневнике были записаны разные события, стихи, изречения поэтов, писателей, записи интересных выражений из других дневников. Неожиданно в палату вошла медсестра и сказала, что Лещёва завтра к десяти часам вызывают на медицинскую комиссию.

Как и предполагал Лещёв, он был выписан с направлением в резерв 3-го Белорусского фронта. Получив документы, справки о ранении, аттестаты, продовольственный паек на трое суток, шинель и два полотенца, Лещёв покинул госпиталь и направился к Кате.

Катя и девчонки проводили его до шоссе. Попрощавшись со всеми, он на попутной автомашине уехал на фронт.

На попутных автомашинах в те годы передвигались все военнослужащие — и действующие, и резервисты всех родов войск. В пути заводились знакомства, иногда встречались однополчане или бывшие раненые из одного и того же госпиталя. Лещёву попался офицер, с которым он находился в учебном центре в Коломне, вернее, в Озерах, где непосредственно размещался учебный центр артиллерии. Почти каждый выпускник военных училищ побывал там. Здесь обучали новым метода стрельбы из артиллерийских орудий, новой тактике боя с применением артиллерии. Особое внимание обращали стрельбе по танкам, их уязвимым местам. Были введены новые понятия о формах и методах применения артиллерии.

Такая форма боя, как артиллерийское наступление, стала обычным явлением. Это понятие состояло из двух этапов — сначала стрельба по конкретным целям в течение двух–трех дней, а завершала его артиллерийская подготовка. Артиллерийское наступление проводилось в битве за Кенигсберг. Здесь в течение трех дней велся огонь крупнокалиберными снарядами по окружающим город фортам с целью вскрыть земляную подушку фортов, однако успех не был достигнут, до железобетона так и не добрались. Этот форт не был взят нашими войсками, и только на второй день сдался. Полкам 120-й дивизии было приказано обходить его с двух сторон.

ЛЕЩЁВ ПОПАДАЕТ В ГВАРДИЮ

Все было в движении — войска, штабы, управления и службы штаба 3-го Белорусского фронта, в том числе и резерв фронта, куда добирался Лещёв. В резерв артиллерии фронта он попал лишь на исходе третьего дня. Дежурный офицер предложил переночевать по-походному, в шинели на топчане, так как все места, вернее, койки были уже заняты.

Утром Лещёв был первый на ногах и, когда появился подтянутый молодой капитан, Лещёв дал о себе знать, тот доброжелательно все выслушал, и сказал, что сегодня сюда прибывает представитель 56-го гвардейского артиллерийского полка, и вас, очевидно, заберут, им такие офицеры нужны.

Примерно через час к резерву подкатил новый американский «виллис», из которого вышел моложавый подполковник с усами и гвардейским значком. Когда Лещёва вызвали в кабинет к капитану, то там уже был этот подполковник и листал личное дело Лещёва. Он коротко сказал: «Вы нам подходите, поехали в полк». Как после узнал Лещёв, это был заместитель командира полка по строевой части.

В пути следования подполковник расспрашивал Лещёва о его службе в армии. Лещёв с охотой рассказывал о себе, как он служил в 9-м запасном разведывательном полку в городе Саранске, затем в 7-м запасном полку Западного фронта, занимался переподготовкой разведчиков для передовой, затем служил командиром взвода разведки в 948-м артполку, где был ранен в бою. Свой рассказ он закончил словами: «После госпиталя буду служить дальше, куда направят».

Лещёву понравилось место, куда они прибыли. В двухэтажном доме размещался штаб. Это было видно по большому количеству проводов, спящим солдатам и офицерам, а также по большому количеству автомашин, особенно американских. Войдя в помещение штаба, Лещёв остался в коридоре, а подполковник пошел по кабинетам. Через некоторое время Лещёва вызвали в кабинет начальника штаба.

Начальник штаба, седой, плотный, с громким голосом подполковник, расспрашивал его о службе, знании уставов, других слу-

жебных делах. Затем он позвонил по телефону и направил его в соседние кабинеты, где Лещёв сдал аттестаты, получил удостоверение личности и, отдышавшись, вышел в коридор. Из другого кабинета вышел молодой красивый капитан с гвардейским значком. Он сразу сказал: «Здравствуй, одессит, с какого факультета?» Лещёв ответил, что закончил АИР (артиллерийская инструментальная разведка). Далее капитан представился как начальник штаба 2-го дивизиона, где будет служить Лещёв, сообщив, что зовут его Виталий Петрович Малютин. Он сообщил: «Служба у нас почетная, полк необычный, состоит из двух дивизионов и входит в состав бригады РГК (резерв главного командования), которая также состоит из двух полков». По мнению Лещёва, многие рода войск перейдут на бригадную структуру, так как она более мобильна и маневренна. Малютин продолжил: «За боевые заслуги полк награжден четырьмя орденами, оснащен хорошей техникой, в том числе американской, и очень мобильный. Личный состав — молодой, офицеры, в основном, выпускники военных училищ, профессионально хорошо подготовлены». Все это он говорил, идя к «виллису».

Вскоре «виллис» капитана подъезжал к передовой. Шофер оставил автомобиль под деревьями, а Малютин и Лещев, выйдя из автомашины, ходами сообщений направились на командный пункт дивизиона (КПП). Он располагался в хорошо укрытом месте и был хитро замаскирован от противника. Здесь же находились средства связи. Наблюдение и управление стрельбой велось через амбразуру. Лещёв, как и положено новому офицеру, представился командиру дивизиона и остальным офицерам.

Командир дивизиона гвардии капитан Чижиков был из офицеров запаса, хорошо знал службу в артиллерии, ведь на войне он был с первых дней, по характеру — настойчивый, требовательный к подчиненным, но справедлив. Чижиков поздравил Лещёва с зачислением в гвардейский полк и присвоением звания «гвардии лейтенант», пожелал удач по службе. То же сделали и другие офицеры и стали расходиться по своим подразделениям.

Малютин, следуя своим принципам проверять прибывших офицеров в умении готовить исходные данные и в практической стрельбе, дал Лещёву карту с нанесенной боевой обстановкой, хордоугломер, циркуль-измеритель, а перекрестие стереотрубы навел на правый угол дота на том берегу реки Нарев со словами: «Это опорный пункт противника, задача — подготовить данные и поразить цель». Лещёв быстро сориентировал топографическую

карту по местности и нанес на нее опорный пункт противника. Затем с помощью циркуля-измерителя и хордоугломера (это металлическая линейка с таблицей цифр и хорд для определения расстояния до цели) определил все данные для стрельбы. Доложив о готовности, Лещёв первым орудием четвертой батареи после трех выстрелов взял цель в вилку — цель находилась между тремя взрывами снарядов. Малютин прекратил проверку, сказав, что одесситы всегда хорошо стреляли, а ты просто молодец. Лещёв еще несколько минут понаблюдал в стереотрубу, походил по командному пункту, в мыслях сравнивая с КНП в 948-м артполку. Своими наблюдениями остался доволен.

Здесь все более организовано и солидно. Особенно понравилась Лещёву маневренность полка, которая достигалась за счет оснащения всех подразделений новой, вездеходной автомобильной техникой американского производства и меньшим количеством дополнительных служб обслуживания, а также, что является главным, бригадной структурой. В принципе, подумал он, бригадная структура может стать образцом будущей организации войск, тем более обкатанная в боевой обстановке Отечественной войны.

Еще в гражданскую войну были бригадные формирования, они тоже себя оправдывали, повышая мобильность войск. Первым примером бригадных структур стали формирования реактивных гвардейских минометов «Катюш», по существу, с них в годы войны это и началось.

СПАСИБО ПИСТОЛЕТУ «ТТ»

Лещёв и Малютин отправились в штаб дивизиона, который располагался за огневыми позициями батарей. Здесь собрались командиры батарей, взводов управления, огневых взводов. Лещёва представили как командира взвода управления 4-й батареи. Здесь же он познакомился с командиром взвода 5-й батареи Сашей Мертвецовым, с которым потом дружил до его гибели в бою, и командиром 4-й батареи Воробьевым. После этого все пошли обедать по своим батареям. По дороге Воробьев рассказал, что тоже был командиром взвода управления, а после гибели комбата его назначили командиром батареи. Он сказал: «Теперь будем воевать вместе, зовут меня Николай Петрович, и жить придется в одном блиндаже». Лещёв рассказал, о себе, о службе на Западном и 2-м Белорусском фронтах, в разведывательном полку, в тылу. Сообщил, что подготовил 28 командиров отделений разведки.

Лещёв был в гвардейском полку уже три дня. За это время написал письмо Катюше, сообщил ей свой адрес, познакомился со всеми разведчиками и другими солдатами взвода, представился офицерам дивизионов и штаба полка. Он остался доволен знакомством с личным составом.

Двойное впечатление произвел на него только Воробьев. Он тоже лейтенант, но порой ведет себя, как плохой старшина, без дела ругает подчиненных, причем разговаривает — как бы плюется, на каждом шагу употребляет слово «приказываю». Солдаты в разговорах между собой называют его «чирик-чирик». Малютин говорил, ещё при встрече, что Воробьев любимец командира полка, или даже родственник, а кандидатура Лещёва обсуждалась на должность комбата, но командир полка пресек эти разговоры.

На следующий день позвонил начальник разведки дивизиона Михаил Карпов и пригласил Лещёва на обед. Когда Лещёв прибыл в землянку Карпова, там уже были Муратов Саша, Мертвецов, тоже Саша, еще несколько офицеров, которых Лещёв еще не знал. На длинном столе стояли бутылка со спиртом, стаканы, кувшин с холодным чаем и две открытые банки тушенки. Затем солдат принес несколько солдатских котелков с первым. В землянке запахло бор-

щом. Собравшиеся начали шуметь: «Не тяни, Миша, от аромата борща можно с ума сойти!»

Карпов тихо, у самого уха Лещёва спросил, была ли у него в детстве кличка? Лещёв ответил, что его дразнили Соломоном. Тогда Миша сказал, что сегодня обстановка ещё позволяет встретить как положено нового офицера, гвардии лейтенанта Лещёва. Выпьем за него, за посвящение в Гвардию. Вторую порцию спирта выпили за Победу, а третью, как всегда, за тех, кто не вернулся из боя. Во время обеда Карпов упомянул, что Лещёв тоже имеет кличку. Это мудрейший царь Востока «Соломон». В близком кругу мы тоже будем его так звать. Лещёв поблагодарил офицеров за теплый прием и доверие, и все стали расходиться по батареям.

Два дня Лещёв работал на наблюдательном пункте батареи, сам изучал местность, занятую противником, вел наблюдение за возможными целями. В беседе с командиром отделения разведки потребовал установить круглосуточное наблюдение за противником, результаты наблюдений отражать в журнале разведки, указывая время появления и характер цели, особенности. Вечером в штаб полка вызвали командиров батарей и дивизионов.

Возвратившись из штаба полка, Воробьёв объявил, что завтра, в двенадцать часов дня начнется артиллерийская подготовка и наступление, всем быть готовым к этому. Подготовить оружие, боеприпасы, приборы наблюдения и связи.

На следующий день, ровно в двенадцать, загрохотали сотни орудий и минометов, закрипели «Катюши», позиции противника окутались дымом и пылью, сотни снарядов перепыхивали вражеские окопы. Казалось, ничего живого там не осталось. Но когда огонь артиллерии был перенесен в глубину обороны противника и батальоны стрелковых частей пошли в атаку, на их головы посыпались десятки снарядов и мин.

Во фланги наступающих войск ударили пулеметные очереди. Наступающие вначале залегли, ища укрытия от немецких снарядов и пуль, многие стали отползать назад. Командиры понимали, что атака захлебнулась, и дали приказ отойти на исходные позиции. Между тем, некоторые ретивые начальники, считая, что город-крепость Остроленка после такой артиллерийской подготовки будет взят, сообщили в Москву о его взятии.

Получился конфуз, который нужно было срочно исправлять, так как уже был объявлен по радио приказ И. В. Сталина о взятии города-крепости и объявлена благодарность войскам. Артиллерийская дуэль продолжалась. К ночи наш участок был усилен,

было придано дополнительно несколько частей разных родов войск, в том числе бригада реактивных минометов, так называемых «Катюш». Ровно в четыре часа утра тринадцатого сентября артподготовка и наступление повторились, и город был взят нашими войсками.

Поляки радостно встречали наши войска. В числе первых со своими разведчиками шел и Лещёв. Когда проходили мимо группы жителей, из толпы выскочил средних лет поляк и набросил на плечи Лещёва кожаное пальто, сказал: «Носи, пан, на здоровье». Жители аплодировали, а солдаты раздавали полякам банки с консервами, в основном с тушенкой.

Часа через два в штаб полка вызвали командиров батарей и дивизионов, туда пошел и Воробьев. Был дан приказ за два часа свернуть боевые порядки батарей, собрать все имущество, технику, боеприпасы, склады и приготовиться к походу. В городе остается только комендантская служба и зенитчики.

Уже через час полковая колонна двигалась на юг, к новому месту дислокации. Остановились в двадцати километрах от города Остроленка, в лесистой местности, недалеко от реки Нарев. Здесь река уже, и берега пологие. Очевидно, это место подбирали с учетом захвата плацдарма на том берегу. Кроме нашего полка, в соседних рощах и дубравах располагались и другие части.

Была вторая половина дня. На противоположном берегу реки слышались выстрелы, в воздухе кружили наши самолеты, поэтому немцы не проявляли активности. На реке в разных местах саперы продолжали сооружать переправы, но главной переправой уже был понтонный мост, по нему на плацдарм двигалась техника. Неожиданно со стороны штабной машины прозвучала команда всем офицерам батарей явиться к командиру дивизиона. У штабной машины стояли Чижиков, Малютин и Карпов, все держали в руках топографические карты и делали на них какие-то пометки. Чижиков сказал, что ночью полк должен переправиться на тот берег, нашему дивизиону приказано занять следующие позиции. Здесь Чижиков на карте показал каждому командиру батареи, где должна располагаться батарея, а начальник штаба назвал их координаты, сказав при этом, что там уже забиты колышки для первых орудий. При развертывании батарей необходимо соблюдать осторожность, местность сильно минирована.

Чижиков приказал также направить сейчас на тот берег офицера для изучения обстановки и нанесения ее на карту. Выбор пал на Лещёва. Он разыскал разведчика Шарипкова, взял его с собой и

направился на плацдарм. В дневнике Лещёва Шарипков значился как фронтовой разведчик. Ранее он с группой фронтовых разведчиков направлялся в глубокий тыл противника для захвата немецкого генерала. По возвращении обратно ему и еще другому разведчику не хватило места в самолете, и им было приказано возвращаться домой через линию фронта самостоятельно.

При переходе линии фронта он был ранен и без документов попал в госпиталь. Находясь в госпитале, обращался в контрразведку, но там сказали, что он в тыл противника направлялся армейской разведкой и мы здесь не причем. В госпитале ему выписали новые документы. Так он попал в артиллерийскую разведку. Этот надежный и смелый разведчик из оружия любил только автомат ППШ. Вот с ним Лещёв направился на плацдарм.

Найдя командира первого батальона, Лещёв представился и попросил показать ему наш передний край и передний край противника. Командир батальона, майор по званию, радостно встретил «бога войны», как он сказал, достал карту, с которой Лещёв перенес обстановку на свою карту. После этого майор предложил все это посмотреть на местности.

Выйдя на бруствер окопа, он стал показывать и уточнять, где наше боевое охранение, а где немецкое. С немецкой стороны огонь не велся, так как в воздухе были наши самолеты, и военные спокойно передвигались по плацдарму. Справа впереди еще работали саперы, производя разминирование местности, возле КП в траве тоже торчали мины на палках с растяжками.

Майора предупредили о соблюдении осторожности, но он не среагировал на замечание и сделал шаг в высокую траву. Раздалось два или три взрыва. Майор упал, как подкошенный, на него упал его подчиненный. Лещёв тоже упал, вернее, был сбит сильным ударом в правое бедро. Шарипков, как бы прикрывая Лещёва, упал на него. С блиндажа КП выбежало несколько солдат и офицеров для оказания помощи. Лещёв, ощущая сильную боль в правом бедре и животе, пытался подняться сам, но у него это плохо получалось.

Шарипков поднял Лещёва на ноги, и все стали осматриваться, что произошло. Майора четыре солдата, почти бегом, внесли в блиндаж, у него были перебиты обе ноги, Шарипков отделался царапинами на лице. Когда обратили внимание на Лещёва, то все удивились. В разорванной кобуре пистолета «ТТ» чудом держался осколок длиной более десяти сантиметров, магазин для патронов был перебит почти пополам, а на кожухе затвора имелся след, как от удара зубилом. Пряжка командирского пояса была на левом

боку, а сам пояс разрезан вдоль до пряжки, примерно на двадцать сантиметров, и через разрезанную на животе гимнастерку сочилась кровь.

Перевязав бинтом живот, Шарипков повел Лещёва в медсанбат, который находился уже на плацдарме. Осматривая Лещёва, врач сказал, что Лещёв родился в рубашке или его охраняет какая-то небесная сила. Если бы не пистолет «ТТ», то раздробило бы тазобедренный сустав и все внутренности, спасибо этому пистолету. Лещёв ответил, что при первом ранении в голову и шею, врач ему то же говорил. «Тот врач тоже был прав, и я говорю правду, пистолет спас вам жизнь», — парировал хирург. Рана на животе заживет за неделю, осколок распорол живот, но не проник вовнутрь, эта рана тоже заживет быстро, а синяк на бедре около месяца будет напоминать об этом ранении. Лещёв отправил Шарипкова с картой в штаб, а сам остался в медсанбате.

Медсанбат 120-й гвардейской дивизии располагался в лиственной дубраве и состоял из нескольких палаток. Первая, небольшая, — операционная, в центре под потолком висела огромная, яркая лампа. Рядом располагалась большая палатка для раненых, ее называют палатой. Там стояли солдатские койки, у каждой — тумбочка. Третья палатка была для медиков, санитаров и другого обслуживающего персонала, здесь жил и повар, кухня которого стояла под деревьями. Медсанбат имел свои средства передвижения — три американских «шевроле» и «газик» стояли под деревьями. Вокруг медсанбата продолжали работать саперы, обезвреживая местность от немецких мин. Изредка раздавались взрывы, это саперы подрывали собранные мины, а на плацдарм двигались войска, особенно много шло боевой техники и автомобильного транспорта.

Эту всю действительность Лещёв фиксировал в своем дневнике, который он вел ежедневно. Больше всего Лещёв думал об обеспечении инструментальной разведки новыми средствами специальной техники, особенно фотоаппаратурой и электроникой.

НА НАРЕВСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

После медицинских процедур Лещёву определили койку в общей палате, куда он сразу перебрался со своей полевой сумкой и одеждой. В полевой сумке хранился дневник, и сейчас он мог сделать новые записи и некоторые свои соображения. Его волновал вопрос срыва атаки при штурме города Остроленка.

По мнению Лещёва, была виновата разведка — не были выявлены и подавлены все огневые точки противника. Артиллерийская подготовка велась по старым штампам, которые немцы давно изучили, и научились маневрировать, с учетом переноса огня.

Самой главной причиной все-таки являлось отсутствие новых средств артиллерийской инструментальной разведки, других родов войск и саперов. Эту мысль он будет доказывать начальству. Только что пришла медсестра, она проверила пластырь на животе и дала термометр для измерения температуры. Все было в норме, только болело в тазобедренном суставе и щемило на животе под пластырем.

В брезентовой палатке, которую здесь называли палатой, находились, кроме Лещёва, еще два сержанта, было тихо, изредка доносился гул канонады с передовой. Лещёв продолжал вспоминать время учебы в военном училище, свое увлечение фотографией. После окончания училища он служил в городе Саранске, в 9-м запасном разведывательном полку, где два конструктора работали над созданием военного фотодалномера.

Лещёв с детства увлекался фотографией. В седьмом классе родной брат отца, дядя Вася, подарил ему фотоаппарат «Фотокор». С него он начинал изучение фотографирования. В 9-м разведывательном полку он продолжал заниматься фотографией. Здесь на рынке, у прилично одетой женщины, которая носила в руках фотоаппарат, он пытался купить этот фотоаппарат «Лейку», но женщина сказала, что может обменять фотоаппарат только за сало, а не за деньги. Тогда Лещёв купил полтора килограмма сала, и женщина передала ему новую «Лейку» с пятью кассетами пленки. Лещёв хорошо изучил фотограмметрию, поэтому его прикрепили в помощь конструкторам. Он помогал им в работе, обклеивал чер-

ным дерматином пластины фанеры и картона, формировал каркас прибора, выполнял и другие поручения.

В начале ноября 1943 года черновой вариант прибора был создан. Прибор установили на треногу, к задней части короба прикрепили фотоаппарат «Лейку», по карте нашли подходящий объект для съемки и произвели фотографирование купола церкви деревни Макаровка, что в двадцати пяти километрах от города. После обработки простой черно-белой пленки на снимках четко были видны трещинки на куполе, птичий помет и другие мелкие предметы. Это из записи в дневнике Лещёва. Его работу прервал приход дежурного санитаря, который сообщил, что его вызывают к телефону. У телефона был Малютин, он поинтересовался состоянием здоровья, передал привет от командира полка, а также от Чижикова и других офицеров.

После разговора с Малютиным Лещёв снова сел за дневник. По его мнению, необходимо было заставить саперов и подчиненных майора, по вине которого взорвались мины, проверить местность на наличие мин. Майора из медсанбата увезли в госпиталь, но по дороге он умер, как здесь сказали, от потери крови. Был уже вечер, принесли в котелках ужин, с улицы доносился шум проезжающей техники, а со стороны передовой грохот взрывов и очереди пулеметов.

Перед отбоем палату посетили врач и сестра, поинтересовались самочувствием, пожелали спокойной ночи. Наступила первая ночь Лещёва в медсанбате. Его волновало поведение подвыпившего майора и другие обстоятельства. Боль на бедре утихала, но синяк рос, рана на животе затягивалась, поэтому Лещёв обратился к начальнику медсанбата с просьбой о досрочной выписке.

Прошло уже пять суток после подрыва Лещёва на минах. Его дополнительно осмотрели, обработали какой-то мазью синяки и рану, обещали скоро выписать, но с выпиской не спешили. Только через несколько дней его подготовили к выписке, но с определенными ограничениями. Это время прошло, и он на попутной автомашине возвратился в родной полк.

Первым его встретил фельдшер Муратов, который сразу сказал, чтобы Лещёв двое суток жил на батарее под его наблюдением.

На батарее он доложил о прибытии Воробьеву, встретился с другими офицерами, старшиной. С ним он договорился о замене гимнастерки, ремня и кобуры, возможной замене пистолета. С радостью встретили возвращение Лещёва разведчики, и, как сюрприз, передали ему три письма от Катюши. Из одного письма выпала

ла фотография Катюши, все начали рассматривать и восхищаться ее красотой. Фотография еще долго ходила по рукам разведчиков, пока не попала к Лещёву. Взяв в свои руки фотографию, он стал рассматривать ее лицо, а потом прочитал на обороте стихи.

*Все твое, и тебя окружают друзья,
Все твое, эта песня тоже твоя,
Даже сердце мое говорит,
Что оно все твое!*

Ему было приятно, что фотография Катеньки понравилась всем разведчикам. Он поблагодарил их и направился к старшине, чтобы заменить поврежденную гимнастерку и пояс. Добрый старшина, кроме новой гимнастерки и пояса, подарил Лещёву брюки-шаровары, сшитые из камуфлированной немецкой плащ-палатки, какие носили все разведчики полка. В такой обнове Лещёв пошел в штаб дивизиона. Первым его увидел фельдшер Муратов, который сразу затащил его в свою комнатку-санчасть для осмотра раны и синяков на бедре, сказал, что все нормально. Сняв старый пластырь, он смазал рану на животе, которая почти зажила, пообещав через два дня снять повязку совсем.

Лещёв собрался уходить, но в это время появился Малютин со свёртком в руках. Он окликнул Лещёва по имени, сказав: «Обожди, я приготовил для тебя сюрприз, заодно пообедаем вместе, отметим возвращение тебя в строй».

Вскоре появились Карпов, Муратов и другие офицеры штаба. Солдат-телефонист расставил на длинном столе миски и кружки, а Малютин достал из тумбы стола бутылку со спиртом, разлил по кружкам и стаканам, и предложил выпить за Лещёва и его будущие успехи. Когда все выпили, он развернул сверток, достал оттуда пистолет «вальтер» девятимиллиметрового калибра, с кобурой и патронами, передал его Лещёву и сказал: «Владей, на страх врагам». Лещёв поблагодарил капитана и вскоре ушел к себе на батарею. На батарее он продолжал знакомиться с личным составом, хотя после боя за город Остроленка он уже знал почти всех.

Он хотел ближе познакомиться с командирами огневых взводов, Мироновым и Матросовым. Это тоже лейтенанты, чьим огнем подавлены и уничтожены десятки целей противника и сотни вражеских солдат. Встретив на батарее комбата, Лещёв доложил, что он здоров и готов завтра пойти на НП для изучения обстановки, что он экипировался для работы на передовой — спасибо комбату

и старшине. Воробьев дал добро и сказал, что завтра после завтрака можно взять разведчика и следовать на передовую. Оружие, пистолет «вальтер», подарил начштаба Малютин, так что Лещёв был готов к любой работе, вот только бинокля не было.

Утром следующего дня Лещёв был уже на наблюдательном пункте батареи, куда привел его разведчик Андреев. В ячейке для стереотрубы никого не было, и Лещёв сам стал вести наблюдение. Он обратил внимание на то, что в некоторых местах обороны противника нет траншей, окопов или других оборонительных сооружений. Местность на стороне противника — разнообразная, здесь есть поля, дубравы и рощи, лес смешанный.

Удовлетворив первое любопытство, зашел в блиндаж к разведчикам, поздоровался с каждым за руку, похвалил за порядок в блиндаже, но заметил, что наверху нет порядка, бери всех голыми руками. Обращаясь к командиру отделения по имени и отчеству, Лещёв, как всегда, сказал, что разведка ведется круглосуточно и в любую погоду. Очевидно, поэтому под Остроленкой не были выявлены все цели на стороне противника и пришлось брать этот город дважды. Анцыферов не стал оправдываться и обещал навести порядок в этом вопросе.

Поговорив с Анцыферовым, Лещёв направился по траншее на НП дивизиона, надеясь встретить там Карпова. Пройдя метров сорок, он услышал голос Карпова, который с кем-то разговаривал. Лещёв не выдержал и закричал: «Привет, Миша, Соломончик идет!» Карпов откликнулся и сказал, что рад видеть на передовой мудрейшего из мудрых, нашего Соломона. Когда встречались Карпов, Лещёв и Мертвецов, и не было начальства, почти всегда происходил такой шуточный церемониал. Карпов и Лещёв обнялись и пошли в блиндаж. Блиндаж этот был на двоих, но хозяином являлся командир дивизиона. Немного поговорив о полковых новостях, офицеры вышли из блиндажа и направились к наблюдательному пункту, где находилась стереотруба.

Карпов первый завел разговор о том, что третьи сутки он наблюдает за тремя рощами, расположенными вблизи нашего переднего края и не видит там никаких признаков жизни. Ни дыма, ни выстрелов, ни одной живой души он не заметил. Лещёв отметил, что когда он пришел на передовую, то тоже обратил на это внимание. А в ответ услышал: «Славик, неплохо бы туда сходить, выяснить, что там и чья это земля».

Если Карпов говорил «Славик», то это было равносильно приказу. По словам Лещёва, можно и сходить, и выяснить, но как на

это посмотрит пехота? «Пехота тоже не располагает никакой информацией, но я договорюсь с командиром батальона, и он даст добро», — сказал Карпов.

Лещёв вернулся на свой наблюдательный пункт. Зашли с Анцыферовым в блиндаж комбата, где вдвоем обсудили завтрашний рейд. Лещёв рассказал ситуацию Анцыферову и спросил, кто из разведчиков подойдет для этой работы? Как и ожидал Лещёв, тот предложил Соколова и Суходоло. Оба разведчика устраивали Лещёва, Соколов был опытный разведчик, а Суходоля хорошо знал немецкий язык. Предупреди, что пойдем утром, пусть подготовятся, проверят оружие, гранаты необходимо взять, воду и немного еды. Далее Лещёв сказал, что он будет в блиндаже комбата и чтобы разбудили его вовремя.

В блиндаже он достал карту, которую ему вернул после ранения Малютин, и стал изучать возможный маршрут движения к рощам и отхода, если придется натолкнуться на немцев. После этого он снова вышел из блиндажа и подошел к стереотрубе, чтобы на местности просмотреть маршрут похода к рощам, особенно от боевого охранения.

Окинув через окуляры стереотрубы взглядом рощи на нашей и на немецкой стороне, Лещёв обратил внимание, что на березках много пожелтевших листков. Это свидетельство наступления осени, ведь на улице уже была последняя декада сентября 1944 года. Днем было тепло, все ходили в летнем обмундировании, а ночи были уже прохладные, приходилось одевать шинели.

Наблюдение Лещёва прервал Шарипков, сказав, что принесли обед, пора и покушать. Еду разведчикам на передовую приносили в термосах с заплечными ремнями, по типу рюкзаков. Лейтенант с удовольствием пообедал с разведчиками, поблагодарил за хороший обед, снова ушел к Карпову. Вместе они направились к командиру батальона, через боевые порядки которого придется идти разведчикам во главе с Лещёвым.

Их доброжелательно встретил молодой капитан, который рад был поговорить с офицерами артиллерийской разведки. Поговорив о разном, капитан сказал, что окажет помощь, даст разведгруппу до боевого охранения.

На следующий день утром, еще было темно, Лещёва разбудил дежурный разведчик. Лещёв быстро оделся, выпил два глотка холодного чая, взял два пистолета и немецкий штык, вышел из блиндажа. Вскоре подошли Карпов и два разведчика. Карпов проводил Лещёва до первой траншеи и вернулся обратно, а далее их повел

пехотный лейтенант, с которым встречались вчера. Достигнув окопов боевого охранения, он переговорил о чем-то с солдатами и, пожелав разведчикам «ни пуха, ни пера», тоже ушел. Лещёв первый выбрался из окопа и ползком направился в сторону лощинки, которая вела к роще. То же проделали Соколов и Суходоля.

Войдя в рощу, разведчики рассредоточились и замерли, вслушиваясь в тишину. Не услышав и не увидев ничего подозрительного, Лещёв первым пошел в глубину рощи, за ним с интервалом в пять-шесть метров шли Суходоля и Соколов.

Уже было светло, и минут через двадцать Лещёв дошел до противоположной опушки рощи. Здесь тоже было тихо, но разведчики замерли, так как по краю рощи тянулась прямая, узкая просека, не указанная на карте.

Разведчики залегли в кустах рядом с просекой, а Лещёв прошел к самому краю просеки и стал нюхать воздух, это у него такая привычка была. Ему показалось, что где-то курят, причем немецкие сигареты. Через минуту он сказал: внимание, здесь немцы. Лещёв четко улавливал запах немецких сигарет со стороны левой рощи за просекой.

Через минуту из этой рощи на просеку вышел немецкий солдат. На груди у него висел автомат, на боку — телефонный аппарат, а за спиной — две катушки с телефонным проводом, с одной он сматывал его на землю, другая была пустая. Он спокойно шел по нашему краю просеки, курил сигарету и напевал немецкую песенку «Роземунде». Когда он поравнялся с засадой, Соколов мощным ударом ноги сбил его с ног, завернул руки назад, а Суходоля сунул в рот кляп. Лещёв приказал оттащить немца за кусты, и взять все его снаряжение.

Выйдя ближе к краю просеки, Лещёв услышал насвистывание какой-то мелодии и тот же запах дыма немецкой сигареты. Дав команду всем укрыться и быть готовыми к бою, Лещёв продолжил наблюдение. С того же места рощи, откуда вышел первый связист, появился второй солдат — с автоматом на груди, телефонным аппаратом на боку и катушкой с проводом, и тоже курил. Он шел вдоль ранее проложенного телефонного провода, изредка поправляя его ногой, чтобы провод проходил по кювету.

Не доходя до засады, он, очевидно, заметил, что провод сворачивал в рощу, а может быть, увидел разведчиков, потому что, сбросив с себя телефонное снаряжение и автомат, побежал по просеке, крича: «Русс, Русс!» Соколов вскинул автомат, готовясь стрелять, но Лещёв, жестом руки остановил его и метнул в спину немца за-

ранее приготовленный немецкий штык, который вонзился тому прямо под левую лопатку. Подбежавший Соколов убедился, что фашист мертв, оттащил его в кусты, собрал его снаряжение и ушел к Суходоле. Лещёв приказал повесить на пленного немца захваченные трофеи и потихоньку двигаться, а сам пошел по тому направлению, куда связисты вели связь.

Пройдя метров семьдесят, он вошел в другую рошу и удивился. Сквозь редко стоящие деревья хорошо просматривалась поляна, на которой стояли необычно большие минометы с колесами у опорной плиты. Их дульная часть была завинчена крышками с кольцами. У крайнего миномета ствол располагался параллельно земле, и у его казенной части возился солдат, прицепляя длинный шнур, как у гаубицы. Лещёв все это зафиксировал. Поодаль стояли автомашины-тягачи.

Преодолев все преграды и опасности, Лещёв с разведчиками прибыл на НП батареи. Там с нетерпением их ждал Карпов и разведчики батареи и дивизиона. Лещёв сразу подошел Карпову и сказал, что нужно срочно поговорить, есть интересная информация. Но вначале необходимо допросить немца и уточнить некоторые детали, а потом докладывать начальству.

Лещёв доложил Карпову, все, что видел, в первую очередь о новых минометах, показал на карте их расположение, стоянку автомашин, блиндажи. Со слов связиста, который тянул связь к минометам, их наблюдательный пункт находится за рошей, через которую он вел связь (Лещёв показал на карте предполагаемое место КНП противника), но все это надо проверять.

Пока Лещёв докладывал Карпову о ходе выполнения задания, Соколов в кругу разведчиков говорил, что если бы не лейтенант, нарвались бы на немцев. Он учуял их метров за двести. У него нюх, как у семи собак. А когда появился второй немец, мы думали, «хана» нам, немец заметил, что провода идут в лес, а не по просеке, закричал «рус, рус» и стал убегать, но лейтенант метнул в спину немецкий штык и завалил его.

Лещёв продолжал разговор с Карповым, тот сказал, что доложит Малютину, а там пусть решают. После телефонного разговора с Малютиным Карпов сказал, что нас обругали за самоуправство, а затем приказали доставить пленного и документы в штаб с нашим рапортом.

На второй день Карпова и Лещёва вызвали в штаб полка, где заставили Лещёва подробно рассказать о минометах, задавали и другие вопросы — как пройти к минометам, много ли там немцев. Ле-

Щёв подробно рассказал все, что видел, и что спрашивали. Лещёв, как мог, сделал рисунки немецких минометов, их расположение, стоянку автомашин-тягачей, расположение блиндажей. Начальство осталось довольно рассказом Лещёва и Карпова. Кроме того, пленный немецкий связист дал ценные показания по техническим и организационным вопросам подобных минометов.

Чувствовалось, что начинался новый этап боев за плацдарм. На левом берегу Нарева, в рощах, оврагах и в других местах маскировались американские «студебеккеры» с гаубицами и пушками, подъезжали автомашины с боеприпасами и людьми. В одной роще Лещёв заметил пару дивизионов «катюш». В другой роще были артиллеристы 120-й дивизии. Это были 76-миллиметровые пушки артиллерийского полка дивизии, но на механической тяге. В качестве тягачей были американские автомашины.

Необходимо отметить, что к лету 1944 года все артиллерийские части, а также бригады гвардейских минометов были на американских колесах, это намного повышало их маневренность и проходимость. На примере своего полка Лещёв отметил в дневнике, что каждая батарея имела шесть–семь «студебеккеров», что позволяло полку собраться для марша за двадцать–тридцать минут. Выигрыш был во всем.

БОИ ЗА ВЫСОТУ 152,0

Разведанные, полученные Лещёвым, имели большое значение для будущих боев. Буквально через два дня были нанесены авиационные удары по целям, которые выявила разведка полка, проведены и другие мероприятия. Зашевелилась и пехота. Командир 120-й гвардейской дивизии бросил свои полки, при поддержке нашей артиллерии, на слабо укрепленные позиции немецких войск. Была захвачена территория врага, по глубине до тридцати километров. Такое внезапное наступление требовало дополнительных усилий от штабных и других тыловых структур. Выбор удобных мест и помещений, передислокация штабов, складов, подвоз боепитания, продовольствия, организация их бесперебойной работы и доставки до наступающих войск. Наши батареи трижды меняли огневые позиции. Командиры батарей или взводов управления и разведчики, следовавшие в первых рядах пехоты, питались сухим пайком, доставка пищи не успевала за ними.

В гвардейских полках пехоты всегда находились офицеры нашего полка, в лице комбата или командира взвода управления с разведчиками и радистами для взаимодействия. В это понятие входили разведка огневых средств противника, их уничтожение или подавление.

В тот момент оборона противника носила очаговый характер, то есть на открытой местности имелись окопы, доты, дзоты, блиндажи и другие оборонительные сооружения, а что в рощах и дубравах, было неизвестно.

Для выявления целей врага сооружали наблюдательные пункты даже на высоких деревьях, но эффекта не было. По данным командования, немецкие войска хотели закрепиться здесь надолго, однако доказательств этому не было.

Острые наступления 3-го Белорусского фронта было направлено на север, чтобы отрезать Восточную Пруссию и захватить Кенигсберг. Нашей ближайшей задачей было выбить противника с занимаемых позиций, захватить высоту 152,0 и стать на зимовку. Поэтому вряд ли наши войска дадут возможность закрепиться немцам на этих рубежах.

За два дня до этого Лещёв с группой своих разведчиков участвовал в совместном рейде с разведкой 120-й дивизии в тыл противника на левом фланге нашей обороны. У немцев в этом месте не было сплошной обороны, только на отдельных высотках имелись окопчики с пулеметными гнездами. Местность, как на нашей, так и на немецкой стороне была пересеченная, поросшая мелким кустарником. Этим и воспользовались разведчики. Проникнув в немецкие тылы и безнаказанно обследовав немецкую оборону на том участке, они выявили только три батареи 75-миллиметровых орудий, десятков минометных, и, главное, около двух десятков пулеметов «МГ-38», это очень опасное для пехоты оружие. Для подтверждения этих данных в качестве языка попутно прихватили холеного фельдфебеля. По его словам, он был командиром взвода этого полка, вел себя спокойно, у немцев на этом участке серьезных инженерных объектов, кроме жилых блиндажей и землянок, не было.

Возвращаясь к себе, разведгруппа напоролась на немецкое минное поле, в прямом смысле этого слова. С немецкой стороны минного поля на колышке с дощечкой было четко написано по-немецки: «Мины». Командир пехотных разведчиков, тоже лейтенант, по фамилии Сыч достал из сапога тонкий металлический щуп и стал исследовать все вокруг. Лещёв остановил его, сказав, что это напрасный труд. Лещёв стал действовать по-другому, он пополз в одном метре от колышка, параллельно дощечке, и стал искать какие-нибудь следы.

Он увидел четкие следы немецких сапог с шиповатой подошвой, которые вели от узенькой тропинки к минному полю, и далее наискосок через него.

Лещёв пошел первым по этому следу, за ним соблюдая дистанцию, след в след, пошли остальные разведчики. Разведчики дошли уже, почти, до середины минного поля, как вдруг сзади, с немецкой стороны, из рожи, мимо которой они проходили, выполз немецкий танк «тигр».

Разведчики замерли, предполагая, что танк откроет по ним огонь. Тот стал разворачивать башню, направляя орудие в сторону лесочка на нашей стороне. Через секунды из этого лесочка раздался выстрел, и немецкий танк вспыхнул, как факел. В бинокль мы увидели, что стреляла наша самоходная артиллерийская установка САУ-152. В то же мгновение от выстрела другого немецкого танка, стоявшего в засаде, вспыхнула и она. В это же мгновение с нашей стороны снова раздался выстрел, немецкий танк тоже вспыхнул.

Выстрел произвела вторая САУ. Таким образом, мы стали свидетелями танковой дуэли, которая закончилась со счетом два—один в нашу пользу.

Разведгруппа удачно преодолела минное поле и оказалась в окопах боевого охранения 120-й дивизии, вернее, одного из ее полков. Солдаты боевого охранения с удивлением рассматривали пленного немца, которого разведчики привели с собой. Это был тот фельдфебель, который исполнял обязанности командира взвода. По его словам, после боев по удержанию плацдарма в их полку осталось солдат на один батальон. В артиллерийском полку остались три батареи, из числа оборонительных сооружений, кроме землянок и мелких траншей, нечего нет. Это видели и сами разведчики.

Сыч и Лещёв договорились, что командованию доложат одинаковую информацию, чтобы не было разнобоя в разведданных. Попрощавшись, они разошлись по своим полкам. По мнению полковых офицеров, особенно штабных, при таком дефиците техники и людских резервов противника, создавалась благоприятная ситуация для наступления.

На третий день, после обеда, всех офицеров батарей вызвали в штаб дивизиона, как бы, на совещание. На самом деле, начштаба Малютин зачитал приказ о наступлении. Каждой батарее были даны цели противника, которые нужно подавить или уничтожить во время артподготовки, а также номера полков 120-й дивизии, с которыми они должны взаимодействовать и поддерживать огнем, при необходимости. Боевые порядки следовало свернуть только после артподготовки и только по приказу.

После Малютина выступил Чижиков, который, как всегда, потребовал, кроме взаимодействия между собой, взаимодействия с пехотой. От командиров батарей он требовал на старых местах стоянок не оставлять ничего, ни гвоздя, ни веревки, напоминая, что приближается зима, и нам все пригодится.

После совещания Воробьев, Лещёв и другие офицеры ушли на батарею. Увидев старшину, Лещёв поблагодарил его за обмундирование и попросил на НП забрать все вещи разведчиков и все остальное. Лещёв также попросил при переходе на зимнее обмундирование достать ему меховой жилет и армейскую телогрейку, это вместо шинели или полубубка.

Командир дивизиона приказал командирам батарей и взводов управления сегодня же прибыть на свои наблюдательные пункты, с утра развернуть все виды связи и ждать команду с верхов. Воро-

бьев и Лещёв после ужина, выполняя приказ, взяли двух разведчиков, кое-какие свои вещи и отправились на НП. С ними пошли офицеры и других батарей.

На наблюдательных пунктах разведчики готовились к предстоящему наступлению. Все чистили оружие, готовили приборы к походным условиям, затачивали лопаты и топоры для возможного оборудования новых наблюдательных пунктов, консервировали имущество, чтобы тыловым службам легче было его перевозить за наступающими войсками.

На второй день разносчики пищи пришли очень рано, принесли еду, спирт, забрали все ненужное в этой обстановке и ушли на батарею. К восьми часам утра все офицеры и разведчики были в ячейках для наблюдения. Здесь же рядом располагался НП командира дивизиона Карпова и его разведчиков, все с напряжением ожидали развития событий. Без десяти девять над правым и левым флангами противника пронеслись по шесть наших штурмовиков, обстреливая позиции противника реактивными снарядами, далее было слышно, как они наносили бомбовые удары по тыловым объектам противника.

Ровно в девять началась артиллерийская подготовка, сотни снарядов проносились над нашими головами. Над позициями противника стоял сплошной огонь и дым, казалось, что это сплошной ад, и ничего там нет живого. Грохот взрывов снарядов мешал говорить и слушать. Через полчаса в атаку пошла гвардейская пехота 120-й дивизии.

Это было непередаваемое зрелище. Гвардейцы шли в высоком темпе, шесть–семь километров в час, только разведчики Лещёва могли следовать в этом темпе. Взводным и ротным лейтенантам все было по плечу, Они почти бежали впереди, задавая темп гвардейцам. Через десять минут после начала атаки по правому и левому флангам противника пошли два танкосамоходных полка с десантом на броне. Командование гвардейцев шло сзади своей пехоты, примерно в полукилometре от наступающих войск.

Здесь было знамя полка, штаб, охрана, здесь же шли Воробьев и Лещёв с разведчиками и радистами. В бинокли было видно, как танки с десантом на броне, обгоняя пехоту, обходили высоту 152,0 справа и слева, беря ее в кольцо. Воробьев по радио получил команду сменить огневые позиции и быть готовым к переносу огня в глубину обороны противника.

От разведки поступила информация о том, что немцы в глубине обороны накапливают силы для возможной контратаки, в связи

с чем, в бой снова были брошены штурмовики. Разрывы бомб и реактивных снарядов доносились до наступающих.

До высоты 152,0 было километров пять–шесть, а день уже клонился к концу, наступающие, особенно пехота, сильно устали. Неожиданно сзади наступающих раздался шум моторов, все опешили, ожидая танки немцев с тыла, но тревога была напрасной. В бой был введен новый мотострелковый полк на новых бронетранспортерах. Опережая пехоту, минут через десять–пятнадцать, мотострелки были у подножия высоты. Полки 120-й гвардейской дивизии, пройдя вперед на два–три километра, выбирали удобные для закрепления позиции впереди высоты 152,0, с расчетом на длительную оборону.

После короткого отдыха разведчики, радисты, телефонисты два дня подряд оборудовали блиндажи, ячейки для наблюдения, рыли ходы сообщений и окопчики для самообороны. Такую же работу проводили солдаты Карпова, так как здесь же находился КНП командира дивизиона. Все делалось на совесть, на случай, если придется здесь зимовать.

Неожиданно появились саперы 120-й дивизии, они с собой привезли много разного материала. Выяснилось, что они будут сооружать командный пункт дивизии. У них были целые блоки блиндажа, наблюдательного пункта и другие «полуфабрикаты» КП. Буквально за три часа они соорудили несколько блиндажей и других оборонительных сооружений, обнесли подходы к КП со стороны левого фланга проволочным заграждением — спиралью Бруно. Все блиндажи были сделаны в три наката из толстых бревен, причем все бревна наката находились на уровне среза земли и были скреплены скобами. Саперы говорили, что такие блиндажи выдержат прямое попадание снаряда.

Был уже вечер, основные работы по оборудованию наблюдательного пункта были завершены, и Воробьев, оставив только дежурные смены разведчиков, радистов и телефонистов, отправил лишних людей, ненужные вещи и инструменты на батарею. Разведчики наводили порядок в своем блиндаже, а Лещёв и Воробьев — в своем. Большую работу по оборудованию и маскировке НП проделал Анцыферов.

В первую очередь он оборудовал блиндаж командиров, между топчанов поставил удобный столик, тумбочку и табурет для телефона и телефониста. Когда стемнело, он расставил охрану, посты наблюдения, накормил всех ужином, и многие стали располагаться на ночлег. Воробьев и Лещёв попили чайку и тоже улеглись на

новые топчаны. Воробьев уснул сразу, а Лещёв ворочался и продумывал разные мысли для дневника. Его мучила проблема проникновения в тыл к немцам в дневное время. Об этом он сегодня обязательно запишет в дневник. И тут его сморил сон.

Ночь была темная, над позициями врага с определенными интервалами, взлетали осветительные ракеты. Наши также освещали ракетами подозрительные места на стороне противника. То там, на стороне немцев, то с нашей стороны раздавались пулеметные и автоматные очереди, нарушая тишину прохладной ночи.

Вдруг в темной тишине блиндажа, как показалось Лещёву, раздался громкий зуммер полевого телефона, телефониста не было, Лещёв отпустил его отдыхать, поэтому он сам взял трубку. В трубке раздался веселый голос Карпова: «Не спишь, Славик, правильно делаешь, буди Воробьева, Чижиков будет говорить». Лещёв толкнул комбата и сунул ему трубку. Чижиков соединился со всеми комбатами и громко говорил, что звонили из штаба полка.

Он сообщил, что, по данным армейской разведки, в тылы противника прибыло несколько колонн автомашин с солдатами, артиллерией и шестиствольными реактивными минометами, что предполагается контратака наших позиций с целью захвата высоты 152,0. Это должно произойти на рассвете. «Все собирайтесь ко мне!» — приказал он.

Через некоторое время Чижикова вместе с комбатами пригласили в блиндаж генерала, где уже находились командиры полков 120-й дивизии. Была дана команда укрепить оборонительные сооружения, окопаться поглубже, пополнить боеприпасы ко всем огневым средствам. Далее генерал распорядился создать в глубине нашей обороны необходимые резервы и средства их доставки к передовой.

Тем временем Карпов и Лещёв обошли свои «укрепления» — ячейки, щели, окопчики, заставили разведчиков углубить их, а на опасных направлениях вырыть новые. Было проверено оружие, количество боеприпасов, особенно гранат, определены сектора возможных атак противника. Конечно, не все успели сделать. Артподготовка немцев началась раньше, чем ее ожидали. Сотни снарядов обрушились, вначале на позиции гвардейских полков, а минут через двадцать тяжелые снаряды стали ложиться на склоны высоты со всех ее сторон. Все укрылись в щели и блиндажи. Земля дрожала от взрывов, воздух наполнялся своеобразным запахом взрывчатых веществ и дыма. Каждому казалось, что любой снаряд

летит именно в него. Телефонная связь уже не работала, включили радиосвязь.

Неожиданно обстрел высоты прекратился, слышались только разные голоса, крики раненых и команды офицеров, и сильная пулеметная и автоматная стрельба, особенно на правом фланге немцев. Чижииков и остальные офицеры дивизиона вышли из блиндажей для организации отражения возможной атаки немцев.

Все-таки, на правом фланге немцы смяли нашу оборону, и около роты немецких солдат пошли в атаку на высоту. Охрана генерала, разведчики дивизиона и батареи, используя более выгодную позицию, дружно дали отпор немецким солдатам.

Лещёв дал команду стрелять короткими очередями и только прицельно. Подобрал карабин убитого солдата, он открыл огонь из него. Выпуская пулю за пулей, он поразил двух пулеметчиков и несколько солдат.

После смены позиции он стал выбирать более важные цели, а именно немецких офицеров или других командиров. Ведя наблюдение с помощью бинокля, он обнаружил среди наступающих немцев капитана и оберфельдфебеля. Меткими выстрелами он снял обоих и сожалел, что нет снайперской винтовки, стрельбой из которой он овладел еще до училища, обучаясь в спецотряде при военкомате города Свердловска, сейчас он сумел бы больше поразить фашистов.

Почти вся группа прорвавшихся фашистов была уничтожена, а несколько солдат пленены. Казалось, немецкая контратака захлебнулась, и оборона в месте прорыва восстановлена, но минут через двадцать на высоту снова обрушился град снарядов и мин, причем немцы ввели в бой шестиствольные реактивные минометы. Все снова укрылись в щели и блиндажи. Лещёв в начале обстрела оказался у блиндажа командира дивизиона, где уже находился Воробьев. Они готовили данные для открытия огня всем дивизионом по позициям вражеской артиллерии. Поговорив с Карповым о продолжении наблюдения за противником, Лещёв по ходам сообщений перебежал на свой фланг и укрылся вначале в своем блиндаже, а затем проскочил в блиндаж к разведчикам. Он предупредил их не забывать о наблюдении за противником, который в любую минуту может снова прорваться к высоте.

Перезарядив карабин новой обоймой патронов, Лещёв снова по узкому проходу перебежал в свой блиндаж. В углу блиндажа за рацией сидел радист Титов. Лещёв тоже присел на свой топчан, достал пистолет «вальтер» и пополнил магазин пистолета новыми

патронами. В это время в угол наката блиндажа попал немецкий снаряд, очевидно, осколочный, так как не проник вовнутрь блиндажа. Взрывная волна, дым и мелкие осколки заполнили все пространство помещения. Лещёву показалось, что по его голове ударил огромный молот, в ушах и в голове раздался звон, шум и какое-то дребезжание и сильная боль в правой части затылка. В горле першило, и глаза слезились.

Напротив, в углу сидел бледный Титов, правой рукой он зажимал левое предплечье, сквозь пальцы сочилась кровь. Лещёву казалось, что Титов что-то говорил, показывая на радиостанцию, а Лещев ничего не слышал, но понял, что радиостанция цела. Лещёв достал перевязочный пакет и стал осматривать руку Титова, чтобы перевязать ее, но в это время вошли разведчики Соколов и Шарипков.

Они сразу поняли ситуацию и стали действовать. У Лещёва никаких ранений не нашли, кроме контузии, а в левую руку Титова попали два небольших осколка, сильно шла кровь. Шарипков прямо поверх рукава наложил бинты на рану и остановил кровотечение. Закончив перевязку Титова, разведчики увели его в общий блиндаж, а вместо него пришел радист Барсанов. Через некоторое время артналет по высоте 152,0 прекратился, и все вышли на воздух для наблюдения за противником и возможного отпора контратаке немцев. Между тем наш дивизион продолжал вести огонь по выявленным целям противника, на дальних подступах к передовой. Не имея указаний от начальства, Лещёв показывал, где и кому занять оборону. Его понимали и слушались. В это же время усилилась пулеметная стрельба на левом немецком фланге. Направив бинокль в том направлении, Лещёв увидел, что вдоль опушки большой рощи двигались несколько немецких бронетранспортеров с пехотой. Через линзы стереотрубы между деревьев рощи тоже просматривались бегущие в нашу сторону немецкие солдаты. Наверное, и другие офицеры видели это, потому что туда был перенесен огонь. Бесконечный бой продолжался.

Солдаты взвода Лещёва, все чумазые, небритые, без горячей пищи, продолжали держать оборону, нанося ощутимый урон врагу. Тем временем, немцы вывалились из скрывавшей их рощи и всей своей массой навалились на правофланговый батальон 15-го полка 120-й дивизии, сминая редкие цепи солдат и продолжая движение вперед. На их пути осталась еще одна траншея и наша высота. Лещёв жестами показал таким стрел-

кам, как Шарипков, что можно открывать прицельный огонь по немцам.

Видя такую ситуацию, по ходам сообщений к Лещёву перебрался Михаил Карпов со своими разведчиками. Карпов дал команду открывать огонь только на расстоянии, с которого можно поразить противника. Немцы продолжали двигаться вперед, поливая плотным пулеметным огнем все вокруг.

Лещёв обратил внимание на необычность и структуру немецкой контратаки, особенности их действий. Впереди двигались девять-десять групп немецких солдат, причем в каждой группе по два рослых пулеметчика, по одному помощнику и подносчику патронов. Оба пулеметчика, как правило, стреляли в одном направлении, создавая большую плотность огня. Их охраняли примерно до роты автоматчиков. Лещёв подумал, о том, что сделает запись об этом в своем дневнике — о возможном применении в наших войсках этого приема, жаль только, что у нас пока нет таких пулеметов, как МГ-38. Думая об этом, Лещёв внимательно следил за поведением врага. Когда группа немцев приблизилась метров на двести, Лещёв проверил прицел и с упора выстрелил в пулеметчика, сразив его наповал. Следуя примеру Лещёва, Шарипков тоже дал короткую очередь из ППШ и тоже поразил немца. Все стрелявшие быстро сменили позиции, так как по высоте 152,0 был усилен огонь из немецких пулеметов. Кроме того, продолжался обстрел высоты и из артиллерии, но не такой, как был утром, очевидно, немцы боялись поразить своих. Немецкая группа прорыва продвигалась вперед, высота уже была отрезана от наших тылов.

Генерал и Чижиков, очевидно, предпринимали меры против окружения нас немцами. По немецкой группе прорыва с наших тылов ударили минометы, и немцы заметались, ища укрытия. Используя это обстоятельство, защитники высоты тоже усилили огонь из стрелкового оружия, причем все били прицельно, нанося урон врагу. День был пасмурный и, казалось, что темнеет быстрее, чем обычно, а подносчиков пищи не было. Все понимали, что в такой ситуации они могут не пройти, значит, снова голодная ночь. Карпов крикнул: «Не робей, ребята, злее будем!» Одновременно Карпов предупредил, что впереди ночь и надо экономить боеприпасы. Лещёв жестом попросил Карпова достать что-нибудь от головной боли, тот кивнул головой и ушел по ходам сообщений к себе. Вернувшись, он передал Лещёву две пилюли, заставил выпить их немедленно. Лещёв сделал все, как сказал

Карпов. Минут через сорок Лещёв почувствовал себя лучше, главное, голова перестала болеть.

Чижиков продолжал вести артогонь по позициям немецкой артиллерии, а немецкую группу прорыва обстреливали наши минометчики. Уже совсем стемнело, все были напряжены, но оставались на своих местах. В целях профилактики периодически постреливали в сторону немцев, освещали местность осветительными ракетами. Так постреливали почти всю ночь, но с позиций никто не уходил. Когда стало светать, разведчики с высоты 152,0 в бинокли увидели, что немцы почти полностью окружили высоту, наверное, готовились к штурму. В это время со стороны наших тылов появились две пары самолетов Ил-2. Одна пара ушла в тылы противника, очевидно, подавлять артиллерийские цели, другая сразу атаковала немцев, окружавших высоту. Эта группа немцев на своей шкуре испытала мощь реактивных снарядов «Илов». Большая часть немцев побежала в сторону немецких окопов, попадая под мощный огонь разведчиков и гвардейцев 120-й дивизии. Почти вся эта группа прорыва была уничтожена. В качестве помощи из нашего тыла подъехали пять американских автомашин «шевроле» с солдатами, которые помогли завершить разгром немцев на этом участке.

Все, кто был на высоте 152,0, радовались победе над врагом. Лещёв приказал Анцыферову подобрать один из немецких пулеметов МГ-38 и ленты с патронами к нему — может пригодиться в предстоящем бою. Немцы, естественно, побежали, но их разгром продолжали другие. Через некоторое время бой переместился в глубину немецкой обороны. Наступила тишина, бойцы передохнули и расслабились. Команду: «Становись!» дал сам Чижиков и, когда появился генерал, он доложил ему о ликвидации окружения и уничтожении немецкой группы прорыва. Генерал, как положено, выслушал рапорт, поздоровался с воинами, поблагодарил всех за стойкость мужество. После этого он подошел к Чижикову, снял со своей груди орден Ленина и приколот его к груди командира дивизиона. Далее генерал сказал, чтобы всех офицеров представили к ордену Красного Знамени, а рядовых и сержантов к ордену Красной Звезды. После такой процедуры все стали приводить себя в порядок и собираться на батарею. Команда о направлении новой смены разведчиков, радистов и связистов на наблюдательные пункты уже была дана.

Минут через тридцать пришла смена, и все, группами и в одиночку, направились на свои батареи, как домой. Лещёв пошел вме-

сте с Карповым и другими офицерами. Миша, как всегда, рассказывал еврейские анекдоты, а на его белобрысом облике сияла радостная улыбка, улыбка победителя. Лещёв тоже спешил на батарею, ведь он ожидал писем от Катюши. Его также волновала полученная в бою контузия правой части головы и что скажет Саша Муратов, фельдшер дивизиона?

ФОТОРАЗВЕДКА

На батарее всех, кто пришел с высоты 152,0, встречали тоже радостно, как героев. Был приготовлен хороший обед, в том числе любимое блюдо разведчиков, картошка с котлетами, положенная порция спирта и другое. Во время обеда к Лещёву подсел фельдшер Саша Муратов. Он стал интересоваться состоянием его здоровья. Лещёв объяснил, что когда шел бой на высоте 152,0, снаряд ударил в угол наката блиндажа почти над его головой. Голова сильно болела, но Карпов выручил, дал таблетку и минут через сорок все прошло. Далее Муратов проверил слух у Лещёва, осмотрел глаза и уши и дал добро на отдых и желтые маленькие пилюли, при этом сказал, что пить таблетки нужно утром и вечером три дня подряд. После этого Лещёв направился к старшине проверить, есть ли ему письма. Старшина был родом с юга Украины, из мест, где проходило детство Лещёва, и они симпатизировали друг другу. На этот раз он вручил Лещёву только одно большое письмо, от Катюши. Кроме разных объяснений, она сообщала, что их пост перевели ближе к фронту. На второй день Карпов достал где-то новую фотопленку и сфотографировал почти всех участников обороны высоты, каждого в отдельности. Лещёв сделал снимок Карпова и других офицеров. На второй день, когда фотокарточки были готовы, все обменялись ими. На некоторых фотографиях остались памятные надписи. Например, Карпов написал Лещёву: «Славик, вспомни, как вместе сражались на высоте 152,0, река Нарев, город Рожан, Польша, сентябрь 1944 г.» Командир отделения радио, старший сержант Ильин, выразил свое уважение к Лещёву стихами. Стихи примитивные, но выражали уважение к командиру, с которым прошли многие сотни километров, освобождая Польшу и другие земли.

*Мои черты и взгляд лица
Тебе напомнят о сраженьях,
В которых немцев вместе били
И не имели поражений.*

В этот же день Карпов сказал, что он устраивает прием в честь всех командиров-разведчиков. К обеду в штаб дивизиона пригласили Лещёва, Мертвцова, Муратова и командира взвода управления 6-й батареи (его фамилию Лещёв забыл). Выпили за Победу, затем, как сказал Миша, «чтоб мы все были здоровы», так в Одессе говорят, помянули погибших. Саша Мертвцов поиграл на гитаре. Карпов снова вернулся к теме боя на высоте 152,0. Он стал рассказывать, как Лещёв появился на его фланге с карабином: «На моих глазах он с этого карабина завалил двух офицеров и несколько пулеметчиков». Лещёв ответил, что он не любит хвастаться, но с десяти патронов девять попадают в противника. На фланге у Миши он выпустил две обоймы. Когда его спрашивали, где он научился хорошо стрелять, он отвечал, что на Урале. Еще до училища райком комсомола направил его на курсы партизанских разведчиков, там здорово учили стрелять, и не только из карабина но и со снайперской винтовки и других видов стрелкового оружия. В разговор вступил Муратов, он снова спросил Лещева, появляются ли боли в голове, шум в ушах или какие либо другие отклонения. Лещёв ответил, что у него все нормально, жалоб на здоровье нет. Далее немного побалагурили и разошлись по батареям. Воробьева в блиндаже не было, и Лещёв достал дневник и стал его листать. На глаза попала запись о службе в 9-м запасном разведывательном полку. Он рвался на фронт, а его заставили обучать молодых солдат, из которых надо было сделать командиров отделений разведки. В полку знали, что Лещёв увлекается фотографией, в личном деле отмечены его успехи в фотограмметрии, это наука о расшифровке фотоснимков, в основном, снятых с воздуха. Это трудно — разбираться в плоских квадратах и определять, дом это или цель. Ему помогало знание фотографии и фотограмметрии (наука об увеличительных стеклах, грубо говоря). Незаметно для себя Лещёв уснул, проснулся от толчка в плечо. Над ним стоял Воробьев с кривой улыбкой на губах: «Спишь, а тебя ищет сам начальник штаба полка Малютин». Лещёв поблагодарил Воробьева и побежал в штаб полка. Малютин встретил его дружелюбно, и после приветствия сказал, что в штаб бригады прибыл прибор под названием «фотодалномер», а они не знают, что с ним делать. Лещёв сказал, что он догадывается, что это такое. Это фотоаппарат со специальным объективом, с помощью, которого можно фотографировать на большие расстояния, до 25 километров. Такой прибор был нужен. Малютин поблагодарил Лещёва за информацию и отправил его на батарею.

На второй день всех офицеров полка вызвали на совещание. Все руководители полка сидели за столом, а в комнате была какая-то напряженность. Начал командир полка, он сказал, что собрал офицеров по очень важному вопросу. По агентурным данным, немцы готовят новый удар по нашим войскам. Для осуществления своего замысла они подтягивают свежие силы, в том числе бронетехнику. По данным армейской разведки, сюда уже переброшена танковая дивизия, укомплектованная новой техникой. Авиационная разведка ничего не обнаружила, Посылали несколько разведгрупп, тоже нулевой результат. Что скажет наша разведка? Начальник разведки полка, гвардии капитан Куликов сказал, что наземным наблюдением новых целей на стороне противника не выявлено, но работу в этом направлении продолжаем. А что скажет начальник штаба? — поднял Малютин командир полка. Малютин сообщил, что из бригады прибыло письмо, в котором сообщается о новом приборе, который называется «фотодальномер». В бригаде нет специалиста, который знает этот прибор и может на нем работать. «Ну, а дальше что?» — спросил командир полка. Малютин продолжил, что Лещёв, находясь на службе в 9-м запасном разведывательном полку, работал с подобным аппаратом. После этого совещание закрыли, а Лещёва начштаба повел к командиру полка. Лещёв рассказал то, что знал об этом приборе, и его отпустили на батарею, сказали, что вызовут, если нужно будет.

Через день позвонил Малютин и сказал, чтобы Лещёв с охраной из двух разведчиков после завтрака был в штабе полка. В штабе Малютин сказал, что прибор секретный, поэтому нужно соблюдать меры осторожности, здесь же он вручил Лещёву доверенность на получение прибора и рассказал, к кому обратиться в штабе бригады, дорогу шофер знает. На штабном «виллисе» быстро доехали до бригады. Начальник разведки бригады, подполковник, проверил документы и доверенность, сказал старшине, который присутствовал здесь, чтобы выдали лейтенанту фотодальномер. Минут через тридцать Лещёв докладывал Малютину о выполнении задания, тот сказал — вези к себе, испытывай. На этом же «виллисе» доехали до передовой, разгрузились. Разведчики взяли треногу в чехле и ящик с прибором, донесли до блиндажа. Пришли Карпов, Воробьев, разведчики, чтобы посмотреть на новинку. Лещёв рассказал об этом приборе, сказав, что это фотоаппарат с большим и сильным объективом. Здесь мощная система линз, фокусное расстояние приставки сто сантиметров, дальность фото-

графирования до 25 километров. Но главный секрет в том, что фото- пленка обработана инфракрасными лучами.

Лещёв попросил Анцыферова поставить у стереотрубы столик для карты и бумаги. Пока суть да дело, Лещёв вынул треногу из чехла, установил ее рядом со стереотрубой. Затем извлек из ящика немецкий фотоаппарат «Пентафлекс» и приставку к нему в виде трубы длиной около 80 сантиметров и диаметром 15–16 сантиметров с резьбой для фотоаппарата и перископической приставки. Соединив фотоаппарат с трубой и перископом, Лещёв установил все это на треногу. Установка была готова к производству съемки.

Лещёв вначале осмотрел местность противника через стереотрубу, а затем через открытый окуляр фотодалномера. Попросил Карпова и Воробьева сделать то же. Они были удивлены — через фотодалномер все выглядело ярче, четче и ближе. Далее Лещёв объяснил, что этот прибор неправильно назван. Он принимал участие в его разработке. Черновик трубы был, как квадратный желоб, обтянутый черным дерматином. Дальность он не определял, но фотографировал на расстояние до 25 километров.

Далее Лещёв приступил к работе. С помощью стереотрубы и топографической карты он выбрал около тридцати рощ и дубрав в полосе наступления наших войск, на удалении от восьми до двадцати километров. Все рощи он пронумеровал на карте и обвел синим карандашом. Каждый номер на карте должен был соответствовать номеру кадра в аппарате. За полчаса Лещёв произвел съемку намеченных объектов. На 31-й и 32-й кадры он заснял глубину переднего края противника. Свою работу Лещёв продублировал на отдельном листе бумаги, в виде объяснительной записки, где указал, какие рощи и под каким номером засняты на пленку.

О проделанной работе Лещёв доложил Малютину и попросил автомашину для доставки аппаратуры в штаб. Через некоторое время Малютин по телефону приказал доставить аппаратуру в штаб бригады, так же под охраной, и выслал автомашину.

В штабе бригады Лещёв быстро нашел начальника разведки бригады, доложил о проделанной работе и сдал аппаратуру вместе с картой и пояснительной запиской.

Прошло три дня, и вдруг Малютин срочно вызывает Лещёва. Увидев его, Малютин с сияющим лицом обнял его и сказал: «Молодец, Вячеслав, нашел пропавшую танковую дивизию, запасы горючего и прочее. Все это уже уничтожено. Командование корпуса объявляет тебе благодарность». Лещёв ответил: «Служу Советскому

Союзу!»), не задумываясь над своей важной работой, как будто делал все для себя, как он обычно занимался фотографией.

Лещёв был рад, что правильно рассчитал объекты съемки, и что все получилось удачно. Он жалел об одном, что такого аппарата нет в полку, не говоря о дивизионе. Наличие такого аппарата повысило бы эффективность инструментальной разведки. Вообще, Лещёв считал, что необходимы новые приборы для артиллерийской инструментальной разведки, в первую очередь на основе фотосъемки и электроники.

Кроме того, офицеров артиллерийской разведки необходимо включать в разведывательные рейды с пехотой и другими родами войск. Разрешать разведчикам-артиллеристам самостоятельные проникновения в тыл противника. Опыт в этом вопросе есть — это когда по приказу Карпова Лещёв с двумя разведчиками проник в тыл к немцам и обнаружил новые системы минометов, которых у нас еще не было. Немецкий связист захваченный, в качестве языка, тоже дал хорошие показания. Он подтвердил информацию Лещёва о новых системах немецких минометов, их количестве, откуда они прибыли, структуру новых минометных частей и тактико-технические данные. По словам Михаила Карпова, начальника разведки дивизиона, сведения, добытые Лещёвым, были сверхсекретными.

В ОЖИДАНИИ НОВЫХ БОЕВ

Муратов сказал, что Малютину присвоено новое звание, гвардии майор, и нужно поздравить начальника штаба полка. Карпов сказал, что это дело он берет на себя, ведь Малютин выходец из нашего дивизиона. Завтра, если ничто не помешает, у нас будем «обмывать» майорскую звезду Малютина.

На второй день, как и обещал Карпов, в штабе дивизиона накрыли столы. Из командиров батарей были только Воробьев, офицеры штаба дивизиона во главе с Чижиковым и, главная сила разведки, командиры взводов управления. По словам Карпова, хорошо помогли продуктами и в организации обеда старшины батареи, особенно старшина четвертой. Они помогли мясом для котлет и картошкой. Первый тост за гвардии майора Малютина, по традиции, пили из котелка со спиртом и майорской звездой, по кругу. В качестве подарка Чижиков вручил Малютину красивый кортик. Обед закончился нормально. После обеда, как говорят, на перекуре, к Малютину посыпались разные вопросы на разные темы, в том числе о разведке боем. Он ответил уклончиво: «Все может быть, но я такими сведениями не располагаю, все ходим под одним Богом». Он быстро ушел, сославшись на занятость, остались Карпов, Мертвецов и Лещёв, которых волновала тема разведки боем. В своем дневнике Лещёв запишет свои мысли о разведке боем. По его мнению, разведка боем проводится ради получения информации о расположении огневых средств или взятия важных стратегических пунктов противника. При всех плюсах и минусах разведка боем, по мнению Лещёва, остается главным источником получения любой информации о противнике. Это, своего рода, форма и метод получения разведывательных данных, продолжил Лещёв. Он произвел и другие записи о различных событиях в полку, на батарее, среди офицеров.

Прошло три дня. Лещёв, как всегда, находился на наблюдательном пункте батареи, контролировал работу разведчиков, помогал выявлять цели. Во второй половине дня позвонил Воробьев, сказав, что есть разговор, нужно прибыть на батарею. Оказывается, прибыло новое пополнение. Лещёв должен присутствовать на бе-

седе с прибывшими, чтобы выбрать из их числа нового разведчика. На беседе Лещёву понравился молодой парень 1922 года рождения, по специальности водитель, до ранения служил в артиллерии, младший сержант Яблонский Михаил. Воробьев поддержал выбор Лещёва, и примерно через час новый разведчик был на НП. На батарее Лещёв также пообщался со старшиной и офицерами батареи. От них он узнал о подготовке к празднику Октябрьской революции, о строительстве бани и других новостях.

Тем временем жизнь в полку шла по боевому расписанию, как положено. Кроме бытовых вопросов регулярно наносились мощные артиллерийские удары по противнику, причинявшие значительный урон. Начальник штаба полка разработал оригинальный план. Его суть заключалась в том, чтобы ежедневно с запасных огневых позиций по специальному графику для батарей и дивизионов наносить удары по конкретным целям, выявленным разведчиками. Запасные позиции постоянно менялись, как и менялись батареи и взвода. Такие стрельбы поддерживали боевую форму расчетов, их тренированность.

Октябрьские праздники прошли с определенным напряжением в связи с введением во всех подразделениях варианта «готовность № 1». Были установлены дежурства офицеров во всех подразделениях, материальная часть была готова к бою в любую минуту. Сведения о возможных провокациях со стороны немцев не подтвердились. Командование полка объявило, что 19 ноября будем отмечать новый праздник «День артиллерии». Этот праздник отмечался впервые, и наши тыловики постарались на славу. В полковом клубе установили столы, каждый на четыре человека. В небольших чайниках — по 500 граммов спирта на четверых, консервированные овощи — помидоры и огурцы, селедка. На горячее подали котлеты с картофельным пюре и чай с конфетами на десерт.

Выступил командир полка, поздравил всех с праздником. Потом пошли тосты. Все были довольны. Такое мероприятие в полку было впервые. Когда Лещёв объявил, что 18 ноября ему исполнилось ровно двадцать лет, сидящие за столом товарищи по батарее провозгласили тост за его двадцатилетие и поздравили с юбилеем. Лещёву это было приятно. Другие офицеры, в том числе Малютин, тоже поздравили Лещёва. Малютин при этом назвал его по имени.

Наступил декабрь 1944 года. 10 декабря командир полка, его заместители, начальник штаба и начальник разведки срочно были вызваны в штаб бригады на совещание. Совещание было почти

секретным, вернее, закрытым, поэтому информация о нем дошла до офицеров только через несколько дней.

Михаилу Карпову от штабных работников стало известно, что там читали директиву Главнокомандующего о подготовке к новым боям. Ее суть — накапливать силы и средства к большому наступлению, которое планируется провести 18 января 1945 года. Заниматься всеми видами разведки, пополнением и обучением личного состава.

Через несколько дней начальник штаба полка Малютин собрал всех офицеров полка и на словах рассказал о директиве. То, что он говорил, всем уже было известно. Это активизировать выявление новых целей, в основном, огневых точек противника, на батареях постоянно проводить тренировки для повышения мастерства расчетов, особенно наводчиков и заряжающих. Все подразделения приступили к выполнению директивных указаний.

Лещёв ежедневно работал на наблюдательном пункте батареи. Он требовал от разведчиков знаний по распознаванию целей, обучал, как засекать батареи противника в ночное время по вспышке и звуку выстрела с помощью секундомера или часов. Карпов похвалил его за такую работу и поставил в пример другим.

Вопрос упирался в отсутствие секундомеров на все батареи: то ли их кто-то взял, то ли они попросту потерялись. Чтобы восстановить наличие этих приборов в батареях, Лещёв написал рапорт на имя начальника штаба полка с просьбой заказать через тыловые службы партию секундомеров для батарей и дивизионов. Секундомеры прибыли, но с большим опозданием, мы вели уже только наступательные бои в Восточной Пруссии. Здесь формы и методы разведки сильно изменились.

В Восточной Пруссии больше применялись комбинированные разведывательные рейды в глубокие тылы немецкой обороны. Этому способствовало отсутствие стабильной обороны со стороны немцев. Немецкая оборона, как и на территории Польши, носила очаговый характер. У немцев не хватало ни сил, ни средств для организации стабильной обороны со всеми инженерными сооружениями.

РАЗВЕДКА БОЕМ

В промежутке между занятиями с личным составом Лещёв, как и на Западном фронте, продолжал заниматься стрельбой из двух пистолетов одновременно. В тыловой части высоты 152,0, в лесу он с разведчиком Шарипковым оборудовал специальную площадку — как для стрельбы, так и для метания ножей, вернее, немецких штыков. Шарипков рассказывал, что их разведгруппу перед заброской в тыл к немцам для похищения немецкого генерала обучали этим приемам. Он достиг определенных успехов, с семи–восьми метров он уже попадал в цель.

Примерно через неделю полк посетили начальник штаба бригады, полковник Ильин и замполит бригады Еськов. В штаб полка был собран руководящий состав полка до командира дивизиона включительно. Как потом рассказывал Чижиков офицерам дивизиона, по просьбе союзников И. В. Сталин изменил дату наступления с 18 на 12 января 1945 года. Союзники обратились к Сталину в связи с тем, что их войска окружены немцами, и они попали в трудное положение, и, если Красная Армия не поможет, то союзники понесут большие потери. Суть помощи заключалась в том, что, начав наступление, советские войска отвлекут на себя большую группировку немецких войск и тем самым облегчат положение союзных войск.

В советских войсках началась интенсивная подготовка к новой дате наступления. Как и предполагал Лещёв, на их участке началась подготовка к разведке боем. Буквально через два дня со стороны тыла к высоте 152,0 прибыли три автомобиля с солдатами и остановились в укрытом от наблюдения противника месте. Солдаты стали разгружать лопаты, топоры, пилы и другое имущество. Когда уехали автомашины, солдаты перенесли инструменты и привезенное имущество на большую поляну, закрытую от противника высокой рощей из хвойных и лиственных пород деревьев, и приступили к работе. Работами руководил офицер, в котором Лещёв узнал командира взвода саперов из 120-й дивизии.

На второй день утром приехали еще две автомашины с солдатами-саперами, они присоединились к ранее прибывшей группе. С

ними прибыл высокий, плотного телосложения капитан с общевойсковыми погонами, который осмотрел фронт работ, побеседовал с офицером-сапером и уехал с теми же автомашинами, на которых прибыл. Лещёву стало понятно, что это для штрафников готовят местопребывание и исходный пункт атаки. В бинокль были видны окопы, один или два блиндажа и землянки-укрытия для бойцов штрафбата. На второй день рано утром из нашего тыла туда проследовали, укрываясь опушками леса, примерно три сотни бойцов, одетых, как и разведчики, в телогрейки. В этот же день на свои командные пункты, расположенные на высоте, и на ближних ее скатах и более мелких высотках, прибыли командир дивизиона, и батарейные командиры со своими подчиненными. Вместе с ними прибыл и Воробьев.

Ближе к вечеру появилось руководство 120-й гвардейской дивизии. Это начальники штаба дивизии, разведки, артиллерии, командиры полков, а также командир штрафного батальона с тремя офицерами. Все они расположились на командном пункте командира дивизии. Прибывшие с ними разведчики установили две стереотрубы под специальным навесом и ушли. Когда все перечисленные лица вышли на площадку, где установлены приборы для наблюдения, начштаба стал объяснять обстановку для офицеров штрафбата. Остальные командиры достали топографические карты и стали делать какие-то пометки. На этом мероприятии присутствовали Чижиков и только что приехавший Малютин. По-военному это называется рекогносцировка местности. После нее почти все командиры разъехались. Остались только начальник штаба дивизии, начальник штрафбата, и наше начальство в лице Малютина и Чижикова. Начальник разведки дивизии, командир разведывательной роты дивизии, гвардии капитан Рокотов Григорий, рослый и крепкий парень из Москвы. До войны учился в институте, со второго курса взяли его в школу разведки при каком-то военном институте, через год присвоили звание лейтенанта и направили на Западный фронт. Он был всего на два года старше Лещёва, но повоевал хорошо, был дважды ранен, награжден тремя орденами. Лещёв быстро нашел с ним общий язык, и через час они были уже на «ты».

В беседе Рокотов рассказал, что это будет необычная разведка боем. Цель операции — захват или уничтожение командного состава дивизии, захват ценной документации, подрыв или уничтожение всех складов, всех видов снабжения на всех уровнях. Он сказал: «Мы будем заниматься только штабом и службами немец-

кой дивизии. Все будет проходить строго по графику». Затем Рокотов дал посмотреть график всей операции со словами: «Вот такая диспозиция на левом фланге. Взрывчатку принесут саперы». Лещёв поговорил с Анцыферовым о непрерывном наблюдении за полем боя во время операции.

Наступило утро следующего дня, прибыло начальство, появились подносчики пищи, начинался новый день. Там, на передовой, кроме Рокотова, были еще два офицера и около сотни разведчиков. Все разместились под маскировочными навесами первой траншеи. Отдельной группой расположились три роты штрафников, одетые также в телогрейки. Рокотов поинтересовался, пришли ли саперы. Из общей массы разведчиков вышел старшина и четыре сапера, все с вещмешками взрывчатки. Рокотов спросил, хватит ли взрывчатки? Старшина ответил, что взрывчатки сорок килограммов, по тем расчетам, что готовили в штабе, должно хватить. Приближался час «икс». Раздалась команда Рокотова: «Всем приготовиться, сейчас начнется артподготовка, двигаться за разрывами снарядов по ранее указанному направлению».

Снаряды накрыли передний край и глубину обороны противника, оставляя коридор шириной 130–150 метров. Первыми по этому коридору двигались поротно штрафники, за ними — главная разведгруппа Рокотова. Снаряды разрывались впереди, справа и слева, это было необычно, но штрафбат и разведгруппа двигались вперед, за разрывами снарядов, достигла уже первой линии обороны противника, не встречая сопротивления противника. Все было в дыму разрывов снарядов, и вести наблюдение стало невозможным.

После окончания операции Рокотов рассказывал о действиях штрафников и разведгруппы. Штаб немецкой дивизии и ее службы размещались в густой роще, в некоторых местах обнесенной проволочным заграждением. Штрафниками командовал опытный майор, который быстро оценил обстановку и принял правильное решение. Две его роты — где ползком, где по-пластунски — окружили все объекты врага, без шума сняли часовых, захватили все склады, автотранспорт, два бронетранспортера и все стали приводить в непригодность, кроме бронетранспортеров, не применяя пока поджогов. Одновременно со штрафниками два взвода разведчиков Рокотова ворвались в помещение штаба дивизии, блокировали все кабинеты и подвал, где находились бункер командира дивизии и узел связи. Кто из штабников сдавался, тех брали в плен, кто применял оружие, тех уничтожали. В бункере находилась так-

же комната шифровальщика, который не успел закрыться и был взят в плен со всем своим хозяйством — кодами, шифровальной машиной, шифровками из вышестоящих штабов и другими важными документами. Все это было упаковано для транспортировки в наш тыл, вместе с хозяином. Находящийся в бункере узел связи был взорван, после чего дверь кабинета генерала открылась, и из нее с поднятыми руками вышел майор. На полу кабинета с пистолетами в руках лежали генерал и другой майор, которые, со слов пленного майора, застрелились. Все их документы, как личные, так и служебные, тоже были взяты разведчиками. На первом и втором этажах штаба добычей разведчиков стали очень важные документы. Это карты с нанесенной обстановкой, бланки новых карт, разные служебные удостоверения и пропуска и многое другое. Штрафники тоже многое сделали из того, что было запланировано. Время подходило к эвакуации и отходу к своим, и Рокотов дал команду на отход, но при этом приказал проверить наличие бойцов и сообщить ему данные о потерях. Среди разведчиков один был убит и пять ранены, в их числе командир взвода лейтенант Сыч. Среди штрафников — четыре убитых и двенадцать раненых. Рокотов приказал проверить бронетранспортеры со словами: «Через пять минут выходим». Первыми шли две роты штрафников, в середине колонны — разведывательная рота с пленными немецкими офицерами и документами, замыкали колонну третья рота штрафников с их офицерами. Один бронетранспортер с убитыми следовал впереди, второй, с ранеными, в середине колонны. Все! Вперед! Когда группа прошла метров двести, сзади стали разрываться наши снаряды, прикрывая отход. Как было предусмотрено графиком, перед тылом обороны немцев, за двести метров до подхода разведгруппы снова появилась стена разрывов наших снарядов, которая удалялась с приближением разведчиков. Так и двигались почти до наших окопов.

Когда разведгруппа достигла наших позиций, по всей немецкой обороне был снова нанесен новый артиллерийский налет, чтобы прикрыть уход в тылы всех участников разведки боем.

Добытые сведения, документы и другая информация еще долго будут анализироваться в штабах разных уровней, а также в спецслужбах страны, ГРУ и НКГБ, а пока все документы и трофеи систематизировались по видам, по значимости и по другим признакам.

Во время разведки боем были взяты в плен два подполковника, четыре майора и один фельдфебель-шифровальщик. Всех направили в контрразведку СМЕРШ и другие службы фронта. Остальные

офицеры штаба немецкой дивизии и других немецких служб были уничтожены, уничтожены также десятки немецких солдат, охранявших немецкие склады и другие объекты. Несколько дней только и говорили о необычной операции, о добытых документах, трофеях, пленных, которые располагали ценной информацией и выложили ее при допросах. Многие документы и трофеи остались в 120-й гвардейской дивизии — те, что касались их участка наступления. Также Рокотов оставил себе, вернее, разведке штаба, многие бланки удостоверений и некоторые печати.

Как понял в беседе Лещёв, почти все офицеры подразделений разведки брали из трофеев, что было необходимо для пользы службы.

ПО ПРОСЬБЕ СОЮЗНИКОВ

Декабрь 1944 года был на исходе. Службы снабжения полка в срочном порядке занимались, в первую очередь, доставкой боеприпасов и продовольствия. В двухдневный срок был восстановлен запас боеприпасов, израсходованный на разведку боем. По словам начальства, для новой наступательной операции необходимо было еще завезти около тридцати тысяч снарядов и зарядов к ним.

Вторая проблема — встреча Нового 1945 года, как всем хотелось, года Победы. Долго судили-рядили, и решили встречать скромно побатарейно, в присутствии представителей штабов, без всяких излишеств, сохраняя полную боеготовность. Предполагалось, что немцы будут отмечать католическое Рождество 25 декабря, поэтому могут быть провокации с их стороны. Нам предлагалось проявлять бдительность и готовность к любым выходкам немцев. Но все обошлось хорошо, без происшествий.

Наступил Новый год. Похолоданий не было, только изредка шел мелкий снежок, который быстро пропадал. Здесь зиму напоминало только отсутствие листьев на деревьях и минусовые температуры в ночное время суток, но личный состав к этому был готов. Экипировка была у всех зимняя, в блиндажах были установлены печки, имелся запас дров, жаль, что это ненадолго. Психологически личный состав готовился к новому наступлению. Участились совещания на разных уровнях. Так, четвертого января в штаб бригады вызывали все полковое начальство, пятого в штабе полка проводили совещание с командирами дивизионов и батарей.

Было четко определено, что 12 января 1945 года начинается наступление наш третий Белорусский фронт, главная задача которого — овладеть Восточной Пруссией. 13 января начинают наступление сразу два фронта. Второй Белорусский отрезает полностью Восточную Пруссию от основной части Германии, выходит к Балтийскому морю и берет город Данциг (по-польски, Гданьск). В этот же день первый Белорусский фронт начинает наступление на Померанию до реки Одер. Все ждали своего часа и продолжали готовиться к нему. Наступление наших фронтов — не только по-

мощь союзникам, но и первый звонок в ворота Берлина. Так говорило начальство.

10 и 11 января Лещёв был на огневых позициях батареи, решал мелкие хозяйственные вопросы. Он дал старшине на хранение свои вещи и попросил тряпок для чистки оружия. Увидев несколько мешков с валенками, сказал: «Как не стыдно, старшина, командир разведки ходит в рваных и стоптанных валенках, а от тебя никакой заботы»? Тот быстро ответил, что офицерских валенок нет, а из ремонта привезли все подшитые, выбирайте, какие на Вас смотрят.

Лещёв подошел к одному мешку и вывалил оттуда пять–шесть пар валенок с добротной подшитой подошвой в три слоя, каждый толщиной с палец. Лещёв, как бы шутя, примерил две пары валенок, и в одной из них остался. Они были тяжеловаты, но удобно сидели на ноге. Старшине сказал, что в этих валенках он уйдет. На территории дивизиона Лещёву попались Саша Мертвецов и Михаил Карпов, с ними разговор зашел о предстоящем бое. После этого Лещёв ушел на наблюдательный пункт батареи. Все были заняты делом, радисты меняли питание радиостанций, связисты готовили свое имущество к эвакуации на огневые позиции, разведчики готовили к бою свое оружие. Лещёв распорядился, кто пойдет с ним на передовую, в пехоту, а кто останется с комбатом. Он наметил, что с ним пойдут Соколов, Суходоля, Шарипков и два радиста.

Был вечер, последний перед боем. Принесли ужин, в том числе три фляги со спиртом, две разведчикам и одну остальным. Лещёв всегда возмущался такой несоразности. Лещёву и разведчикам ежедневно выдавали двойную порцию спиртного, а всем остальным, которые находились в таких же условиях и подвергались такой же опасности, только одну порцию.

Наступило утро 12 января 1945 года. Оно выдалось хмурым и пасмурным, шел мелкий снежок и вдали за полем, у самого леса, стоял туман. Съехалось все начальство, от командира дивизии до командиров батарей. Все было готово к наступлению.

Ровно в 9.00 началась артподготовка, сотни снарядов прошуршали над нашими головами, их разрывы накрыли все позиции немецкой обороны. Было приказано вести наблюдение за немецкими позициями, выявлять уцелевшие огневые точки противника, но уже через две минуты немецкие позиции были похожи на извержение большого вулкана.

Пламя, копоть, пыль достигали высоты двести–триста метров. Не могло быть и речи о продолжении наблюдения. Лещёв и его

группа, как и другие офицеры, ходами сообщений вошли в нашу первую траншею, поближе к противнику, чтобы сразу после артподготовки, в числе первых подняться в атаку на противника. Артподготовка длилась тридцать минут, но еще до ее окончания все были наверху окопов, чтобы все видеть и первыми войти в окопы противника.

Вдруг из глубины немецкой обороны раздался только один артиллерийский выстрел, а на нашем левом фланге раздался взрыв тяжелого снаряда. Только вечером узнал Лещёв, что этот снаряд оборвал жизнь нашего любимца-весельчака Александра Мертвцева.

Когда Лещёв и его группа вместе с солдатами дивизии подбежали к первой линии окопов немцев, им попался один уцелевший солдат, который целился в них. Соколов короткой очередью уничтожил немецкого солдата.

В это же время под ногами Лещёва раздался взрыв, все упали. После взрыва, Лещёв, сидя в воронке, ощутил жжение в стопе правой ноги, пошевелил этой ногой и улыбнулся. Все тоже посмотрели на валенок правой ноги Лещёва и тоже улыбнулись. Трехслойная подошва, от мыса валенка и почти до пятки, срезана, как бритвой, а нога цела. Разведчики, осмотрев валенок и воронку, определили, что Лещёв на бегу, наступил на противопехотную двухсотграммовую мину, она взорвалась, но благодаря трехслойной подошве валенка ступня ноги осталась целой. Воронка от взрыва соответствовала параметрам противопехотной, мины. Она была в диаметре 70–75, а глубиной 30–35 сантиметров. Спасибо валенку и старшине! Подошву валенка укрепили портянкой и веревками, и еще до вечера Лещёв и его команда громили немцев, освобождая северную часть Польши.

Еще было светло, когда Лещёв получил приказ отойти к новым огневым позициям полка. Он впервые видел, чтобы полк располагался в одну линию. Сзади гаубиц стоял автотранспорт и хозяйственные автомашины.

Сменив валенки, Лещёв встретился с Карповым, Муратовым и другими офицерами дивизиона, помянули Сашу Мертвцева. Пожелали, чтобы земля ему была пухом.

Минут через десять Лещёва вызвал Малютин и приказал выдвигаться вперед как можно ближе к немцам, взяв с собой разведчика, знающего немецкий язык. Необходимо выяснить их намерения.

Лещёв вместе с Суходолей и телефонистом продвинулись вперед, пока не услышали отрывки немецкой речи. Оставив телефо-

ниста в укрытии, сами продвинулись еще метров на пять вперед. Поскольку Суходоля хорошо знал простую, разговорную речь, он продвинулся еще ближе к немцам. Через десять минут Суходоля вернулся и рассказал о том, что услышал. Со слов немцев, они через один час уйдут от русских на пятнадцать–двадцать километров, и их никто теперь не догонит. Лещёв доложил об этом Малютину, и тот приказал вернуться на позиции к автомашинам. Минут через тридцать группа Лещёва была дома, у автомашин, где располагалось все начальство. Так мы помогали союзникам, постоянно нанося мощные удары по немецко-фашистским войскам. Наши войска на этом участке фронта сковывали большие силы немцев.

Лещёв и другие офицеры — Карпов, Муратов — с печалью вспоминали Сашу Мертвцева, его песни, виртуозную игру на гитаре. Даже большие начальники любили слушать песню Дипломата «Гоп со смыком» в исполнении Саши. Похоронили его на высоте 152,0, со всеми воинскими почестями, в присутствии его отца, мастера по вооружению одного из полков дивизии.

Поминали Сашу во всех батареях дивизиона. Но война есть война, там иногда убивают и, притом, лучших. Вместо него через некоторое время в пятую батарею прислали нового офицера, младшего лейтенанта Чиж. Он, как и его командир, не любил офицерские компании, и держался обособленно. Так же действовал его командир Богдан. Как говорят, два сапога — пара, все боялись, что Богдан заразит пагубной привычкой к выпивке молодого офицера, но Чиж не поддался влиянию Богдана. Между ними не сложились настоящие товарищеские отношения. И к другим офицерам его ранга он тоже не примкнул, так и остался сам по себе, но как офицер проявлял себя только с положительной стороны. Он был исполнительный, аккуратный, честный. Но Миша Карпов не приглашал его в нашу компанию, так как в его голове и у всех нас был в памяти, как живой, Саша Мертвцов, который был незаменимым другом почти для всего полка. Его все знали и любили — от командира полка до последнего солдата. Это был Человек с большой буквы.

Вечная память о нем останется навсегда в наших сердцах. Война есть война, место в строю займут другие.

Бои за Восточную Пруссию продолжались. Чтобы быстрее достичь Восточной Пруссии, дивизионы двигались днем и ночью с небольшими перерывами. Для небольшого отдыха и проверки техники, приведения ее в должный вид, сделали суточный привал в заброшенном польском имении, но оно оказалось настолько ма-

леньким, что там остановились штабы полка и дивизионов, службы и склады. Дивизионы расположились в близлежащем хвойном лесу, на берегу ручья. Сутки прошли быстро и незаметно, но все, что нужно было сделать, было сделано, и все мы с чистой совестью и боевым настроем готовы были двинуться вперед.

НА ПУТИ В ВОСТОЧНУЮ ПРУССИЮ

На следующий день полк уже двигался в дивизионных колоннах по направлению Восточной Пруссии, делая короткие остановки для проведения разведки дорог и для обнаружения остатков немецких войск.

Немцы, очевидно, узнав, что они отрезаны двумя фронтами от основной части Германии, любыми путями пытались прорваться к Балтийскому морю, чтобы водным путем добираться к своим. Впереди нашего полка двигался разведывательный батальон 120-й гвардейской дивизии. Все разведчики на мотоциклах вели разведку местности и противника справа и слева движения колонн, но немцев нигде не было.

Чтобы скорее войти в Восточную Пруссию, командир полка приказал двигаться и в ночное время. Еще было темно, но полк остановился, нужно было осмотреться, провести разведку и накормить личный состав завтраком. Карпов, Лещёв и многие командиры батарей вышли из автомашин и стали ориентировать карты, чтобы определить место стоянки колонны. Справа виднелся населенный пункт, до которого было метров триста. Вокруг была тишина, наступал туманный рассвет. Карпов и Лещёв в сопровождении нескольких разведчиков пошли в направлении этого населенного пункта. Здесь не было ни души, только четко вырисовывались красивые дома и дворы. В кювете возле одного дома лежал срубленный столб с красивой дощечкой-указателем на немецком языке: «Эльбинг».

Лещёв сверился с картой. Это была уже Восточная Пруссия. Этот городок находился южнее Кенигсберга, в сорока–пятидесяти километрах. В батарейных колоннах уже успели приготовить завтрак и накормить личный состав. После завтрака солнышко поднялось выше, и слева по ходу колонны все увидели берег моря, вернее, его залив Фришес-Хафф. Это у курортного городка Прейшиш Эйлау, что юго-восточнее Пиллау.

Там скопились десятки автомашин, сотни немецких солдат, которые загружались в лодки, плоты, катера и уходили в море, бросая автомашины. Командир полка приказал быстро развернуть

орудия батарей в сторону моря и немедленно открыть огонь по противнику. Все разведчики, во главе со своими командирами, тоже бегом направились туда.

Лещёв еще ранним утром в одном доме на стене увидел винтовку в чехле. Когда он вскрыл чехол, то увидел там снайперскую винтовку с оптическим прицелом, причем с просветленной оптикой. Такой оптики у нас еще не было. Это была необычная винтовка, легкая, длиннее обычной на десять сантиметров. Приклад заканчивался не металлическим затыльником, а пластмассовой накладкой с насечкой. И вот сейчас, с этой винтовкой, он бежал со своими разведчиками к берегу залива. Некоторые офицеры скептически относились к Лещёву, с его увлечением разным оружием, но он не обращал на это внимание. Главное, чтобы это «увлечение» наносило ущерб врагу. А он доказал, что умеет хорошо стрелять, уничтожив десятки фашистов, стреляя даже из простого карабина.

Тем временем батареи прекратили огонь по удирающим немцам, так как артиллеристы боялись поразить своих. Разведчики и пехотинцы открыли огонь из стрелкового оружия, не нанося особого ущерба. Лещёв выбрал себе укромное местечко между брошенных автомашин, чтобы была возможность для маневра, и приготовился к стрельбе. Установив нужный прицел, он сделал первый выстрел по большой десантной лодке. Лодка начала оседать, в ней было более десятка фашистов. Еще два выстрела, и лодка почти вся осела в воду, и фашисты в тяжелой зимней одежде начали тонуть. Он выпустил три обоймы по фашистам, потопил еще четыре надувных лодки.

В это время сзади машин появился Карпов с разведчиками. Он спросил: «Это твоя работа, Славик?» Лещёв подтвердил и сказал, что это только начало. В это время со стороны курорта на водную гладь залива выскочил катер с пятью или шестью офицерами, и сразу развернулся вправо, в сторону Пилаву. Лещёв сделал три выстрела по моторному отсеку, и катер вначале зачихал, а затем над моторным отсеком появился огонь и катер остановился.

Перезарядив винтовку, Лещёв начал уничтожать фашистов. Два или три немца надели спасательные круги и прыгнули в воду, но пули Лещёва достали их и там. Таков был дебют снайперской винтовки Лещёва. В этом заливе выстрелами из снайперской винтовки он потопил десятка три фрицев.

Увидев, как Лещёв поражает немцев, Карпов попросил тоже стрельнуть, как он выразился. Лещев, перезарядив винтовку, проинструктировал, как смотреть в объектив прицела и наводить в

цель, и дал ее Карпову. Миша выбрал цель поближе, надувную лодку с солдатами, выстрелил, но лодка плыла дальше, тогда он еще раз выстрелил и попал в солдата в лодке.

Лещёв сказал, что в такую цель надо стрелять по-другому. Лещёв взял винтовку из рук Карпова и быстро произвел два выстрела по корпусу лодки, и почти все солдаты оказались в воде, хватаясь за пробитую лодку. «Ну ты, Славик, даешь», — сказал Карпов. «А сейчас пора в полк, нас могут искать», — распорядился он, и все разведчики и Лещёв потянулись к стоящим вдали автомашинам.

Колонна тронулась, но через полчаса снова остановилась у группы больших домов, как оказалось, это было большое фермерское хозяйство. Оно состояло из трех двухэтажных домов, трех огромных сараев и двух скотных дворов, с помещениями для скота. Штабные офицеры осмотрели все это огромное хозяйство и решили остановиться на ночлег здесь, причем дивизионы должны были расположиться раздельно на расстоянии пятисот метров друг от друга. В среднем сарае было помещение, вроде квартиры, оно состояло из двух комнат, кухни, душа и туалета.

Когда офицеры вошли в это помещение, то увидели там двух парней, лет тридцати. На вопрос, кто они и как сюда попали, парни ответили, что они угнаны из Советского Союза в 1942 году, работали у хозяина фермы на скотном дворе. Подошедший сюда Малютин сказал, чтобы ими занялся Смирнов из контрразведки «СМЕРШ», а нам надо было размещать личный состав.

На второй день, на все батареи разнесли газету «Правду». На первой странице газеты была напечатана подвальная статья: «Обращение к разведчикам» за подписью Ильи Эренбурга. В ней говорилось примерно следующее: «Разведчик, ты всегда впереди, разведчик, ты глаза и уши армии, разведчик, вспомни, где твой отец, мать, сестры. Их убил немец, так убей и ты немецкого отца, мать». В таком духе была вся статья. Она давала психологический настрой не только разведчикам, но и всей армии. На батареях были собрания по этому поводу, где одобрялось изложенное в статье, некоторые командиры призывали к немедленной мести, чуть ли не всему немецкому народу. Офицеры-разведчики стояли отдельной группой, без всякого восторга слушали выступления «сверхпатриотов». Наконец, Карпов не вытерпел и сказал: «Хватит болтовни. Славик, скажи что-нибудь от разведчиков». Лещёв начал с того, что подтвердил слова И. Эренбурга, сказав, да, разведчики всегда впереди, это глаза и уши армии, но разведчики не убийцы, они не убивают, а уничтожают врага человечества, фашизм. Раз-

ведчики, как и все советские солдаты, в первую очередь, воины, воины-освободители немецкого и других народов от фашизма. Слова Лещёва всем понравились, даже начальству.

Часа через два полковая колонна, согласно новому указанию командования бригады, повернула на запад, чтобы перерезать железную дорогу и автобан в Германию. Когда пересекли автобан, полк остановился. Офицеры и солдаты сразу заинтересовались автобаном. Эта дорога, как взлетная полоса аэродрома, была выложена железобетонными плитами толщиной до пятнадцати сантиметров, а размером пять на пять метров, причем в два ряда. Любовавшись автобаном, полк двинулся дальше выполнять свое задание.

Начиналась лесистая часть Восточной Пруссии. Вначале все удивлялись внезапным переменам. Первое время полк двигался по ровному асфальтированному шоссе. Оно проходило по открытой местности, с редким кустарником, только по обеим сторонам росли толстые деревья, как принято во всей Пруссии. Все вокруг просматривалось. И вдруг впереди возникает стена хвойного леса, в чашу которого ведет шоссе. Это вызвало какую-то неуверенность среди командиров. Соблюдая осторожность, полк рассредоточился. То же сделали и другие части, в том числе танковые. Офицеры разведки Рокотов, Карпов, Лещёв и другие в разговоре между собой вспомнили, что в числе захваченных во время «разведки боем» документов находились чистые топографические карты этого района. Карпов сразу заявил, что такая карта — у него в полевой сумке, и есть возможность посмотреть, имеются ли другие дороги к Вилленбергу. Лещёв вспомнил, что, когда рассматривали трофеи, он обратил внимание на одну карту, где на просеке, проходящей через лес, было написано по-немецки: «танконепроходимое место». Все разведчики сразу обратили внимание на эту просеку на карте. Она проходила в километре от окраины города, а ее начало находилось в трех километрах от шоссе, где стояли автомашины. В беседе с начальником разведки танкового полка тот дал согласие на выделение двух танков с танкистами-разведчиками.

Договорились, что вся смешанная разведгруппа, состоящая из разведчиков пехоты, танкистов, артиллеристов и саперов, через два часа соберется в начале просеки. Все организационные вопросы взял на себя гвардии капитан Кротов. Старшим разведгруппы был назначен командир взвода танкистов, старший лейтенант Чуб. В разведгруппу входили Лещёв с двумя разведчиками и радистом,

вернувшийся из госпиталя Сыч со своими разведчиками и пять саперов.

Ровно через два часа все были на месте и в полном составе. Начали с того, что офицеры и саперы, чтобы убедиться в выполнимости этого задания, прошли по просеке пешком метров двести, замерили ширину просеки, расстояние между деревьями по ее краям. Тяжелее всего пришлось саперам. Чтобы прошли танки зигзагом по просеке, им пришлось спиливать через одно дерево с каждой стороны. Двигаясь таким образом, они к утру почти достигли города, и часть разведчиков во главе с Сычом и Лещёвым направились к его окраинам для выяснения обстановки и возможности прохода танков.

Через триста метров от просеки в сторону города вела дорога, шириной около пяти метров и длиной почти километр. Оставив танки на месте, саперы и разведчики примерно за час проделали проход к этой дороге.

Все взобрались на броню, и Чуб на малом ходу добрался до дороги, а затем на полном ходу повел танки в город. Танки выехали на середину площади, все разведчики спрыгнули на землю и заняли круговую оборону вокруг танков, на случай появления немецких солдат с фаустпатронами.

На площади находились помещения бургомистра, пожарной команды, полицейский участок и несколько жилых домов, из гражданских лиц никого не было. Лещёв с разведчиками подошли к помещению пожарников, там увидели несколько человек в пожарной униформе. Разведчики подошли к ним и на немецком языке спросили, как называется город, где находятся немецкие войска, задали и другие вопросы. Пожилой пожарник сказал, что это Вилленберг, немецкие войска ушли еще вчера, в городе остались пожарники и полицейские для порядка. Далее они заявили, что ничего плохого не делали и будут признавать советские войска и поддерживать порядок.

Лещёв приказал в знак признания советских войск вывесить на всех зданиях белые флаги. Срок один час. Обо всем этом Лещёв и другие офицеры передали по радио своим частям — город наш, немецких войск нет.

Лещёв участвовал еще в двух рейдах подобного рода, но уже только на одном танке. Кроме разведки они имели задачу выявлять склады с продуктами, горючим и другими ценностями. Так было в городах Гудштадт и Орстельбург, где были обнаружены кожевенные заводы и запасы ювелирных изделий. Январь был уже на исхо-

де, хотя и снега стало больше, немцы не меняли свою тактику. Их оборона носила очаговый характер. Главные силы сохранялись для обороны Кенигсберга. Одним из объектов, где были сконцентрированы фашисты, была железнодорожная станция Хохендорф. Она находилась километрах в пятнадцати от города и являлась главной товарной станцией всей Восточной Пруссии. По данным разведки, там сконцентрировалось более двадцати эшелонов с ценными грузами, которые немцы хотели вывезти из Пруссии.

Пока суть да дело, Лещёв занимался разведкой в своем секторе наблюдения. На этот раз Лещёв выбрал наблюдательный пункт на чердаке трехэтажного дома, в каком-то фермерском подворье. Здесь же, но в другом доме располагался командный пункт какого-то стрелкового полка. Разведчики обратили внимание, что справа, в полосе наступления этого полка из-за сильного пулеметного огня на открытом месте, на снегу в серых шинелях залегла пехота.

Серые шинели контрастировали на белом снегу и являлись хорошей мишенью для пулеметов. Лещёв с помощью стереотрубы обнаружил двух пулеметчиков в белых маскировочных костюмах, которые находились на левом фланге наступающей пехоты, недалеко друг от друга, и доложил эту ситуацию Воробьеву. Тот ответил, что это не наш участок, там есть своя артиллерия. Тогда Лещёв сказал разведчикам, что нужно помочь пехоте, определяйте точное расстояние до пулеметов. Соколов ответил, что метров восемьсот будет, «ваша винтовочка может не достать».

Лещёв попросил разведчиков поискать что-нибудь для упора при стрельбе. Из всех предметов, которые были на чердаке, подходящими оказались стол и табурет. Чтобы звук выстрела не выходил наружу, Лещёв всегда стрелял из глубины помещения. И сейчас, сидя за столом, который служил упором, он установил нужные данные для стрельбы. Через окуляр оптического прицела Лещёв четко видел лицо пулеметчика, и, выбрав нужный момент, плавно нажал на спусковой крючок. На чердаке раздался грохот выстрела, и вражеский пулемет замолчал. Так же поступил он и со вторым пулеметчиком.

В это время на подворье фермы въехали два «виллиса», из которых вышли командующий третьей ударной армией генерал Горбатов и его охрана. Навстречу ему для доклада выбежал рослый полковник, и, только приложив руку к папахе, Горбатов, не выслушав его, обругал нецензурными словами и дважды ударил палкой по его плечам, при этом кричал, что он отстаёт от других полков. Да-

лее он скомандовал: «Марш в пехоту!» Полковник, его штаб, знамя и охрана побежали в сторону лежащих на снегу солдат.

Находясь на фронте, Лещёв никогда не видел, чтобы генерал бил палкой полковника, и был сильно огорчен этой ситуацией. Бывали случаи, когда в бою ленивый или трусливый солдат без особого повода укрывался в окопе или прятался за спины других, таких офицеры подгоняли палками или пинками под зад, но чтобы бить полковника!

Через несколько дней Лещёв со своими разведчиками пошел искать врага. Когда проходили по опушке небольшого леса, разведчики увидели, что справа от них, на открытом поле лежат на снегу солдаты, и их обстреливает немецкий пулемет. Недалеко был дом. Лещёв быстро поднялся на чердак, откуда хорошо был виден пулеметчик в белом маскировочном костюме. Определил данные для стрельбы — до него было четыреста метров — и из глубины чердака, с упора Лещёв произвел первый выстрел.

В оптический прицел, как в бинокль, было хорошо видно, что голова пулеметчика была откинута на заднюю стенку укрытия. В этот момент из этого же укрытия выскочил второй немец и потащил за собой пулемет. Для Лещёва это была хорошая мишень. Вторым выстрелом он поразил и этого немца.

В период наступления офицерам дивизиона редко приходилось встречаться. Все были закреплены за полками 120-й гвардейской дивизии и находились впереди, вместе с наступающими войсками. Последний раз Лещёв видел Карпова только под Вилленбергом, когда уходил в тыл к немцам с танкистами на их машинах. А сейчас Лещёв, в основном, сопровождал, как говорят, огнем и колесами, 15-й гвардейский полк, где служил лейтенант Сыч. Вот с ним иногда приходилось встречаться. Во время коротких встреч они, как правило, вспоминали проведение совместных мероприятий, много говорили о девушках. В стрелковых полках девушек всегда было много, а в гвардейских полках их не было совсем, поэтому офицеры нашего полка знакомились с девушками из медсанбата. Одним словом, с Сычом было о чем поговорить.

Он был командиром взвода разведки стрелкового полка, и чаще бывал в тылу противника, чем Лещёв, и опыта у него было больше, ведь на фронте и в одном полку он уже был около двух лет, а Лещёв в своем полку только с сентября 1944 года.

Этот полк в 120-й гвардейской дивизии являлся ведущим по всем показателям. Иногда он рассказывал, как ему удалось взять «языка», не просто офицера, а настоящего генерала, за это его на-

градили орденом Красного Знамени. Он был награжден и другими боевыми орденами.

С Сычом было легко во всем. Он хорошо знал полосу наступления всей 120-й дивизии, и, конечно, своего полка. На любой вопрос у него всегда был ответ. Единственным недостатком Сыча, по мнению Лещёва, было плохое знание немецкого языка. Он знал примитивный минимум слов опроса пленного.

КОМБИНИРОВАННЫЙ УДАР

Наши войска все ближе и ближе подходили к Кенигсбергу и другим важным объектам врага. Прилегающие к городу районы были почти полностью окружены, с севера войсками 1-го Прибалтийского, а с юга войсками 3-го Белорусского фронтов. Войска вели бои локального характера, пока на дальних подступах к городу.

Был уже конец января 1945 года, еще все было покрыто снегом, а реки и ручьи — толстым льдом. Для маскировки приходилось использовать немецкие медицинские халаты и другие материалы медицинского назначения. Это делалось для пользы дела, ведь наша форма сильно контрастировала на белом снегу.

Наша группа в поисках немцев двигалась рассредоточено по заснеженному льду маленького озера. Немцы, очевидно, нас заметили, так как из-за населенного пункта раздалось несколько минометных залпов. Одна или две мины разорвались на льду впереди идущего Лещёва, и он оказался по горло в воде, не получив ранений. Разведчики тоже не были задеты осколками мин. Быстро вытащив Лещёва из воды, все побежали, соблюдая осторожность, в немецкий дом сушить одежду.

Сменив мокрое белье на сухое и высушив всю одежду, разведчики стали готовиться к уходу. Там же действовала разведгруппа 15-го полка, которая уничтожила немецких минометчиков и присоединилась к нам попить чайку. Минут через двадцать обе разведгруппы покинули немецкий дом и разошлись по своим полкам.

Первым, кого встретил Лещёв, вернувшись в дивизион, был Миша Карпов. Друзья обнялись, пошутили, обменялись новостями. Карпов сразу сказал: «Славик, хочешь отличиться? Формируется большая разведгруппа в глубокий тыл к немцам. Я могу рекомендовать тебя с твоими разведчиками, им все равно нужна артиллерийская поддержка». Лещёв спросил, как на это посмотрит начальство, а так дал согласие. Карпов сказал, что все будет согласовано на высшем уровне.

На батарее Лещёв пообщался со старшиной, с комбатом, рассказал ему о предложении Карпова, Воробьев ответил, если начальство велит, то нужно.

Старшина передал письмо от Катюши. В дневнике Лещёва было записано, что когда он получал письмо, то разведчики просили почитать письмецо от Катюши. Лещёв читал письма, адресованные ему. Он понимал психологию солдата, теплые слова, адресованные в письме Лещёву, они воспринимали и в свой адрес.

На второй день утром Лещёва вызвали в штаб к Малютину. Когда Лещёв вошел к нему, то там уже сидел за столом и рассматривал карту Куликов, начальник разведки полка. Войдя в кабинет, Лещёв, как положено, доложил Малютину, и тот сказал: «Садись, Вячеслав будем обсуждать проникновения в тылы к немцам спецотряда 120-й гвардейской дивизии во главе с Рокотовым». Лещёв ответил, что знает его. «Вот и хорошо, по существу этой операции нам меньше придется говорить, он сам даст инструктаж, твоя задача подобрать трех хороших разведчиков и двух радистов, явиться к нему сегодня к пятнадцати часам, в расположение 15-го полка». Далее Малютин и Куликов пожелали удачи, и Лещёв ушел готовиться к этой операции.

Доложив Воробьеву о решении начальства, Лещёв вызвал Анцыферова и Ильина, попросил выделить разведчиков Соколова, Суходолу, Шарипкова и радистов Барсанова и Титова, подготовить их для рейда в тылы к немцам. Он также распорядился до 14.15 накормить и снабдить всем необходимым и запасом еды и воды, в первую очередь, проверить радиостанцию, не забыть запасные детали и две гибких антенны. Выход был назначен на 14.30.

В 15.00 Лещёв был в расположении 15-го полка, где уже было много солдат. Увидев среди них Рокотова в майорских погонах, Лещев доложил о прибытии своей группы, затем поздравил его с новым гвардейским званием. Рокотов сразу приступил к делу. С его слов, разведгруппа состоит из двух отрядов. Первый отряд, это разведчики дивизии — пятьдесят человек и артиллеристы, во главе с Рокотовым. Второй отряд — группа поддержки во главе со старшим лейтенантом Чугуновым, в составе тридцати человек, двигаются сзади на расстоянии видимости. Задача, соблюдая тишину, незамеченными подойти к станции Хохендорф, выявить характер охраны, места дислокации войск, опорных пунктов и караулов.

На станции находились двадцать два эшелона с ценнейшим грузом. Там были и ювелирные изделия, музейные ценности, картины, новые автоматы, австрийские «шмайссеры», новые образцы камуфлированной одежды. Все это нужно было захватить или со-

здать предпосылку к их захвату. По нашему сигналу к нам должен был прорваться танкосамоходный полк с десантом на броне, но это будет завтра утром. При всех обстоятельствах нам нужно продержаться до утра. В 16.00 группа вошла в густой хвойный лес, справа виднелась широкая просека, Лещев подумал, что по ней возможно продвижение танков. Начинало темнеть, движение групп замедлилось. Вторая группа двигалась очень медленно. Они несли с собой два миномета и один станковый пулемет, это замедляло движение.

Основная группа разведчиков уже подходила к ручью, а за ручьем было поле и начинались станционные постройки. Пройдена была большая часть пути, все были почти у цели, а кое-кто уже достиг ручья. К сожалению, так бывает на войне. По немецкой части леса, которую заканчивали проходить разведчики, ударили наши реактивные минометы, «катюши». Удар тяжелых «катюш» можно сравнить только с адом.

Стало светло, как днем, десятки реактивных снарядов разрывались и на вершинах деревьев, и на земле, и среди веток. Группу поддержки, которая шла сзади, удар «катюш» задел краем, и то среди них четыре солдата получили ранения. Эту всю группу оставили за ручьем, а основная часть разведчиков во главе с Рокотовым, рассредоточилась и пошла в направлении станции.

Разведчики шли тихо соблюдая осторожность. Прошли уже метров пятьсот, как вдруг раздался грозный окрик на немецком языке: «Стой! Пароль!» Все залегли и замерли. Немцы сразу же открыли пулеметный огонь из нескольких пулеметов. Разведчики поняли, что здесь не пройти, и Рокотов приказал отползать до ручья. В лощине у ручья развернули радиостанцию и доложили ситуацию. Сверху последовала команда — станцию и поселок обходить справа, не проявляя себя, об изменении обстановки докладывать немедленно.

Рокотов пустил вперед лучших разведчиков, которых в дивизии называли волкодавами, за ними шла остальная группа. Минут через тридцать разведчики увидели огонек сигареты и силуэт часового с винтовкой, который ходил вдоль стены дома. Два наших разведчика бесшумно сняли часового, без нанесения ему травм, и оттащили в сторонку. С помощью Суходоли Рокотов и Лещёв допросили его.

По словам немца, здесь был пост из четырех пожилых солдат, последнего призыва. Они охраняли дальние подступы к поселку, где расположен их полк из таких же пожилых немцев. Всего здесь

было два полка сокращенного состава, по два батальона в каждом и танковая рота из пяти танков.

Остальных немцев тоже взяли без шума и отдельно допросили. Их показания были такие же, как дал первый немец. Пленных закрыли в подвале. Доложив начальству обстановку, стали ждать утра. Лещёв со своими разведчиками расположился на чердаке, приподнял край черепицы, стал вести наблюдение. Приподнятая черепица, рядом с разбитыми, не могла вызвать подозрений и быть замеченной, так как имела одинаковый фон с остальной кровлей. Через это отверстие можно было вести наблюдение, а с глубины чердака стрелять из снайперской винтовки, не допуская шума выстрела наружу. До рассвета оставался один час.

Рокотов расставил своих людей в узловых местах, чтобы с началом штурма парализовать действия немцев, ведь по ту сторону станции, в укрытых местах располагались еще два полка гвардейской пехоты.

Начинало светать. Лещёв в бинокль видел уже движение немцев между станцией и поселком, где, по словам пленных, располагались их казармы и штаб. До этого места было метров четыреста. Лещёв попросил разведчиков поставить стол, для упора при стрельбе, и ящик для сидения. Он установил стол и ящик в четырех метрах от созданной щели в кровле, проверил прицел и винтовку и стал ждать подходящей мишени. Вот прошел строй солдат, примерно рота, в сторону станции, где расположена столовая, такой же строй возвращался обратно.

Со стороны поселка появился офицер в фуражке с наушниками. Через оптический прицел были видны майорские погоны. Это уже была цель, которую нужно поражать. Лещёв прицелился и выстрелил в майора, тот упал и к нему подбежал другой офицер, тоже с портфелем. На чердак поднялся Соколов, который подтвердил, что выстрел на улице неслышен.

Тогда Лещёв поразил и второго майора. Среди немцев произошло замешательство, они не понимали, откуда стреляют. В это время там появился еще майор или подполковник, Лещёв и его уничтожил. На чердак поднялся командир роты Чугунов с карабином в руках. Лещёв предупредил его, что так стрелять нельзя, но он, ничего не говоря, подошел к слуховому окну чердака, наполовину выставил туловище с карабином и приготовился стрелять. Он произвел только один выстрел в сторону немцев, но сам был поражен в шею. Прибежала медсестра, которая прибыла с группой Чу-

гунова. Она бросилась к нему с криком: «Коленька»! Но он уже был мертв.

Со стороны нашего тыла послышался шум моторов, разведчики Лещёва и другие солдаты выскочили во двор и увидели, что это наш танкосамоходный полк шел нам на подмогу и для окончательного разгрома этой группы немцев. Одновременно по ту сторону станционных путей в атаку пошла гвардейская пехота. С проходящих танков прыгивали подносчики пищи, среди которых были и наши. Это Андреев и Яблонский, они несли в термосах и вещмешках еду для нашей группы. Расположившись за домом у стены, Лещёв и разведчики выпили и хорошо покушали.

Вдруг стоящая у стены снайперская винтовка Лещёв упала на бетонированную дорожку — без верхней части ствола, с полностью разбитым оптическим прицелом, а рядом с головой Лещёва в стене зияло отверстие от немецкой танковой болванки. Так Лещёв снова остался без любимого оружия.

Через полчаса станция Хохендорф была полностью в наших руках, и операция «Комбинированный удар» была завершена. Были захвачены большие трофеи, много нового оружия, амуниции, даже золото и бриллианты. Здесь же были ценности, вывезенные из Советского Союза. Это картины из окрестностей Ленинграда, много музейных ценностей, ковровые изделия, фарфор и хрусталь. Это из разных музеев, разных городов Советского Союза. Это история нашей великой страны. Гвардейцы 120-й дивизии, ее разведка сумела своевременно перекрыть вывоз этих ценностей в основную часть Германии.

Большая часть спасенных реликвий была отправлена в Советский Союз, в те города и музеи, откуда они были вывезены немецкими фашистами. Много военных трофеев, в первую очередь, оружие новых образцов, новые образцы униформы, в том числе полевая камуфлированная форма, были переданы в тыловые подразделения фронтов, армий и в спецподразделения разведки. В такой форме Лещёв со своими разведчиками выполнял задание в Кенигсберге.

СПАСЕННЫЙ СПЕЦНАЗ ФРОНТА

Шел февраль 1945 года. По ночам еще был мороз, градусов пять–шесть, а днем начинал таять снежок. После рейда к станции Хохендорф разведчикам дали два дня отдыха. Свой отдых разведчики проводили на батарее, занимались кто чем хотел. Лещёв и Шарипков совершенствовали свое мастерство в метании немецких штыков и стрельбе из пистолетов с двух рук одновременно.

Через неделю Лещёва и нескольких его разведчиков послали в район города Мельзак вести поиск скрывающихся немцев. Когда проходили окопчики с нашими солдатами, то в это время пролетали наши штурмовики Ил-2, и пехота дала красную ракету в нашем направлении, обозначая свой передний край. Летчики, приняв нас за немцев, так как мы были в белых маскировочных халатах, какие носили немцы, выпустили два реактивных снаряда, но мы своевременно укрылись в каменной будке. Возле города Мельзак мы узнали печальную весть о гибели нашего командующего фронтом генерала Черняховского.

Прошло еще несколько дней безделья и напрасных поисков немецких групп. Пленные немцы показывали, что их войска стягиваются к Кенигсбергу для усиления обороны города, но в отдельных районах они ведут себя агрессивно, оказывая сопротивление нашим войскам. Поиск таких войск продолжался.

Через два дня Лещёва вызвали Малютин и Куликов. В кабинете Малютина, как всегда, на столе лежала оперативная карта района боевых действий. Назвав Лещёва по имени, он попросил его на карте определить какие-либо особенности или черты, как узнать специальные объекты немцев. Зная немецкую пунктуальность наносить на топографические карты подробно все строения, даже отдельные дома, Лещёв стал подробно изучать карту. Немецкие дороги, ровные и с кюветами, как правило, проложены между городами.

Лещёв обратил внимание на дорогу, которая начиналась в районе нашей дислокации и вела в холмистую и лесистую часть Пруссии. Эта дорога заканчивалась тупиком, в конце которой было пустое место, очерченное квадратом. Лещёв вспомнил, что когда он

был на курсах партизанских разведчиков, то там, на занятиях по топографии, такими квадратами, к которым вели тупиковые дороги, обозначались специальные объекты немцев. Это были лагеря заключенных или спецшколы абвера. Лещёв уверенно показал на карте подобное место и сказал, что здесь размещается спецшкола. Малютин сразу же сказал: «Ты просто ясновидец, вот тебе придется сопровождать завтра туда новый батальон спецназа. Бери разведчиков, радистов, определи места возможного нападения немцев на колонну и подготовь исходные данные. Дело под контролем большого начальства». Самым опасным местом было плоскогорье, которое показал на карте Лещёв. В остальных местах был лес. Лещёв сказал, что туда будет подготовлен сосредоточенный огонь.

Выйдя от Малютина, Лещёв направился к штабу 120-й дивизии, чтобы встретить и познакомиться с командованием спецназа. В ста метрах от штаба находились три ротных землянки. Здесь Лещёв и познакомился с командиром и начальником штаба батальона.

Договорились завтра в пять утра встретиться на этом месте. Такое время выбрано для уменьшения огласки. Прощаясь, командир батальона сказал, что наш личный состав — это орлы, все рослые, физически сильные, со средним образованием, вооружены автоматами.

На следующий день утром батальон был уже построен. Неожиданно к строю подъехал «виллис», из которого вышел майор, он представился — инструктор политотдела спецчастей третьей ударной армии майор Карцев Иван Егорович. Свою автомашину он оставил у штаба дивизии, а сам возглавил колонну батальона. Колонна пошла вначале как бы в обратном направлении, затем, обогнув угол лесного массива, вышла на узкую асфальтированную дорогу, которая, как указывала карта, вела на базу. Справа от дороги, на всем ее пути, был косогор, высотой метров восемьдесят–девятью, поросший высоким хвойным лесом, слева от дороги тянулся разнообразный смешанный лес, а за ним — сплошные кустарники, что свидетельствовало о наличии там воды, ручья или другого водоема.

Батальон прошел уже километров восемь, сделав только одну остановку, на перекур. Как и положено в такой ситуации, батальон имел впереди и сзади боевое охранение, правда, боковых дозоров не было. Лещёв обратил внимание на то, что впереди дорога казалась светлее и подумал, что это оттого, что слева лес становился

реже, а затем совсем пропал. Своими наблюдениями Лещёв поделился с Карцевым, тот в свою очередь о чем-то переговорил с командиром батальона.

Не прошло и пяти минут, как только батальон вышел на совсем открытое место, слева по ходу колонны из-за кустов и деревьев раздалась автоматные и пулеметные очереди. Все бойцы, не ожидая команды командиров, бросились врассыпную, некоторые побежали в кустарник, но большинство побежали назад. Ротные и взводные командиры, чтобы остановить бежавших, кинулись им вслед, приказывая остановиться и залечь. Тем временем Лещёв и его разведчики спрыгнули с обрыва вниз, к ручью, преодолев его, оказались в разрушенной водяной мельнице. Укрывшись за гранитным фундаментом, они сразу открыли огонь по фашистам.

Такой же маневр совершили политракторист Карцев, начальник штаба батальона, и солдат, помогавший им тащить станковый пулемет. Они также расположились в развалинах мельницы и открыли огонь из пулемета. Уже светало, и на белом снегу четко выделялись серые шинели немцев.

Лещёв сначала стрелял из двух пистолетов, поразив несколько немцев, но когда рядом с ним погиб солдат, Лещёв продолжил стрельбу по немцам из его карабина. По его подсчетам, из карабина он выпустил две обоймы патронов, девять из них попали в цель. Тем временем офицеры спецназа остановили бежавших солдат и включили их в бой.

Неожиданно на плоскогорье, которое возвышалось над местностью, метрах в трехстах от мельницы, появились два бронетранспортера с немецкой пехотой. Огонь крупнокалиберных пулеметов ударил по бойцам спецназа, и те снова не выдержали этого удара, побежали.

Наступило время Лещёва ударить артиллерией по этому плоскогорью, он дал по радио команду открыть сосредоточенный огонь. Десять залпов — это не шутка, немцы не ожидали такого отпора. Первыми снарядами были подбиты оба бронетранспортера, поражено много немецкой пехоты, но снаряды продолжали уничтожать немцев. Лещёв не удержался и похвалил сам себя. «Ай да молодец, Славик! Удачно подготовил данные для стрельбы, а главное, угадал, где появятся немцы». Наступила тишина. Как будто и боя не было. Спецназ собирался, солдаты стыдливо посматривали друг на друга, командиры проверяли возможные потери.

Майор Карцев попросил Лещёва послать разведчиков и сосчитать трупы немцев. По возвращении разведчики доложили, что

они насчитали сто восемь убитых и трех тяжелораненых, которых они пристрелили, итого сто одиннадцать фашистов и два транспорта уничтожены.

Карцев приказал выходить на дорогу и строиться поротно. В батальоне было всего четыре раненых бойца. Карцев сказал, что бой выиграли разведчики, и им за это большое спасибо. Через полтора часа отряд спецназа был на месте назначения. Это действительно была бывшая школа по подготовке немецких разведчиков. Здесь все было устроено для жизни и хорошей подготовки спецназа. Охрану всего объекта обеспечивали пограничники. После небольшого отдыха и обеда они дали Карцеву и разведчикам автомашину, которая доставила их обратно к штабу дивизии. По пути они также захватили тело убитого разведчика.

Лещёв доложил Малютину о выполнении задания, тот в свою очередь сказал, что звонил Карцев, пригласил Лещёва в политотдел на 23 февраля, там, очевидно, примут тебя в партию.

23 февраля 1945 года Лещёв бы уже в политотделе. Когда он доложил о себе, его вначале направили в баню, там же постригли и побрили, затем сфотографировали, только после этого направили в политотдел. Политотдел, это большая крытая автомашина, где расположено само это заведение. Здесь Лещёву попался сам Карцев, обнял за плечо и повел в калабину, так на фронте называли автомашины, которые в полевых, походных условиях заменяли и кабинет, и место отдыха. Внутри автомашины все как в комнате — диван, столы, кресла и другой необходимый инвентарь. Войдя в калабину, Лещёв увидел в центре за столом генерала, несколько полковников и офицеров других званий. Как положено, он доложил о своем прибытии и остался стоять у двери. Генерал вышел из-за стола, с улыбкой на лице подошел к Лещёву, пожал руку и сказал остальным офицерам: «Вот такие, с виду простые лейтенанты, творят чудеса героизма, беспощадно уничтожают наших врагов. Они заслуживают почета и уважения, такие люди нужны партии и Армии. Сегодня лейтенант Лещёв станет коммунистом нашей партии. Он лично уничтожил более десятка фашистов, а огнем батареи целый батальон немецкой пехоты». После этого Лещёв ответил на ряд вопросов относительно боя. Эти вопросы, касались, в основном, элементов его мастерства стрельбы из пистолета, одновременно с двух рук, им было это интересно. Затем они предложили пока погулять на улице, а потом его вызовут.

Пошло минут сорок, вышел Карцев и пригласил Лещёва. Когда Лещёв поднялся в калабину, все сотрудники политотдела встали,

а генерал подошел к Лещёву, вручил кандидатскую карточку, поздравил с высоким званием коммуниста и сказал: «Будь всегда достоин этого звания». Лещёв, не зная, что нужно говорить в этом случае, сказал: «Служу Советскому Союзу!» Так Лещёв стал коммунистом.

Погуляв немного по тылам, он успел познакомиться со штабными девушками, а когда подвернулась попутная автомашина, уехал в полк. По приезде в полк Лещёв сразу зашел в штаб, чтобы встать на партийный учет.

В первую очередь он зашел к Малютину и доложил, что его по боевой характеристике приняли кандидатом в члены ВКП(б). Малютин поздравил Лещёва и сказал, что на него прибыло из политотдела представление на орден. Когда об этом узнал командир полка, он взбесился: «Какой орден, у меня лимит полтора снаряда на орудие, а он недельный запас израсходовал!» Зная нрав командира полка, Лещёв не обиделся и продолжал честно выполнять свой долг. Ребята советовали поехать в политотдел и рассказать там об этом случае, но Лещёв был не из ябед, и ему здесь служить. Он еще не знал, кто секретарь партийного бюро, Малютин подсказал, что это заместитель командира полка по тылу, гвардии подполковник Волков. Лещёв зашел к нему, представился и передал карточку. Тот угрюмо посмотрел на Лещёва, заполнил учетную карточку коммуниста, записал в какой-то журнал и после этого поздравил со званием члена партии. После этого Лещёв ушел к своим на батарею.

По пути на батарею он достал из нагрудного кармана кандидатскую карточку и прочитал: «Принят политотделом спецчастей 3-й ударной армии, 23 февраля 1945 год». Каждый праздник Красной Армии он вспоминал по этой записи, и каждый праздник о нем писали и в газете, и в боевых листках на батарее. На батарее его поздравили с этим событием Воробьев и другие офицеры, а также разведчики и солдаты батареи. На второй день Лещёв встал на учет у партгруппы батареи. Это был старший на батарее, гвардии лейтенант Миронов Николай. По традиции, старший на батарее — это командир первого огневого взвода. Батареи, узнав, что Лещёва приняли в партию по боевой характеристике, поздравили его еще раз.

Старшина организовал хороший обед, выставил на стол положенные «сто граммов», нашел даже селедочку и огурчики, другую закуску. Этот день запомнился Лещёву, как праздник. Присутствовали все офицеры батареи и старшина.

Николай Миронов как партгрупорг первым взял слово. Он сказал: «Сегодня мы поздравляем Лещёва с принятием в партию, причем его принимали не на общем собрании коммунистов, а за совершенный подвиг, по боевой характеристике. В трудном бою он правильно сориентировался и спас батальон спецназа. В четвертой батарее все офицеры — коммунисты». Далее по очереди все поздравляли Лещёва. Через некоторое время пришел Михаил Карпов и другие офицеры дивизиона, которые также поздравили Лещёва с принятием его в ряды коммунистов. По неписаной традиции, выпили по сто граммов. Лещёв был рад такому вниманию со стороны товарищей.

БИТВА ЗА КЕНИГСБЕРГ

В этом заголовке сконцентрировано много разных факторов, это и история города, его становление как крепости, разведка и штурм.

Кенигсберг был основан рыцарями Тевтонского ордена в тринадцатом веке как оплот и столица ордена, с десятками замков и других оборонительных сооружений, соединенных тайными туннелями и ходами сообщений. Вместе с ростом города росли и совершенствовались его оборонительные сооружения. Уже в девятнадцатом веке город был окружен двойным кольцом неприступных фортов. В первую мировую войну он не был покорен русскими войсками и в военной науке он считался непобедимым. А пока Лещёв и его товарищи рассматривали эти форты только в бинокли и стереотрубы, ожидая команды на наступление.

Командующий 3-м Белорусским фронтом генерал Черняховский погиб в феврале 1945 года. Новый командующий, маршал Василевский, требовал форсированных мероприятий.

Март был уже на исходе, снег оставался только в лесах и дубравах. Войска передвигались только по дорогам, а вне дорог, как и везде, была грязь, которая затрудняла строительство окопов и других инженерных сооружений, необходимых для блокирования фортов.

Впереди нашего полка, километрах в пятнадцати, огромной горой возвышался форт Фридриха Великого. Сам же штаб полка находился на старом месте, где остановился в первый раз, в фермерском поместье. Здесь было удобно всем службам полка: много помещений, наличие артезианского колодца, электрогенераторов разной мощности, в том числе для подачи воды из глубины колодца и других хозяйственных потребностей.

Лещёв за это время снова нашел снайперскую винтовку. По данным разведки, группы немецких солдат и офицеров, а также лиц, переодетых в штатскую одежду, укрывшиеся в лесных посадках вдоль морского канала, продолжали и днем, и ночью переправляться через канал на немецкую сторону. Карпов организовал отряд из разведчиков для уничтожения этих групп. Лещёв со своими

разведчиками тоже входили в ее состав. Лесные посадки вдоль канала, который соединялся с рекой Прегель и вел в морской порт Кенигсберга, являлись хорошим укрытием. В отдельных местах их ширина достигала двухсот метров. Густой кустарник и глубокие ямы создавали условия для укрытия больших групп не успевших эвакуироваться солдат и офицеров. Как правило, в вечернее время за ними прибывали резиновые лодки. После их загрузки наша разведгруппа уничтожала весь «десант». Переправлялись и на самодельных плотках, судьба их была такая же. За неделю были уничтожены более двухсот фашистов.

После одной из таких операций разведчики Лещёва, которые возвращались последними, решили перекурить в районе старых немецких окопов. В разговоре они не заметили отсутствия разведчика Яблонского. Лещёв, как командир, обратил внимание на это и спросил о нем командира отделения Анцыферова. Тот ответил, что, наверное, он ушел с группой Карпова.

Во время этого разговора со стороны посадок показалась легковая автомашина «татра». Лещёв скомандовал «к бою!», и все разведчики спрыгнули в окоп и стали жать. Из-за лобового стекла машины появилась фигура Яблонского, который стал махать руками и кричать: «Это я, Миша, не стреляйте!» Когда он подъехал к окопам, все увидели, что все заднее сидение автомашины загружено трофеями, причем дорогими. Здесь были дорогие ружья фирмы «Зауэр», хрустальная посуда, кожаные чемоданы, а главное, настоящий большой «Маузер», какой Лещёв давно обещал подарить Малютину. Пистолет был в кобуре, сделанной из прессованного брезента, с приспособлением для закрепления пистолета на кобуре для стрельбы, как из винтовки. Этот пистолет взял Лещёв для подарка Малютину, ребята взяли всякие мелочи, которые нужны солдату, часы, авторучки, кошельки и бумажники.

Втиснувшись в автомашину, разведчики двинулись в путь и вскоре подъехали к штабу полка, который был еще на старом месте. Лещёв с «маузером» зашел в кабинет Малютина и положил на стол подарок. Малютин сделал круглые глаза, обрадовано взял пистолет в руки и стал рассматривать его. Лещёв предупредил, что пистолет заряжен, необходимо соблюдать осторожность. Он сказал: «Это еще не все. Во дворе стоит моя автомашина, в ней все трофеи для штаба, там семь хороших охотничьих ружей, прикажите разгрузить ее. Все для начальства».

Лещёву недолго пришлось кататься на этой машине. За войсками по пятам следовала военная автоинспекция, которая отбирала

все автомашины без армейских фронтовых номеров. Такая участь постигла и машину Лещёва.

Наконец штаб полка оставил удобное поместье и переехал на бывшее место дислокации дивизионов, а дивизионы продвинулись вперед на пять километров. Гвардейская пехота тоже пошла вперед. В пяти километрах от форта за две ночи были оборудованы окопы, куда перебазировались два полка пехоты. Прошло еще две ночи. Новые окопы, более совершенные, с блиндажами, деревянными настилами, были оборудованы в двух километрах от форта. В них расположился еще один полк, разведчики 15-го полка и артиллеристы-разведчики.

Прошло еще две ночи, и по заданию начальника артиллерии от первой траншеи в сторону форта был прорыт узкий проход, метров двести длиной и глубиной по грудь, который заканчивался более глубокой ячейкой, для установки стереотрубы. Этот переход в месте отделения от основного окопа накрывался маскировочной сеткой. Все пространство перед первой траншеей саперы заминировали, в том числе вокруг и впереди перехода.

Были последние дни марта. Всех офицеров вызвали в штаб полка на совещание. Командир полка на словах рассказал, как будет осуществляться наступление на город. По его словам, второго, третьего и четвертого апреля будет вестись артиллерийское наступление по выявленным целям, в первую очередь по фортам. По агентурным данным, железобетонная часть фортов покрыта трехметровым слоем грунта и гравия. В течение трех дней в светлое время суток тяжелая артиллерия будет бить по фортам, чтобы снять земляную «подушку».

Каждый день в светлое время офицеры разведки должны были корректировать огонь тяжелых орудий и записывать все данные стрельбы, в первую очередь характеристики взрывов снарядов. Штабом были разработаны специальные таблицы, куда офицер-наблюдатель будет заносить все характеристики.

Мощная, небывалая до сих пор, артподготовка должна была начаться в восемь часов утра пятого апреля, после чего все войска пойдут на штурм города и форта. Чтобы иметь постоянный контакт с офицером-наблюдателем, Лещёв приказал подвести телефонную связь в ячейку со стереотрубой, после чего сам пробрался по узкому переходу, где проверил правильность установки стереотрубы и работу связи. В течение дня несколько раз звонили по телефону Карпов, Воробьев и даже Чижиков, интересуясь, как оборудован пункт наблюдения, есть ли опас-

ность для наблюдателей. Лещёв заверил всех, что опасность есть везде, но то, что можно, все предусмотрено. «Завтра я первый пойду на дежурство, — отвечал всем Лещёв, — тогда и прояснятся детали правильности нашей затеи».

На второй день, второго апреля, ровно в 7.30 Лещёв сидел в «гнезде», такой позывной дали этому месту, и доложил всем начальникам, что у него все в порядке и он готов к работе.

Лещёв проверил работу стереотрубы, чтобы после каждого взрыва быстро опускать трубы, от возможных поражений осколками, работу телефона и свою безопасность. Минут через десять Карпов сообщил, что через пять минут будет первый выстрел, а затем с интервалом три–четыре минуты будут следовать выстрелы без предупреждения, один за другим, задача — правильно фиксировать параметры взрывов. Перекрестие стереотрубы постоянно держать на левом верхнем углу форта.

Ровно в восемь прошуршал первый снаряд. Лещёв заполнил первую строку таблицы «перелет, отклонение влево двадцать, взрыв обыкновенный». Он сообщил эти данные на «базу», такой был позывной командного пункта стреляющего, и стал ждать очередных взрывов. Последовало еще три взрыва, но только один снаряд попал в левый купол холма форта, характер взрыва прежний. До обеда Лещёв зафиксировал еще сто взрывов, но нужных для нас результатов не было. Девяносто один снаряд попал в параметры форта, но взрывы были обыкновенные.

До конца дня был выпущен еще сто тридцать один снаряд, в форт попали сто двадцать пять. Летели щепки деревьев, земля и гравий, но нужной характеристики взрывов не было, взрывы не доставали железобетонных перекрытий. Был один значительный недолет снаряда до форта, при его взрыве несколько осколков попали на наше минное поле, одна мина подорвалась. Это нужно было иметь в виду наблюдателям. Всего Лещёв зафиксировал двести тридцать два взрыва, но все без нужных характеристик. Так повторилось и на второй, и на третий день, с таким же результатом.

Наступило 5 апреля 1945 года. Утро, слабые лучи солнца пробивались через легкие облака. Кто был в нашем глубоком тылу, тот мог видеть огромное количество артиллерии, которая полками и дивизионами батареями в несколько линий и в глубину, и в ширину располагалась, готовая к артиллерийской подготовке. Такая же картина была и ближе к передовой. В укрытиях прогревали моторы сотни танков и самоходных орудий.

Ближе к передовой строем и на автомашинах подтягивалась свежая пехота. Личный состав накормили рано, в 7.30 все были готовы к штурму. Артиллерийская подготовка началась ровно в 8.00. На огромном участке южнее города загрохотали сотни орудий и реактивных минометов «катюш». Над головой стоял сплошной шест снарядов. Земля дрожала от выстрелов и взрывов, от этого даже дрожал человеческий голос. 15-й гвардейский полк получил приказ не атаковать форт Фридриха Великого, так как он не был подавлен, и подступов к нему не было. С трех сторон он был окружен рвами глубиной до пяти метров. Кроме того, такие же рвы радиально отходили от основного рва на два–три километра в сторону наступающих.

На дне каждого было установлено проволочное заграждение, спираль Бруно, с минами-растяжками. Не было рва только перед воротами в форт, они были созданы из толстой, многослойной оружейной стали и не поражались даже 152-миллиметровыми снарядами. Такая попытка была, но безуспешно. Вдали от форта ко рвам подъехали специальные установки, танки с бульдозерами впереди, для засыпания землей рвов. Прибыли также саперы с машинами взрывчатки для демонстрации подрыва элементов форта. Из-за этих обстоятельств 15-й полк и пошел в наступление на жилые кварталы города, где укрепились фашистские войска. Командование полка тоже двигалось с пехотой, так как в этой ситуации выбрать командный пункт не представлялось возможным. Лещёв со своей группой разведчиков и радистов шел в группе руководства полка.

Штаб полка и остальное командование как раз проходили недалеко от форта, Там за каменными глыбами, перед воротами сосредоточилась группа солдат и офицеров. Среди них в бинокль Лещёв узнал начальника разведки дивизиона Михаила Карпова с его разведчиками. Перед боем объявили, что, кто первый ворвется в ворота форта, получит звание Героя Советского Союза.

Как назло, в это время створ ворот приоткрылся метров на пять–шесть, и стали видны две шеренги солдат. Первая на коленях, вторая, позади, стоя. На их плечах лежали трубы фаустпатронов.

Миша Карпов первый побежал на створ ворот, крича: «Вперед, ребята, за Победу!» В это же время прямо под их ногами взорвались фаустпатроны. Лещёв успел из своей снайперской винтовки сделать два выстрела в створ ворот и поразить двух немецких солдат, и ворота форта сразу закрылись. Лещёв по рации сообщил о гибели Карпова в дивизион, а сам побежал к этому месту. Карпов и

несколько бойцов были убиты, среди его разведчиков оказались двое раненых, двое живых.

Лещёв приказал перенести тело Карпова в более безопасное место, туда же перевести раненых и вызвать автомашину. Сам он побежал догонять свою пехоту.

Пехота, встретив сопротивление противника, залегла в удобном месте. Оттуда Лещёв лично доложил о гибели Карпова Чижикову. Тот ответил, что Лещёв теперь в двух лицах и добавил: «На вокзале встретимся, поговорим, а пока действуй вместо Карпова. С тебя буду спрашивать строго, ты знаешь больше убитого Михаила, вечная память ему, а машину пришло за ним и за ранеными. На всякий случай помни, что у меня нет связи с Богданом. Встретишь, всыпь ему от моего имени и покажи свой характер».

Штурм города продолжался. В этих условиях самыми эффективным оружием были 76-миллиметровые полковые орудия. Это артиллерия полков, входящих в состав дивизий. Выявленные цели они поражали с ходу, прокладывая путь пехоте. Пехота продвинулась километра на три, но немцы пока оказывали сильное сопротивление. Применить более крупнокалиберную артиллерию было невозможно, так как отдельные наши части были в близком соприкосновении с противником.

К вечеру нами были заняты высокие здания, с которых лучше видны опорные пункты противника, их огневые точки, были видны портовые краны и другие портовые сооружения на реке Прегель. В этом районе Лещёв обнаружил четырехэтажный, с толстыми стенами дом. Посланные туда разведчики доложили, что дом поврежден только с немецкой стороны и оттуда хорошо просматривается большая часть города, стены крепкие, нет ни одного места, поврежденного снарядами, подходы к дому тоже удобные, скрытые, так как перед домом высокая бетонная стена.

Лещёв решил в этом доме оборудовать командно-наблюдательный пункт дивизиона (КНП). Когда он прибыл туда, то в первую очередь выбрал комнату, из которой удобно и безопасно можно было вести наблюдение. Это была комната в середине здания с одним окном, перед которым, как специально, лежали железобетонные блоки, где можно было устанавливать стереотрубу. Разведчики оборудовали комнату соответствующей мебелью — стол, стулья и другие вещи — и КНП был готов. Лещёв приказал найти подходящую печку для подогрева пищи, затем сообщил Чижикову о дислокации нового КНП и как его найти.

Через некоторое время к дому подкатил «виллис», на котором прибыли Чижииков, начштаба и охрана. Когда Лещёв начал докладывать о новом КНП, Чижииков, в первую очередь, спросил, нашелся ли Богдан. Получив отрицательный ответ, он приказал найти его любыми средствами. Лещёв, взяв разведчиков, пошел искать пропавшего командира батареи.

Предполагая, что Богдан уже переправился через реку Прегель, Лещёв тоже направился в порт. Там он договорился с саперами, которые доставили его с разведчиками на тот берег реки. Это была территория какого-то завода. Здесь были и административные здания, разные сооружения, а главное, большие, похожие на сопки горы кокса, это топливо для металлургических целей. По карте это место именовалось «Газ-завод».

Подойдя ближе, разведчики обнаружили дверь, вмонтированную в одну из сопок кокса. Открыв ее, разведчики увидели, что она сквозная, что это длинный коридор, ведущий к другому выходу. Выстрелив из автомата, Суходоля на немецком языке приказал всем выходить и складывать оружие у правой стены. Немцы сразу начали выходить из этого бункера, бросая оружие к стене. Каждый выходящий немец, бросая оружие, говорил: «Гитлер капут». От них исходил такой смрад, что в трех шагах трудно было дышать.

Лещёв написал записку на русском языке: «Эти двести немцев взяты в газ-заводе в плен, направьте куда следует», и подписался. Закончив операцию с немцами, Лещёв обратил внимание, что в одном из спусков в подвал мелькнула шапка советского солдата. Он с разведчиками направился туда.

В маленькой комнатке полуподвального помещения на деревянном диване лежал пьяный Богдан. Увидев Лещёва, он на украинском языке произнес: «А, це ты Славко»? На столе перед ним стояли десятки бутылочек разных размеров и цветов, и он повторял слова: «если горит, то это спирт», и все подряд пил. В гвардии это было исключением — он запасник, учитель сельской школы, военного училища не кончал, и ему все сходило с рук. Лещёв в жесткой форме выругал его, передал слова командира дивизиона, что если он не приступит к работе, то тот отдаст его под трибунал. От себя Лещёв добавил, что в случае чего он может применить оружие. Миша Карпов погиб в бою и Лещёв вместо него, и пользуется его правами.

Лещёв спросил в первую очередь радистов, исправна ли радиостанция, те ответили, что все в порядке. «Теперь слушайте меня, сказал Лещев. — Я докладываю, что нашел Богдана, и что у него не-

исправная рация, сейчас мои радисты заменят детали, и он доложит Вам обстановку. Пойдет так?» Одним словом, Богдан доложил, как сказал Лещёв.

Бои за Кенигсберг продолжались. Войска приближались к вокзалу, порту, другим важным объектам города. Наступило 6 апреля 1945 года. День выдался солнечным и каким-то веселым. Стреляли меньше, чем накануне, так как войска наступающих (1-й Прибалтийский и 3-й Белорусские фронты) очень сблизилась, и была большая вероятность причинить ущерб друг другу. Наблюдательный пункт четвертой батареи тоже расположился в этом здании. Это было удобно, особенно подносчикам пищи, так как они одним рейсом доставляли еду на два НП. С точки зрения охраны, это тоже было удобно. Вблизи не было высоких зданий, подходы просматривались хорошо.

ОПАСНАЯ МИССИЯ

Со стороны наших войск, к командному пункту дивизиона подъехали три автомашины, это были командирские «виллисы». Предполагая, что на командный пункт прибыло начальство, Лещёв, показав приехавших Чижикову, послал навстречу гостям разведчика Соколова, и не ошибся. Это был командир полка с какими-то важными гостями. Среди прибывших был генерал-лейтенант, по петлицам артиллерист. К нему-то и направился Чижиков, чтобы доложить обстановку. Как после узнал Лещёв, это был командующий артиллерией 10-й гвардейской армии генерал-лейтенант артиллерии Елисеев Степан Петрович. Он интересовался всем, даже такими вопросами, где проходит наш передний край и передний край войск 1-го Прибалтийского фронта. Чижиков отвечал на все вопросы и заметил, что порой наши снаряды и бомбы достают соседей, а те, в свою очередь, достают нас. Елисеев долго в стереотрубу рассматривал город, что-то сравнивал со своей картой, затем заметил, что самое близкое соприкосновение с войсками Баграмяна, по его мнению, находится в районе Амалиенау. Это самый зеленый и чистый район Кенигсберга, и это необходимо использовать в наших интересах.

Далее он как бы про себя сказал: «Мне бы найти толкового парня, и проблема была бы решена». Командир полка ответил, что вопросов нет, Лещёв хороший разведчик и выполнит любое ваше задание, сейчас он исполняет обязанности начальника разведки дивизиона, знает немецкий язык. Генерал посмотрел на Лещёва, задал несколько вопросов в отношении немецкого языка и спросил, согласен ли он пойти в тыл в Кенигсберг с двумя разведчиками, вступить в контакт с войсками Баграмяна. Лещёв на все вопросы ответил утвердительно. «Тогда берите эту записку, двух разведчиков и автомашину и езжайте быстрее в тылы армии, там обратитесь к капитану Волкову, это заведующий спецскладом, — сказал генерал. — Там вам выдадут немецкую специальную камуфлированную форму зондеркоманды «Бранденбург-800». Завтра в семь утра вы должны быть в городе». Лещёв вместе с Суходолой и Плевако отбыл на склад в тылы армии. Склад представлял колонну

автомашин, загруженных трофеями, которые были отбиты в рейде на станцию Хохендорф. Капитан Волков и его помощник старшина очень быстро выдали, что было написано в записке генерала, и даже ножи СС в ножнах под красное дерево, и разведчики уехали на батарею. Лещёв лишний раз изучил немецкую карту Кенигсберга и решил, что пройти в тыл нужно за товарной станцией, там крутые откосы насыпи, и сразу неширокое двухрядное проволочное заграждение, а за ним густой хвойный кустарник.

На второй день в шесть утра они были на месте. Утро было тихое, туманное. Вокруг — ни души. Брюки они переодели еще на батарее. Переодевшись в остальное, они передали лишнюю одежду, шапки и мешки от одежды разведчику Шарипкову, которого брали для этой цели. Первым скатился с насыпи Суходоля, за ним Лещёв и Плевако, они осмотрелись и быстро оказались в хвойных кустах. В ста метрах белела парковая дорожка, которая вела к белому двухэтажному зданию с красными крестами на стенах и на кровле. По всем признакам, это был госпиталь.

Немного передохнув и набравшись уверенности, Лещёв и разведчики направились в госпиталь. У входа возились три санитарки в белых халатах и косынках, тоже с красным крестом. Они первые поздоровались и спросили, нужна ли какая помощь (диалог шел на немецком языке). Разведчики ответили, что все нормально, они ищут дезертиров, на что санитарки ответили, что здесь никого нет, кроме господина полковника, но он без двух ног, лежит на втором этаже.

Не успев подняться на второй этаж, разведчики услышали выстрел. В палату, куда они вбежали, в постели лежал немец, рядом на подставке с плечиками для одежды висел его мундир, на полу лежал пистолет. Когда Суходоля сказал санитаркам об этом, они замахали руками и закричали: «Нет, нет!» Разведчики взяли несколько перевязочных пакетов и ушли из госпиталя. Здесь рядом, очевидно, располагался поселок немецких железнодорожников, так как по пути попадались люди в униформе железнодорожников. На разведчиков никто не обращал внимания, и им это придавало уверенности. Когда проходили мимо одного дома с низкой оградой, с ними поздоровался немец на костылях, инвалид без ноги. В ответ на наше приветствие он пригласил разведчиков к себе во двор. На вопросы Суходоля немец похвастался, что воевал под Москвой, где и потерял ногу. Разведчик из первого дивизиона Плевако, московский блатной, выругался матом, выхватил нож и ударил немца под левое ребро. Это могло провалить всю нашу операцию, так как

проходивший мимо дома немецкий солдат, хоть и без оружия, улышав русский мат, закричал «здесь русские солдаты» и остался стоять у калитки, повернувшись спиной.

Он, очевидно, не понял, откуда исходил русский мат. Лещёву этого мгновения было достаточно, чтобы метнуть штык под левую лопатку солдата. Его втащили во двор и спустили в подвал, куда ранее отправили инвалида. Дворами разведчики вышли на другую улицу, с развилкой. Улица раздваивалась. К их ужасу, слева на их пути стояли рослые, в длинных шинелях и в касках солдаты, с бляхами на груди, «фельдполицай». Больше всего разведчики боялись их. Лещёв принял правильное решение, разведгруппа просто пересекла эту улицу и повернула направо, где было больше деревьев и виднелся немецкий храм, там можно было укрыться. Войдя с обратного входа на территорию храма, разведчики обратили внимание на старых и пожилых людей, одетых в длинные мантии с крыльшками на спине, которые медленно ходили по территории и что-то шептали. Другие лежали на низких топчанах и тоже что-то говорили или шептали.

Возвращаясь из помещения храма, они обратили внимание на пристройку к стене храма. Когда Суходоля открыл ее, увидели там четырех немецких солдат, в форме и с оружием, которые, сидя на ящиках, что-то ели и пили водку. Для разведчиков они были лишними, но что делать, война есть война. Лещёв скомандовал: «Встать, смирно», и сказал, что мы ищем дезертиров. Немецкие солдаты достали свои солдатские книжки и протянули ему, при этом в страхе повторяли слова, что они не дезертиры. Лещёв передал документы Суходоле и скомандовал, чтобы немцы стали лицом к стенке. По команде Лещёва немцы были ликвидированы.

Разведчики ушли из храма старым маршрутом, каким проникли на его территорию, и минут двадцать шли длинным переулком, который привел их в обсаженный густыми кустами сквер. Уже был полдень, а они оставались до сих пор в районе проникновения в город. Здесь Суходоле «приспичило» в туалет, и он побежал в кусты. Далее произошло невероятное. Через пару минут Суходоля выводит из кустиков эсэсовского офицера с поднятыми руками и большим портфелем в зубах, который он бросил на землю, увидев Лещёва. Он на немецком языке спрашивает: «Что случилось? Его, офицера, задерживает солдат из абвера для проверки!» Разведчики, в первую очередь, обезоружили этого офицера, забрали его документы, затем начали беседу на немецком языке.

По документам и с его слов было ясно, что он фельдъегерь по особым делам при главной комендатуре города, выполняет специальные задания по доставке документов в низовые подразделения войск и гестапо. Зная, что офицеры СД владеют приемами дзюдо, Лещёв дал знак Плевако оглушить немца и проверить портфель.

Плевако одним ударом приклада автомата свалил с ног эсесовца. В портфеле офицера находились двенадцать пакетов с сургучными печатями, размером со школьную тетрадь. Все документы разведчики разложили под свою одежду. Офицера оттащили за кусты, где Плевако для верности добил его ножом, труп закрыли прошлогодними ветками и стали выбираться из этого района. Шел шестой час вечера, а мы были только в районе Амалиенау, дойти до нужного района мы уже не успевали. Лещёв принял решение остановиться на ночлег, а утром продолжить поиск перехода на 1-й Прибалтийский фронт.

Со стороны передовой 1-го Прибалтийского фронта доносились выстрелы и взрывы мин, местами взлетали осветительные ракеты. Здесь все было красиво, весь район утопал в молодой зелени, которая окружала необычные строения, как казалось разведчикам. Это были особняки Амалиенау. Надо было найти пристанище для ночлега, здесь не было никакого движения людей. Лишь один немец в штатском, когда проходили около ворот одного особняка, поздоровался и пригласил на чашечку кофе. Разведчики вежливо отказались, сославшись на отсутствие времени, и пошли дальше.

Повернув за угол, Лещёв обратил внимание на круглый двухэтажный особняк, который располагался в глубине сада. Вся территория особняка была обнесена красивой изгородью, кованной из железа, высотой до трех метров, с такими же воротами и калиткой с кнопкой для звонка.

У входа в дом на специальной подставке пожилой немец чистил круглый ковер. Когда Лещёв нажал кнопку звонка, немец ответил, что звонок не работает, входите, если нужно. Это был пожилой, лет шестидесяти немец, одетый в ливрею с бабочкой на шее, с седыми, коротко стриженными волосами. Поверх ливреи был халат. Разведчики представились, согласно легенде, коротко объяснив цель пребывания здесь. На их вопросы он спокойно отвечал, что хозяин, гросс-адмирал в отставке Кибуц со всей семьей, слугами и садовником выехал в свое имение в Альпах, а он, старший слуга, оставлен охранять имущество и дом, зовут его Карл. Разведчики попросили показать дом, чтобы убедиться, что посторонних лиц в доме нет. На втором этаже располагались

спальни, кабинет хозяина, комнаты для детей, отдельно для мальчиков и девочек. На первом этаже, кроме кухни и столовой, располагались гостевой или банкетный зал, библиотека, помещение для прислуги. Имелось большое подвальное помещение, где, кроме холодильных шкафов, были помещения вроде наших кладовок для хранения старых вещей.

Лещёв обратил внимание на маленькую комнату на первом этаже, рядом с библиотекой, где был стол и маленькая хромированная печь, которая отапливалась дровами и имела только одно окно. Здесь же стояли несколько шкафов с книгами. Лещёв сказал, что здесь будем ночевать, поэтому со второго этажа необходимо перенести некоторые спальные принадлежности. Слугу-старика также необходимо поместить в изолированную комнату, обеспечив всем необходимым, едой и туалетом. Такая комната была рядом с кухней, очевидно, для хранения продуктов. Там было все для ночлега слуги. Еще до входа в этот дом Лещёв предупредил Плевако, чтобы тот не говорил по-русски. Речь и голос якобы временно пропали после контузии, полученной в недавнем бою, врачи обещали, что дня через два все восстановится. Это должен был объяснить, при проявлении интереса, Суходоля.

После ужина Лещёв решил поинтересоваться содержанием документов, отобранных у эсэсовского офицера. Вскрыв один пакет, Лещёв сразу понял, что это по существу директива оставляемым в городе подпольным группам «Гитлер-югенд». Документ был адресован старшим групп этой организации, которая именуется «Волчата фюрера». В документах указывались места дислокации и сбора групп, методы связи, задания и многое интересное, но Лещёв не стал вчитываться в смысл документов, так как нужно было отрабатывать основное задание — связь с войсками Баграмяна.

В ночное время разведчики по очереди отдыхали, непрерывно контролируя ситуацию, как в доме, так и вокруг. Лещёв по немецкой карте примерно разработал маршрут движения, с учетом рекомендаций Елисеева. Отдохнув еще минут двадцать, Лещёв поднял группу. Еще вечером, исследуя ограду сада особняка, он обнаружил тайную калитку в изгороди, через которую и решил покинуть особняк.

Было раннее утро 8 апреля 1945 года, рассвет еще не наступил. Разведгруппа тихо проследовала к тайной калитке, впереди Лещёв, за ним Плевако и Суходоля. Постояли тихо минут пять, послушали тишину. Лещёв на всякий случай показал калитку разведчикам, вдруг возвращаться придется через нее, и научил, как пользоваться

запирающим устройством. Тихо вышли на близлежащую аллею, пошли в направлении стыка фронтов. По карте это около пяти километров, на самом деле оказалось больше. Было сыро и зябко, моросил мелкий дождик, переходящий в туман или наоборот, туман, переходящий в дождик. Светало, впереди уже были видны разнообразные строения, загородные дачки и много хвойного кустарника. По словам Елисеева, в этом месте и должен быть стык двух немецких армий и выход на 1-й Прибалтийский фронт. Стык, по данным разведки, шириной сто пятьдесят — двести метров, вот его и нужно найти разведчикам, чтобы попасть к генералу Чумакову.

Укрывшись в овражке, заросшем хвойным кустарником, разведчики вели разведку по обнаружению противника и путей прохода к нашим войскам. Уже совсем рассвело, в стороне от маршрута разведчиков, как вдали, так и вблизи были видны разные строения, жилые и хозяйственные, и дачные поселки. В десяти-пятнадцати метрах, прямо над ними, как маятник, раскачивал немецкий часовой. На фоне светлого неба он казался великаном. У Лещёва появился соблазн сразить немца, но ответственность за выполнение более важного задания погасила это желание. Немцы здесь больше не появлялись, судя по обстановке, оборона немцев и здесь носила очаговый характер.

Разведчики продолжили путь к своим. Пройдено было уже более пяти километров, а признаков боевого охранения наших не просматривалось. Впереди, в ста метрах от них, неожиданно мелькнула советская солдатская шапка, и разведгруппа Лещёва уже хотела подать сигнал, что, мол, мы свои, но в ответ раздалась автоматная очередь. Вначале одна, потом другая. Мы все равно шли на сближение.

И вдруг Плевако делает «трюк». Он вскакивает в полный рост, расстегивает камуфляж и немецкий мундир и самым отборным матом ругает стрелявших, приговаривая при этом, что своих надо узнавать. Мы разведчики 3-го Белорусского фронта, идем с визитом к вам. Стрельба прекратилась, и над маленьким бруствером появились сразу четыре головы. Лещёв тоже вскочил и смело направился к солдатам. Из окопчика поднялся офицер и пошел навстречу Лещёву.

Лещев первый представился, назвав свою должность и звание. Офицер просто сказал, что его зовут Жора, он начальник боевого охранения. Инициативу дальнейшего разговора взял в свои руки Лещёв, сказав, что его срочно необходимо доставить к генералу Чумакову по очень неотложному делу. Прошло минут сорок, пока

Жора звонил по телефонам. Вначале появился капитан, потом майор, который на автомашине доставил Лещёва и разведчиков в штаб армии, а потом в штаб фронта.

Генерал Чумаков — начальник разведки 1-го Прибалтийского фронта. Это был высокий, седовласый, с узким лицом, умными глазами и приятным голосом человек. Лещёв, как положено, доложил о себе и о просьбе генерала Елисеева. Он начал с того, что просьба генерала Елисеева — это решение 3-го Белорусского фронта. Маршал Василевский категорически потребовал немедленной капитуляции немецких войск. Для согласования ультиматума, как по форме, так и по содержанию, и послан был Лещёв.

В 12.00 в штаб коменданта крепости Кенигсберг будет направлен ультиматум. В нем будет сказано о большом превосходстве советских войск, что, исходя из гуманных целей, а также во избежание ненужных жертв, для сохранения исторического города и его населения, солдат и офицеров, советское командование в 18.00 прекращает боевые действия против немецких войск на всех участках наступления.

Коменданту крепости предлагается в 15.00 выступить по городскому радио и из других радиостанций с приказом немецким войскам о прекращении военных действий против советских войск и сдачи всего оружия, военной техники и боеприпасов.

Военные действия должны быть прекращены к 16.00, а сдача оружия — к 18.00. К этому же времени все военнослужащие немецкой армии должны сдаться в плен противостоящим войскам. Офицеры штаба крепости во главе с комендантом должны прибыть к вокзалу города. Это все говорил Лещёв, при этом он сказал, что у него очень хорошая память, и он повторил слова генерала Елисеева почти дословно. Как говорил генерал-лейтенант Елисеев, товарищ генерал-лейтенант Чумаков знает об этом, повторил Лещёв. В кабинете Чумакова было несколько генералов и офицеров, и он стал отдавать разные указания. Лещёву он предложил пока погулять на улице. На улице, во дворе большого дома, где располагался штаб, Лещёв нашел своих разведчиков, которые были окружены группой солдат и о чем-то рассказывали, а те смеялись. Лещёв отозвал в сторону и спросил, накормили ли их. Те ответили, что до отвала. «Тогда отдыхайте», — сказал Лещёв.

Из помещения штаба вышел майор, который доставил разведгруппу сюда и спросил, обедал ли Лещёв. Он ответил, что сегодня еще нет. «Тогда пошли, я тебя накормлю в генеральской столовой», — сказал майор.

После обеда Лещёва снова пригласили в помещение штаба, но не к Чумакову, а к другому генералу. Этот генерал, как выяснил Лещёв, был заместителем Чумакова, и у него возник ряд вопросов к Лещёву, на которые он ответил. Далее генерал сказал, что ультиматум направлен немцам и те приняли его с должным пониманием. Командующий крепостью согласен со всеми предложениями, и приказал принять их к исполнению.

Над городом витал особый дух, это чувствовалось по обстановке, стало меньше стрельбы. Многие солдаты, и особенно офицеры, уже знали об ультиматуме и ожидали выступления по радио немецкого коменданта крепости. По телефонной связи и радио наши войска были уже оповещены о предстоящей капитуляции немцев и о поведении с ними.

В войска были посланы представители штабов и работники контрразведки «СМЕРШ» для оказания помощи и проведения фильтрации, это касалось контрразведчиков. По городу проехали немецкие автомашины, которые сообщили о предстоящем выступлении по радио командующего гарнизоном. Советское командование, также по громкоговорящему радио, обратилось к немецким солдатам и офицерам о предстоящем выступлении коменданта Кенигсберга о капитуляции немецких войск. Такое же сообщение прозвучало на русском языке.

Ровно в 15.00 по городскому радио и из передвижных радиオフィцированных автомашин раздался голос коменданта крепости. Он говорил все то, что предписывалось текстом ультиматума, и отдал приказ о немедленной капитуляции немецких войск перед советскими войсками, согласно ранее данному распоряжению. Далее он добавил, что другого выхода у нас нет. После выступления коменданта крепости в Кенигсберге как будто что-то изменилось. Стало меньше стрельбы, артиллерия и минометы совсем стихли. Все ждали момента наступления полной капитуляции немцев.

Наши войска были насторожены, готовые в любую минуту нанести сокрушительный удар по врагу, если это понадобится. Лещёв, разведчики и посвященные в это дело генералы и офицеры уже точно знали, что немцы полностью сломлены и не способны ни на какие меры. Как говорят немцы, это уже был полный «капут».

ПОВЕРЖЕННАЯ ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ

Полк разведчики нашли в районе форта номер шесть, это южная часть города. Там были и штабы, и вся артиллерия. В первую очередь Лещёв доложил о своем прибытии командиру дивизиона, тот сказал, что рад видеть Лещёва и что все удачно сложилось, главное, что жив. «По-прежнему отвечаешь мне за всю разведку дивизиона», — сказал он.

Все документы, взятые у эсэсовца, Лещёв собрал в свою полевую сумку и направился к Малютину. Его он нашел в штабной камбине (автофургон-кабинет) среди офицеров штаба и тоже доложил о выполнении задания командования. Увидев Лещёва, Малютин сказал, что звонил генерал Елисеев и выразил благодарность за точно выполненное задание.

Лещёв сказал, что у него есть еще важное сообщение, но, очевидно, надо пригласить работника «СМЕРШ». Малютин улыбнулся и сказал, что мы можем обойтись и без него. Тогда Лещёв достал из сумки двенадцать пакетов, все прошиты и по углам наложены сургучные печати. Малютин сразу спросил, откуда это. Лещёв стал спокойно рассказывать, что, находясь в тылу, то есть в Кенигсберге, они взяли в плен офицера СС. Оказалось, что этот офицер был специальным фельдъегерем коменданта и развозил директивы районным организациям «Гитлер Югенд», как организовать подпольную работу против советских войск в случае взятия ими города. Малютин попросил Лещёва прочитать одну из них. Лещёв прочитал этот документ, который он вскрыл еще в городе.

Выслушав переведенный Лещёвым текст документа, Малютин ухмыльнулся и сказал: «Ух ты, «волчата фюрера», мы им зубы быстро переломаем». Далее добавил, что здесь без контрразведки не обойтись. По телефону он пригласил к себе Смирнова, это уполномоченный контрразведки при нашем полку. Его, как и Самсонова, звали Игорь, и он тоже старший лейтенант. Лещёв был с ним на «ты», но такой дружбы, как с Самсоновым, не было.

Войдя в кабинет Малютина, Смирнов поздоровался со всеми за руку и спросил, что за пожар. Малютин молча передал ему пачку пакетов и взглядом победителя стал смотреть на него. Смир-

нов повертел в руках текст вскрытого пакета и спросил, а что здесь. А ты спроси Лещёва, это он добыл эти документы. Лещёв на словах сказал, что это директива немцев о создании в городе из числа старших групп «Гитлер Югенд» подпольной организации «Волчата Фюрера», которые должны заниматься диверсионной работой, уничтожать советских солдат и офицеров. Здесь указаны адреса и фамилии руководителей групп, объекты диверсий и другие данные. По просьбе Смирнова Лещёв здесь же написал рапорт о действии разведгруппы, а главное, о захвате эсэсовского офицера и документов, которые были при нем. В рапорте Лещёв отметил положительное поведение, мужество и отвагу членов разведгруппы Плевако и Суходоли, и указал количество уничтоженных фашистов.

Всего во время рейда в тылу противника в городе Кенигсберге было уничтожено пять солдат и один эсэсовский офицер, при котором было двенадцать секретных документов, которые прилагаются к рапорту. Рапорт был составлен на имя командира полка. Лещёва заставили написать еще один рапорт, который будет передан в контрразведку, с приложением всех документов, доставленных разведгруппой. После этого Лещёва отпустили отдохнуть. Придя на батарею, он в первую очередь посетил старшину, там его ждали три письма от Катюши, которые он здесь же и прочитал. Катя, как всегда, идеализировала их любовь, восхваляла его как офицера и мечтала о скорой встрече.

Офицеры батареи были рады возвращению Лещёва, посыпались десятки вопросов, на которые он еле успевал отвечать. Лещёв предполагал, что Суходоля уже успел рассказать об их действиях во время рейда в тылы Кенигсберга, поэтому охотно отвечал на все вопросы.

В Кенигсберге полк пробыл еще два дня, в основном занимались патрулированием закрепленных за дивизионами районов, где проживали интернированные иностранцы. Это были ранее угнанные немцами граждане СССР, Франции, Польши и других государств. Мера эта была вынужденная, так как в эти дома проникали разного рода элементы, большей частью советские солдаты, которые, чего греха таить, занимались грабежами и насилием. Как раз в этот день, когда патрульная группа состоящая из разведчиков четвертой батареи, во главе с Лещёвым, входила в один из домов, оттуда выбежала девушка в разорванной блузке, с криком: «Что же вы делаете, братики, мы вас ждали, а вы насилуете нас».

Выяснив у девушки приметы насильника, Лещёв послал погоню в сторону расположения полка. Минут через десять Соколов и Яблонский привели к Лещёву шофера машины боепитания первого дивизиона, в котором потерпевшая девушка сразу узнала насильника. Задержанного доставили в штаб полка прямо к Малютину. Тот позвонил Смирнову, а патрулей заставил написать рапорта и отпустил отдыхать.

На второй день, после завтрака весь полк был построен, первый и второй дивизионы друг против друга, между ними поставлен стол, за которым сидели командование полка и представитель контрразведки Смирнов. Конвой из шести солдат, по одному от каждой батареи, привели и поставили лицом к стене форта, где заранее была вырыта могила для задержанного вчера насильника и мародера. Конвоем командовал командир взвода управления шестой батареи младший лейтенант Чиж.

После зачтения приказа командующего о расстреле на месте за грабеж, мародерство и насилие, командир полка объявил, что такое преступление совершил младший сержант Приходько А. Т., который подлежит расстрелу. «Конвой, исполнить приказ!» Начальник конвоя Чиж в свою очередь дал свои команды. Прозвучал залп, и Приходько упал прямо в яму. Замполит коротко, как бы в назидание сказал, что позорное для Гвардии пятно смыто кровью.

Когда подразделения разошлись по местам дислокации, четыре солдата засыпали землей могилу преступника. Один из солдат, очевидно, из первого дивизиона, на стене форта провел черную вертикальную линию над могилой.

Солдаты и офицеры готовились в путь к новому месту дислокации. Расстрел мародера прошел, как будто, так и надо, и все уже забыли о нем. Первыми тронулись на двух автомашинах начальник штаба полка Малютин, инженер полка и несколько офицеров штаба и тыловых служб. Как понял Лещёв, эта группа заменяла квартирьерский разъезд, и держала путь на Пиллау для выбора места, где полк должен занять новые позиции.

Через полчаса тронулся первый дивизион, за ним машины штаба и тыла, замыкал колонну второй дивизион. Больше полусотни автомашин ускоренным маршем пересекали город, который, под нашим нажимом, сдался нам. Лещёв в душе гордился, что и он внес вклад в дело победы над врагом. Как раз проезжали знакомые ему улицы, когда он с двумя разведчиками был в тылу у немцев. Наверное, и у разведчиков были такие же чувства.

Примерно через два часа колонна остановилась, впереди виднелся перекресток, а в стороне стояли наши полковые автомашины — Малютин и другие офицеры полка, сопровождавшие его. Была дана команда всем офицерам прибыть в голову колонны. Офицеры дивизионов прибыли туда.

«Здесь будут наши боевые позиции, штабы и тыловые службы. Сейчас начальник штаба полка даст точную установку по расположению подразделений, прошу приготовить карты. Мы находимся, — начал Малютин, — на шоссе Кенигсберг–Пиллау, в восьми километрах от этого города, военно-морской базы немцев». Он продолжал: вправо по ходу асфальтированная дорога идет на побережье Балтийского моря, там расположен курортный городок Побетен. Влево две грунтовые дороги ведут в поселок и лесную часть Пруссии. Впереди слева дислоцируется танковый полк.

Итак, наш поселок назывался Другтенен. Отсюда мы будем охранять все побережье Балтийского моря от возможных десантов противника. Батареи второго дивизиона располагаются влево от шоссе, основное направление на Пиллау.

Первый дивизион занимал позиции вправо от шоссе, основное направление на север. В первую очередь необходимо было занять боевые позиции батареям дивизионов, к оборудованию позиций приступить немедленно. Остальные вопросы должны были решаться в рабочем порядке.

Натренированные огневики быстро вырыли оружейные окопы и установили гаубицы согласно расчетам штаба, а офицеры занимались вопросами размещения личного состава. Здесь было много пустующих помещений, и каждый офицер старался занять лучшие дома для своих подчиненных. Позади огневых позиций второго дивизиона, метрах в ста пятидесяти стояли десять домов разной величины. Первый дом, куда вошли Лещёв и Анцыферов, состоял из одной большой, проходной и одной маленькой комнат. Анцыферов подсказал, что в большой комнате, если сделать нары, можно разместить весь взвод управления, а в маленькой комнате могут жить три–четыре офицера батареи. На том и порешили.

Идею Лещёва одобрил комбат Воробьев и остальные офицеры батареи. К вечеру в маленькой комнате были установлены три односпальные койки, стол и три стула, ее заняли Лещёв и два офицера-огневики, Миронов и Матросов. На второй день была оборудована и большая комната. Расчеты орудий подобрали другие дома. Для изучения обстановки в районе дислокации полка, в сторону Пиллау и на побережье моря были посланы разведгруппы, кото-

рые подтвердили отсутствие немецких войск или их скрывающихся остатков.

На этой же стороне в большом доме расположился штаб полка и тыловые службы. Ближе к шоссе ряд помещений занял штаб дивизиона и личный состав разведчиков и связистов, работающих в этом штабе. На этой же стороне оборудовали и офицерскую столовую, комендантскую службу, склады. Была создана площадка для развода караула, внутренних нарядов и плац для построения всего полка.

Через три дня эта часть деревни была похожа на военный городок, территория убрана, установлены указатели всех подразделений дивизионов. На территории первого дивизиона были запланированы солдатская столовая, автопарк и склад горюче-смазочных материалов. Так налаживалась жизнь на новом месте. Конечно, в разговорах между собой офицеры возмущались тем, что такой заслуженный полк, как наш, оставили здесь, а не послали на Берлин, как мечтали многие из них.

Во время боев было утрачено много оружия и боевого снаряжения, а больше всего противогазов. В первую очередь приказали провести учет оружия, военного снаряжения и имущества, затем заставили в местах боев искать карабины, автоматы, противогазы, фляги и даже плащ-палатки, чтобы хоть немного свести концы с концами. Три дня пять групп от разных вводов батареи обходили местность вдоль шоссе и лесные опушки, где были окопы и имелись другие следы боевых действий. Находки были скудные, нашли несколько непригодных к стрельбе карабинов и автоматов, около десятка фрагментов противогазов и другого снаряжения.

Затем начались учебные занятия без программы и расписаний. В основу занятий легла строевая подготовка, затем физподготовка. Иногда смешно было смотреть на солдат, которые за время боевых действий потеряли определенные навыки самых элементарных упражнений, особенно это касалось солдат старшего поколения. Затем все наладилось, ежедневные тренировки сделали свое дело. Не зря говорят, что тренировкой достигается все.

К этому времени завершили строительство солдатской столовой. По существу, это была большая веранда, примерно на сто человек, пристроенная к каменному дому, где размещался пищеблок. Теперь на завтрак, обед и ужин солдаты ходили строем, побатарейно.

Как только появлялся строй солдат, из всех домов, близких и дальних, появлялись десятки детей, женщин с котелками, банками

и другими емкостями, которые спешили к столовой. Солдаты щедро делились с немецкими детьми, в первую очередь, хлебом и пищей, которую им давали на завтрак, обед и ужин. Так было ежедневно, и количество детей и женщин каждый раз прибавлялось. Немецкие дети, женщины и пожилые немцы с уважением относились к нашим солдатам и офицерам.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ, ЧЕЛОВЕК

Офицерская столовая размещалась в районе штаба, ближе к деревне, здесь было больше эвакуированных из Кенигсберга семей с детьми, которые жили у своих родственников. Столовая для офицеров тоже располагалась на веранде, где было только восемь столов. Со стороны дороги часть веранды закрывалась, как стеной, вьющимися растениями. Лещёв любил занимать стол у самого края веранды, лицом к дороге, чтобы видеть окружающую местность и бугор над дорогой, на который приходили дети, а потом и их мамы. Они голодными глазами смотрели на расставленные на столах вазы с хлебом, всегда улыбались и никогда не просили, очевидно, воспитанность и гордость не позволяли им этого. Как позже узнал Лещёв, это были дети и жены немецких морских офицеров, эвакуированных из Кенигсберга.

На второй день было воскресенье, многие офицеры штаба и дивизионов поехали на охоту, здесь рядом было охотничье хозяйство. Лещёв остался в гарнизоне и на женском велосипеде поехал в сторону Кенигсберга на прогулку. Он с детства любил велосипед, это тоже было его хобби.

Возвращаясь обратно, возле самой деревни он встретил бургомистра этой и прилегающих деревень. Местные жители почти всегда называли его Гер Питер Шульц. Лещёв остановился, чтобы поприветствовать бургомистра. Тот сказал, что негоже офицеру ездить на женском велосипеде и добавил, что если у господина офицера есть время, то он покажет настоящий велосипед.

Лещёв согласился, и они вместе направились к дому бургомистра, здесь же был и его офис, так здесь называют контору, рабочее место бургомистра и его двух помощников. Войдя в дом, Лещёв сразу обратил внимание на висевший на стене гоночный велосипед и подошел к нему. Господин Питер понял, что велосипед понравился Лещёву, и сказал, теперь он ваш, господин лейтенант. Велосипед действительно понравился Лещёву, он был легкий, имел деревянные обода из бамбука и двенадцать переключений или скоростей.

Лещёв поблагодарил бургомистра за подарок, сказав при этом, что он в долгу не останется, на что тот ответил, подарок есть подарок, а сейчас будем пить наш кофе. Во время кофе бургомистр рассказывал, что немецкий народ перенес много страданий. После первой, надеюсь, и после второй войн мы быстро восстановимся. Наш народ настойчивый и трудолюбивый, честный, точный и аккуратный. Нам государство денег не давало. «Взять озеро с карпами, мы сами собирали деньги, вырыли котлован, где бьют родники, забетонировали берега и запустили карпа, — рассказывал он. — Выгода была и для деревни, карп как дополнительное питание, и еще продавали, и в общине всегда были деньги. Так у нас во всем».

Лещёв почувствовал, что много времени отдал беседе, а приближался обед, пора и меру знать, он извинился, поблагодарил за подарок и уехал в полк. Оставив велосипед в своей комнате, Лещёв поспешил в столовую, чтобы успеть сесть за свой любимый стол. В столовой народу было мало. Было воскресенье, и у многих были разные дела, поэтому он заранее собрал с некоторых столов хлеб и стал кушать первое. За столами сидели два офицера из первого дивизиона, которые обсуждали случай на сегодняшней охоте. Оказывается, там произошло ЧП, автоматчик, стрелявший из кузова автомашины, не успел прекратить стрельбу при торможении, и стреляющий автомат клюнул на кабину, две пули попали в правую руку шоферу. В штабе разбирались, кто разрешил охоту,

Перед Лещёвым повар поставил второе блюдо, и, когда он заканчивал его есть, появились на придорожном бугре две девочки и женщина, которые приходили ранее. Это были те, которых он ждал. Как всегда, все они улыбались милыми улыбками.

В столовой пока еще было мало офицеров. Лещёв пригласил девочек к веранде столовой. Обе девочки спустились с бугра и остановились у ограды веранды, поздоровались по-немецки и присели ножка за ножку, как реверанс. Лещёв ответил на их приветствие, тоже на немецком языке и спросил как их имя? Старшая назвалась Эльзой, младшая Гретхен, а маму звали Линдой. Лещёв дал им кусков десять хлеба и пригласил еще приходите. Девочки снова поблагодарили, и, улыбаясь, убежали к маме, которая в свою очередь пригласила лейтенанта на кофе.

Перед ужином Лещёв помылся под рукомойником, так как много катался на велосипеде, сменил майку и трусы. Из разных украшений, которые ему достались в городе Гутштадте, он выбрал три золотых безделушки, брошь с каким-то камнем и две золотые це-

почки для подарков. По дороге в столовую он зашел к старшине и попросил чего-нибудь сладкого в банке, типа варенья. Тот предложил какой-то конфитюр.

На ужине к ограде веранды подошла только Гретхен, как всегда веселая и улыбчивая. Лещёв набрал ей хлеба, передал завернутую в бумагу банку и кулек сахара, она поблагодарила и сказала, что господина лейтенанта ждут в их доме. Из столовой Лещёв пошел в расположение полка, где немного побродил по территории, затем зашел в казарму и в свою комнату. Немного отдохнул, стал собираться на кофе.

Идя от шоссе к дому Линды, Лещёв еще издалека заметил Гретхен, которая гуляла с овчаркой возле хорошего каменного дома с высокой изгородью. Увидев Лещёва, Гретхен вместе собакой побежала навстречу ему. В это время из калитки вышла фрау Линда и позвала собаку к себе. Она сказала Лещёву, что собака его не тронет, ее зовут Блонди, назовите ее имя. Лещёв так и сделал, Блонди завиляла хвостом и обнюхала Лещёва. Фрау Линда пригласила гостя во двор, а потом в дом. Лещёву понравилось все, и двор с отгороженным от двора огородом и садиком, и сам дом из пяти комнат. В это время Эльза накрывала на стол. Лещёв подошел к ней и спросил у фрау Линды, можно ли поцеловать Эльзу в щечку? Фрау Линда сказала, что можно, и в щечку, и все остальное. Здесь же он передал свой подарок из золотых вещей.

Наконец все сели за стол, причем Линда посадила Лещёва рядом с Эльзой, а сама стала разливать кофе и раскладывать на тарелочки закуски. Подойдя к красивому полированному шкафу, она взяла оттуда маленький графин с жидкостью чайного цвета, и спросила, не против ли господин лейтенант попробовать домашний напиток? Когда Лещёв согласился, она достала три бокала и налила в каждый по половине его емкости. Она первая предложила тост за гостя. Все выпили, закусили маленькими бутербродами с конфитюром и стали пить кофе из цикория. Кофе был такой же, как и у бургомистра. По словам Линды, такой кофе делают все жители деревни. Лещёв сказал, что он с детства любит кофе с цикорием. На Украине, где он жил до войны, цикорий пьют с молоком, это вкусно и полезно, мама часто готовила его на завтрак. Поговорили еще о разном, о перспективах немцев, об их демократических отношениях мужчин и женщин.

Под конец ужина фрау Линда сказала: «Не хлебом единым, человек», пора пройтись погулять на улице. Перед этим она поблагодарила Лещёва за подарки, а он, в свою очередь, поблагодарил ее

за хороший кофе. Она взяла Гретхен, овчарку Блонди, и они пошли гулять, сказав, что не больше часика погуляют на воздухе.

Когда ушла фрау Линда, Эльза обняла Лещёва и стала целовать его в губы, глаза и щеки, потом взяла за руку и повела в другую комнату, это была ее спальня. Она быстро разделась и нырнула под простыню.

Целый час Лещёв утопал в ласках Эльзы, которые не сможет забыть никогда. Ровно через час они уже были вместе с фрау Линдой и Гретхен. Их, как всегда, сопровождала Блонди. Эльза и Лещёв пошли вдвоем и с овчаркой до шоссе. Здесь Лещёв, сославшись, на служебную необходимость, тепло попрощался с ней и ушел в полк, а Эльза — в сторону дома.

На территории полка Лещёв поговорил вначале с Анцыферовым, выяснил обстановку. Тот сказал, что пока все нормально, и Лещёв зашел в свою комнату. Там был один Миронов, и тот спал. Войдя к старшине, он спросил, что пишут земляки. Старшина сказал, что немцев прогнали, жизнь налаживается. У людей появилась живность, в основном поросята, есть и мясе, есть и сальце. В полку много новостей, начальство отправляет своих ППЖ (полевая походная жена) в беременном состоянии. Вчера двух офицеров-женщин на машине отправили на вокзал.

За это время в полку произошло много изменений. Боевую технику сняли с позиций, сейчас все гаубицы в специальном парке. Весь автотранспорт тоже поставили в парк, а боеприпасы и горюче-смазочные материалы поместили в склады. Приближалось мирное время. От старшины Лещёв вернулся в свою комнату и сразу уснул, даже не слышал, когда пришел Матросов.

На второй день, в понедельник полк и его военнослужащие действовали по распорядку. Это значит построения, занятия, хозяйственные и другие мероприятия. На завтрак из-за служебных обстоятельств он пришел поздно, почти все офицеры уже позавтракали, и он один сидел за своим столом. На буторке, куда приходила Гретхен и другие дети и женщины, никого не было. Повар сказал, что немочки приходили, офицеры дали им хлеба, и они ушли. Лещёв ушел огорченный и стал ждать обеда. Повар сказал, что белокурой девочке он дал полную кастрюльку каши, и она убежала радостная.

До обеда он решил еще одну задачу. Его солдат Фролов, рыбак с Волги, создал бригаду из таких, как он энтузиастов, достал сети, нашли озеро, полное рыбы, и хотят для полка ловить ее для усиления питания личного состава. В этот же день Лещёв об этом доло-

жил командиру полка. Тот дал согласие, но под контролем начхоза. Это было до обеда. На обед Лещёв пришел вовремя и занял свое обычное место за столом у края веранды. Во время еды к нему тихо подошла Гретхен, пожелала приятного аппетита. Лещёв поблагодарил, взял у нее кастрюльку и направился к повару. Тот без лишних слов наполнил посуду кашей с мясом, сверху положил хлеб и вернул все Лещёву. Поблагодарив повара, Лещёв, сказал, что за ним бутылка. Передавая еду Гретхен, Лещёв попросил передать Эльзе, чтобы через час она была на перекрестке с велосипедом.

После обеда Лещёв немного повозился со своим велосипедом и направился на нем на свидание с Эльзой. Она, на своем велосипеде, тихо двигалась в сторону поселка Побетен. Через пару минут Лещёв догнал ее, и они поехали вдвоем до места, где они всегда встречались.

Это был участок густого хвойного леса, с тремя построенными советскими солдатами шалашами. Только вошли в лес и поставили велосипеды, Эльза прыгнула на Лещева, обняла руками его шею, а ногами талию и стала целовать, приговаривая: «Мой любимый, Вяче», и другие ласковые слова на немецком языке.

Не хлебом единым, человек, но любовь всегда с ним, это доказано жизнью многих поколений. Это поняли Лещёв и другие молодые офицеры полка. И на войне Любовь не мешала любить и хорошо воевать.

Эльза и Лещёв возвращались со свидания и намеревались направиться в сторону Кенигсберга. Не доезжая до перекрестка метров триста, Лещёв сошел с велосипеда, чтобы в кустиках оправиться. Отойдя два-три метра от дороги, он заметил в лесу двух человек, которые двигались к перекрестку, на расстоянии метров семь-восемь от опушки леса и дороги. Один в черном комбинезоне с автоматом, другой в немецкой солдатской форме без погон, с винтовкой.

Выезжая за пределы части, Лещёв всегда брал два своих пистолета, и сейчас они были с ним. Приготовив пистолеты и укрывшись за толстым деревом, Лещёв выбрал момент, когда неизвестные оказались поближе, неожиданно для них на немецком языке крикнул: «Руки вверх, бросить оружие, идти ко мне, быстро!» Одновременно он произвел по два выстрела под ноги неизвестным. Они сразу бросили оружие на землю, и стали двигаться в сторону Лещева. Чтобы парализовать возможную активность со стороны неизвестных, Лещёв произвел еще по одному выстрелу им под ноги и громко приказал двигаться быстрее. Они его не видели, и

когда прошли мимо дерева, за которым стоял Лещёв, он снова, но уже сзади их, произвел еще по выстрелу под ноги и заставил двигаться быстрее. На асфальте дороги он положил неизвестных лицом вниз, раздвинув им ноги, а их руки положил на затылок. Здесь уже стояла бледная Эльза и три солдата из дивизиона, которые прибежали на выстрелы.

Оставив двух солдат охранять задержанных, Лещёв с третьим солдатом пошел в лес за оружием неизвестных. Автомат и винтовка лежали на траве там, где их бросили. Лещёв на всякий случай осмотрел местность вокруг брошенного оружия, но ничего подозрительного не обнаружил. Кроме автомата и винтовки у них были ножи, по две гранаты яйцеобразной формы с красным колпачком, солдат имел солдатскую книжку.

С помощью солдат неизвестные были доставлены в штаб полка. Лещёв вначале доложил о задержанных Малютину. Тот, как всегда, заставил написать рапорт, а затем вызвал представителя контрразведки Смирнова. От трех солдат, помогавших Лещёву в обыске и доставке задержанных в штаб полка и на гауптвахту, также потребовали рапорта. Задержанных поместили в отдельные камеры полковой гауптвахты. Когда Лещёв вышел на перекресток в надежде встретить Эльзу, то ее там уже не было, и он вернулся в казарму. Его велосипед стоял возле казармы. Лещёв переставил его в свою комнату. После этого он почистил пистолеты, пополнил их магазины патронами и прилег немного отдохнуть и отойти от напряжения, которое он испытал при задержании неизвестных. Так он незаметно уснул, и проснулся от разговора Миронова и Матросова, которые говорили, что Вячеслав снова отличился, задержал двух диверсантов, которые имели задание взорвать или поджечь какой-то нефтепровод. Лещёв поднялся с постели, поздоровался с офицерами и тоже вступил в разговор. Он пояснил, что речь идет о трубопроводах, которые соединяют большие баки с соляркой для военных судов немцев. Они расположены на участке Пилаву, Побетен, наш населенный пункт, и побережье морского канала. Лещёв пояснил, что он видел это на немецких топографических картах. Эти баки из металла, но покрыты железобетоном, а сверху землей, на которой посажена травка, они еще поговорили на разные темы и стали готовиться к ужину.

Лещёв первым покинул комнату, чтобы занять в столовой свое любимое место у края веранды. Гретхен уже ходила с кастрюлькой вдоль зеленой, из вьющихся растений ограды. Увидев Лещёва, она подбежала к нему, поздоровалась с реверансом и передала каст-

рюльку. Все было, как всегда, повар нагрузил кастрюльку ужином с хлебом, а Лещёв все передал Гретхен, а на словах сказал, что через час он подойдет к их дому.

Через час Лещёв подходил к калитке дома фрау Линды. На встречу ему первой вышла Эльза с овчаркой Блонди. На крыльце стояла фрау Линда со своей обаятельной улыбкой. Лещёв извинился, что явился без приглашения (диалог, как всегда, велся на немецком языке). Фрау Линда сказала, что они всегда рады господину лейтенанту как желанному гостю и просят в свой дом, стол накрыт для кофе. После кофе Лещёв пошел прогуляться вместе с Эльзой, их сопровождала овчарка Блонди. Дойдя до шоссе, они расстались, но договорились завтра встретиться на старом месте, их любовь продолжалась. Все в доме радовались таким отношениям между Эльзой и Лещёвым, и надеялись, что они будут продолжаться долго. Лещёв искренне любил Эльзу, но этого мало сказать. Он учился у нее всему, в первую очередь языку, произношению, манерам и обычаям немецких людей в разных ситуациях. Об этом он ей сказал сам, и она старалась, а главное, поняла, и если Лещёв допускал ошибку, она его поправляла. Она заставила его учить редкие слова, которые не встречаются в учебниках, а являются бытовыми идиомами, следила за его произношением. Если Лещёву что-то было непонятно, она долго и кропотливо объясняла суть слова или выражения. По вечерам Лещёв, с разрешения фрау Линды, читал учебники и книги у них дома, конечно, вместе с Эльзой.

СКОРО ПОБЕДА

Апрель 1945 года был на исходе. Вокруг все было в зелени и цветах. Так бывает только весной. Немцы, как местные жители, так и эвакуированные, копались в огородах и садах, сажали рассаду и другие овощные культуры.

Подразделения полка жили своей жизнью. Офицеры и рядовые только и говорили о боевых действиях наших фронтов под Берлином. Все считали дни, когда падет Берлин. А здесь, в центре Восточной Пруссии, шла своя жизнь. Солдаты и сержанты старших возрастов готовились к демобилизации. Их товарищи по расчетам и отделениям делились трофеями и другими необходимыми вещами.

Полк жил по регламенту тыловой части, до обеда проводились занятия, после обеда разные хозработы, затем подготовка к нарядам и их разводы. Лещёв познакомился с офицером первого дивизиона капитаном Владимиром Денисенко, это произошло в штабе полка, куда их обоих вызвали по поводу направления на учебу в Москву. Он командир третьей батареи первого дивизиона. До войны учился в институте физкультуры, занимался классической борьбой, даже был чемпионом Москвы. Из Москвы пришел ответ на запрос, его вызывали в Москву на военный факультет института физкультуры, чтобы продолжить учебу.

Принимавший их Малютин, сказал, что с Денисенко вопрос решен, он примерно через месяц будет в Москве, а Лещёву еще нужно пройти собеседование в штабе бригады и отделе кадров фронта или округа, и он будет направлен в военный институт иностранных языков Красной Армии «ВИИЯКА». Его кандидатура была в Москве «на карандаше».

После гибели Саши Мертвцова и Михаила Карпова у Лещёва не осталось верных друзей, и он с охотой шел на сближение с Володей Денисенко. Выйдя из кабинета Малютина, они продолжали разговор в коридоре и по пути в первый дивизион. Вначале разговор шел о делах в полку, дивизионах, затем разговор зашел о девушках, о Москве, незаметно они перешли на «ты». Под конец Володя сказал, что если он приедет в Москву раньше Ле-

щева, то будет его ждать у себя в любое время. Он написал Лещёву свой московский адрес и номер домашнего телефона, а на словах сказал, что это недалеко от Курского вокзала, улица Машкова.

Поздно вечером, листая страницы своего дневника, Лещёв ругал себя за то, что редко стал заглядывать на его страницы, в боевой обстановке он чаще это делал. Он обратил внимание на запись, сделанную перед форсированием реки Нарев в Польше. Там в рощах концентрировалось много частей, и в одной из них он встретил начальника разведки третьего дивизиона 948-го артполка старшего лейтенанта Кольцова.

Лещёв был тогда командиром взвода разведки полка, и его все знали. Оба были рады встрече, вспоминали, как они вместе разгромили отряд солдат СС дивизии «Великая Германия», напавший на колонну третьего дивизиона. Он, как и Лещёв, попал на 3-й Белорусский фронт из госпиталя. Оба спешили, поэтому Лещёв успел записать только адрес, вернее, полевую почту 948-го полка, чтобы написать письмо Николаю Кольцову.

Еще на подходах к Кенигсбергу, Лещёв написал письмо Кольцову, в котором сообщил все свои новости. Главное, что соблюдает заповедь лейтенантов — «всегда впереди». За это время уничтожил около тридцати майоров, столько же пулеметчиков, главных врагов пехоты, и бесчисленное количество солдат. Ведь до училища райком комсомола направил его на курсы партизанских разведчиков в снайперскую группу. Это было в Свердловске при военкомате. Он писал: «Как на счастье, в одном прусском городке попала снайперская винтовка, можно сказать, необычная, легкая, ствол на десять сантиметров длиннее наших, с просветленным оптическим прицелом, на щеке приклада имела бархатная подушечка, которая смягчала удар при стрельбе. Ребята насмеяются, а иногда просят пострелять. Вот из такой винтовки я отправил сотни фашистов на небеса. Еще новость. По боевой характеристике приняли в партию, теперь я коммунист. После взятия Кенигсберга наш боевой полк оставили охранять Земландский полуостров. Сейчас готовлюсь на учебу в Москву, осталось пройти два собеседования, в бригаде и в штабе фронта. Привет Илье, остальное допишу в следующем письме. Обнимаю, Вячеслав».

На второй день, после всех воинских процедур — построения, занятия, завтрак — Лещев зашел к старшине батареи. Тот сразу упрекнул его за то, что он давно не заходил к своему земляку и сообщил: «Вас давно ожидают четыре письма, два от Катюши, одно

гражданское и одно из далекого фронта, разбирайтесь». Лещёв первым вскрыл письмо от Кольцова.

Любой разговор Николай всегда начинал (и в разговоре, и на бумаге) словами: «Привет, разведка!» Он был доволен, что его друзья выполняют «кодекс лейтенантов, быть всегда впереди», и громят фашистов по-гвардейски. О себе он коротко сообщил, что после присвоения ему звания Героя Советского Союза его здорово повысили. Он получил звание капитана и командует первым дивизионом, Илью тоже повысили, он принял его первую батарею. Оба по два раза ранены, а, в общем, бьют фрицев и в хвост, и в гриву, как говорят в народе. Долго писать нет времени, поэтому, «Пока, разведка» — заканчивалось письмо.

Затем Лещёв прочитал письмо от родителей, а потом два письма, почти одинаковые, от Кати. Она стала писать письма одинакового смысла, никакого вдохновения или новостей. Лещёв по очереди ответил на все письма. В первую очередь Кольцову. Ему он сообщил о разведке боем, которую они провели на территории Польши. «Суть ее заключалась в том, что во время артподготовки на выгодном для нас фланге была создана «коробка» или пространство без разрывов наших снарядов. В этом пространстве двигалась наша разведгруппа и штрафной батальон. В результате такого маневра был захвачен штаб дивизии со всей документацией и командованием, а штрафбат уничтожил все склады. Возвращались таким же образом, но на другом фланге, прихватив все документы, погрузив их на бронетранспортеры. Хватит работы и для ГРУ, и для контрразведки. Это только эпизод из боевой жизни, несколько раз участвовал в рейдах в тыл противника, в том числе и в Кенигсберг. Одним словом, ждем скорой Победы, привет Илье и добрые пожелания вам обоим. Вячеслав».

Отдав письма старшине для отправки, Лещёв немного отдохнул, а потом стал готовиться к обеду. Поскольку повар — тоже земляк, то он зашел к нему и попросил, если придет Гретхен, дать ей хлебца и чего-нибудь другого. После обеда Лещёв решил один прокатиться в сторону Кенигсберга. Возвращаясь обратно, он увидел бургомистра, который в задумчивой позе сидел возле своего дома. Подъехав к нему, Лещёв спросил, о чем грустит Гер Питер? Он ответил, что скоро ваша армия победит Германию, наступит мир, а что дальше, что будет с немцами Восточной Пруссии?

Лещёв стал отвечать словами газет и радио. В этих источниках информации было сказано, что Германия будет разделена на четыре сектора: американский, английский, советский и французский.

В каждом секторе будут немецкие органы управления и союзные комендатуры. Как они будут управлять, пока неизвестно. Восточная Пруссия будет разделена тоже. Южная часть с городом Данциг будет передана Польше, вся остальная Восточная Пруссия станет советской областью. Это произойдет не ранее 1946 года. Все богатые жители Восточной Пруссии, особенно из военной среды, предвидели ситуацию, что Пруссия будет отрезана от Германии, и заранее вывезли свое имущество и выехали сами. Лещёв рассказал, что седьмого апреля, находясь по служебным делам в Кенигсберге, он провел ночь в доме гросс-адмирала Кибуца. Его старший слуга Карл тогда рассказал, что адмирал со своей семьей, садовником и двумя слугами, захватив все свое имущество, давно выехал в свое имение в Альпы. Адмирал обещал, что прийдет за Карлом своего человека, который доставит его в Германию. Гер Питер удивлялся сказанному, ведь он знает и адмирала, и его старшего слугу Карла, и с интересом слушал Лещёва. Бургомистр заявил, что для него это сказка, как вы оказались в городе, занятом фашистами, и, главное, у моего друга Карла. Лещёв сказал, что это другой разговор, а сейчас ему пора, а вы задумайтесь и действуйте. Этот год надо прожить, как жили, об этом расскажите всей деревне, все должны готовиться к переезду из Восточной Пруссии в Германию.

Возвращаясь от бургомистра, Лещёв у штаба дивизиона встретил Малютина и сошел с велосипеда. Поздоровались, и Малютин первый начал разговор. Он спросил, как Лещёв готовится к собеседованию, как вообще жизнь проходит у молодого офицера, при этом он употреблял имя Вячеслав.

Лещёв ответил, что он живет как бы в двух измерениях. Командир дивизиона вызывает и требует от него работу как от начальника разведки дивизиона, Воробьев заставляет заниматься солдатами батареи. Малютин ответил, что дело трудное. Командование полка не раз обсуждало этот вопрос, если бы ты не был кандидатом в военный институт иностранных языков, приказ об утверждении тебя начальником разведки или даже начальником штаба дивизиона, был бы подписан хоть завтра, все командование «за». Он подчеркнул: «Направление тебя на учебу в Москву, это не наша прихоть, это, по существу, вызов, подчеркиваю, именно вызов из Москвы». Лещёв поблагодарил Малютина за информацию и ушел к себе.

У себя в комнате Лещёв проанализировал разговор с Малютиным и пришел к выводу, что утверждение начальником разведки было бы выгодным для Лещёва, если бы продолжались военные

действия. А углубленное изучение немецкого языка, это окно в другой мир. В перспективе — это и работа в военной разведке или контрразведке

Хотя у разведки нет мирного времени, имеется в виду военная разведка страны, Лещёв согласился бы работать и в контрразведке. Он доказал бы сотруднику контрразведки Западного фронта Самсонову Игорю, с которым дружил и тот вложил в его душу любовь к этой работе, на что способен Лещёв, простой командир взвода артиллерийской разведки.

Еще в годы гражданской войны отец Лещёва служил в 43-й бригаде ВЧК Черноморского флота. На юге Украины остались его друзья, которые до сих пор служат в органах контрразведки и помогут, если нужно будет, Лещёву.

ПОБЕДА

На второй день, в связи с первомайскими праздниками, было торжественное построение полка, с выносом боевого Гвардейского Знамени. Эта воинская процедура всегда вызывает особый прилив гордости за ратные подвиги полка. После торжественного марша объявили всем выходной. Был также торжественный обед, с традиционными ста граммами. Затем были танцы под трофейные аккордеоны и другие увеселительные мероприятия.

Начало мая 1945 года было сплошным праздником для нашей страны. Второго мая пал Берлин, столица фашистской Германии. Над Рейхстагом, главным зданием власти, водружено Знамя Победы. Солдаты и офицеры нашего полка эти события отмечали по-своему. Кто выпивкой, кто развлекался виртуозной ездой на велосипеде, многие продолжили танцы под аккордеон, а кто отсыпался.

Лещёв же уехал на любимое место свидания с Эльзой. Общась с ней, Лещёв пытался как можно больше усвоить немецких слов общего обихода, это пригодится для будущей учебы в военном институте. Эльза была воспитанной образованной девушкой с хорошими познаниями в литературе и даже в военной терминологии, ведь ее отец был капитаном военного немецкого флота, погиб в первые дни войны на Балтийском море.

Лещёв постепенно готовил Эльзу к скорой разлуке. Когда он попытался сделать намек об этом, Эльза, улыбаясь, принимала грустную реальность за шутку, поэтому Лещёв не стал преждевременно поднимать эту тему дальше. Вернувшись со свидания, он сделал эту запись в своем дневнике и стал думать, как ему поступать в будущем.

Полк продолжал жить своей как бы двойной жизнью. Все шло по регламенту воинской части, но среди некоторых офицеров появились офицеры-трофейщики, это в основном тыловики, офицеры-технари и штабисты. В эти дни, почти ежедневно, от штаба полка выезжали в город Кенигсберг по три грузовые автомашины, возвращались груженными разными коробами, тюками, чемоданами и другим барахлом.

Только замкомандира полка по строевой и начальник штаба Малютин не принимали участия в этом. Со слов офицеров, в Кенигсберге был центральный склад, куда свозились все трофеи со всей Восточной Пруссии. Большая часть вывозилась в Советский Союз, а остальное распределялось между частями, бравшими город. Согласно приказу командования каждый офицер имел право отправить одну посылку в месяц своим родственникам. Лещёв и его товарищи никогда этим правом не пользовались. Они отдавали свои талоны солдатам с большими семьями. Лещёв отдавал свои талоны старшине и повару, у которых по трое детей, живут в разоренных фашистами селах, и раненым радистам. Они брали только по крайней необходимости, если нужно было сменить вшивое белье на шелковое немецкое, порезать простынь на портянки, и прочие мелочи.

В первой главе повести дается авторское определение понятия «военачальник». В нашем полку было много офицеров, которые обладали такими качествами. Это, в первую очередь, командиры дивизионов, мудрые, энергичные, дальновидные, имеющие большой профессиональный опыт управлением подразделениями и взаимодействия с родами войск.

Из полкового начальства Лещёв выделил бы начальника штаба полка Малютина. Это слиток ума и таланта. Еще на территории Польши он разработал график поочередной стрельбы батарей с ложных огневых позиций по заранее выверенным целям противника. Подавляя их огнем с ложных огневых позиций, он заставлял раскрыться новым огневым позициям противника, которые засекались нашей разведкой.

К этой категории начальников можно отнести многих офицеров полка, но в первую очередь необходимо отметить заместителя командира полка по строевой части, гвардии подполковника Чибисова Ивана Трофимовича. Это отчаянный и храбрый офицер, он всегда появлялся на самых опасных участках военных действий, на немецком гусеничном мотоцикле, с автоматом в руках, воодушевляя личный состав на стойкость и мужество. За храбрость и мужество он пользовался любовью солдат и офицеров. «Это наш Суворов», — говорили они.

При всех положительных и отрицательных явлениях полк жил по регламенту и распорядку, как все воинские части. Проводились разводы на занятия, сами занятия, и, конечно, наряды и

караулы. 7 мая 1945 года Лещёв проводил занятие по физподготовке, вернее, по изучению спецприемов при нападении на разведчика с ножом, а также с другим оружием, освобождения от захватов. В занятиях принимали участие, кроме взвода Лещёва, разведчики дивизиона, так как Лещёв до сих пор числился начальником разведки дивизиона.

Лещёв всю группу разведчиков разбил по парам, всего подучилось девять пар. Начал занятие с простых приемов, защита от удара ножом сверху. Защиту от этого удара ножом необходимо проводить левой рукой, блокируя руку с ножом предплечьем с одновременным захватом рукава одежды выше локтя и разворотом руки влево и вниз. В этом случае нож выпадает из руки противника. Лещёв этим приемом владел еще с девятого класса. На занятии он показал и другие приемы защиты при нападении с ножом. Разведчики с охотой и интересом отрабатывали эти приемы. При нападении спереди с пистолетом, если расстояние не превышает вытянутой руки, необходимо левой рукой отвести руку с пистолетом вправо от себя, одновременно большим пальцем этой руки сильно нажать на тыльную часть руки с пистолетом, а большим пальцем правой руки сильно надавить на основание большого пальца руки с пистолетом, разворачивая его на противника. Если даже произойдет выстрел, то он может поразить только нападающего. Далее Лещёв рассказал и показал защиту от пистолета, приставленного сзади к спине.

Лещёв показал также приемы от захвата шеи, рук и головы. Одним из главных приемов джиу-джитсу является захват шеи и головы правой рукой под мышку и с помощью левой, сильное удушение до потери сознания. Для освобождения от этого захвата необходимо иметь определенный навык и силу. Для этого подхватить ноги противника снизу правой рукой, распрямиться, а левой рукой надавить на болевые точки лица (это глаза, рот, нос) и сбросить противника на землю, нанеся каблуком обуви удар по половым органам. Разведчики под руководством командиров отделений продолжали освоение показанных приемов, а Лещёв ушел в свою комнату немного отдохнуть.

Только он начал настраивать радиоприемник, в дверь постучали, и с разрешения Лещёва вошел гвардии рядовой Геер. Представившись, как положено по уставу, он начал разговор. По его словам, скоро закончится война, и он, Геер, вернется в свой родной город Москву. Если его там спросят, где он был во время войны, Геер скажет, что он защищал Родину. А чем он докажет это? Тогда

он покажет на грудь, на орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». Свою речь он завершил словами: «Это благодаря Вам». На эту тираду слов Лещёв ответил, что Геер совершил подвиг во время боя, когда вся проводная связь была нарушена минометным огнем, он собрал куски проводов, соединил их, а вместо недостающего провода лег в линию и дал связь.

Лещёв продолжал «гулять» по диапазонам радиоприемника, и, когда раздались позывные Лондона, Геер сказал, что сейчас будет говорить господин Черчилль. Лещёв сказал, чтобы он слушал, что скажет Черчилль, а затем спросил его, откуда он знает английский. Тот ответил, что знает также немецкий и польский. По словам Геера, Черчилль объявил, что сегодня, 7 мая 1945 года, подписан акт предварительной капитуляции Германии. Далее Лещёв спросил, почему он не говорил о знании иностранных языков. Геер спокойно ответил, что его об этом никто не спрашивал.

После этого Лещёв побежал в штаб к работнику контрразведки Смирнову. Тот в свою очередь обругал Лещёва за то, что он не сообщил своевременно о Геере. Одним словом, Геера взяли в контрразведку на работу, приказ был оформлен задним числом. На обеде Лещёв увидел Гретхен. Повар Николай щедро нагрузил ее кашей с мясом и хлебом, а Лещев попросил, чтобы она передала Эльзе, что он будет ее жать для прогулки на велосипеде на шоссе, за перекрестком.

Лещёв, как всегда, перед свиданием помылся под рукомойником, надел свежее белье и поехал кататься на велосипеде по шоссе в сторону города Побетен. Проехав километра три, он заметил велосипед Эльзы, который лежал в кустах. Сделав вид, что он не увидел его, поехал дальше. Проехав метров пятьсот, Лещёв развернул велосипед и направил его обратно. Когда он сошел с велосипеда, Эльза сразу обхватила его шею и стала горячо и страстно целовать его лицо и губы. Свидание было коротким, так как Лещёв заступал в наряд дежурным по полку. Через некоторое время Лещёв вернулся на физплощадку, где сержанты продолжали занятия. Лещёв показал еще пару приемов.

Перед заступлением в наряд Лещёв немного отдохнул. В штабе он появился в 16.00, чтобы получить письменный пароль для караула. Начальник штаба Малютин при инструктаже предупредил о строгом выполнении всех уставных норм при несении службы и о поддержании высокой бдительности.

Лещёв сказал, что по Лондонскому радио выступал Черчилль, который объявил о подписании акта предварительной капитуля-

ции Германии. «Посмотрим, посмотрим, — сказал Малютин, — а сейчас подготовка к разводу по всем правилам».

Лещёв из окна комнаты дежурного по полку наблюдал за сбором внутренних нарядов. Ровно в семнадцать, когда все наряды и караул находились в строю, из штаба к строю направился Лещёв. Начальник караула Петров, из первого дивизиона, подал соответствующие уставу команды, и развод замер, ожидая подхода дежурного по полку. После приветствия нарядов, Лещёв начал их обход и проверку знаний караульной и внутренней службы. Передав пароль начальнику караула, Лещёв дал команду: «По местам несения службы, марш!»

После развода Лещёв направился в комнату дежурного по полку, где проверил положенную документацию, предыдущие записи о происшествиях, журнал гауптвахты, затем зашел в кабинет Малютина и доложил о заступлении на дежурство.

Откровенно говоря, он не знал, чем заняться, и ходил из угла в угол маленькой комнаты. Он с нетерпением ожидал ночи. По его интуиции, ночью должно было произойти что-то небывалое.

Наступил вечер. Лещёв как дежурный зашел в столовую с рабочего входа. Спросил, чем сегодня кормят офицеров, для формы взял раскладку, это вроде меню, но с указанием всех норм на человека, он попросил Николая, чтобы накормил немочку, а сам ушел на веранду, куда Николай принес ему ужин. В это время подошла Гретхен, как всегда поздоровалась, по-немецки пожелала приятного аппетита Лещёву. Увидев ее, Николай сам позвал ее к себе и положил в кастрюльку ужин и хлеб. Лещёв сказал Гретхен, что закончилась война и ночью может быть салют, это нужно сказать маме и Эльзе, далее он добавил, что его два дня не будет, так как он на дежурстве. После ужина Лещёв побродил около штаба, чтобы все видели, что он дежурный по полку, а затем направился в комнату дежурного.

В комнате он пробыл часа два, изучая уставы и наставления Красной Армии. Когда стемнело, он направился в первый дивизион, откуда почти все дежурные начинают проверку нарядов и караульной службы. В первом дивизионе он, в первую очередь, нашел Денисенко Владимира, командира первой батареи. В своей комнате тот как раз был один, и они от души наговорились о предстоящей поездке в Москву на учебу. Кроме всего, Лещёв сказал ему о том, что кончилась война. 7 мая Черчилль выступал по радио и сообщил, что подписан акт предварительной капитуляции Германии. После ухода от Денисенко Лещёв проверил службу нарядов

других батарей первого дивизиона. Нарушений не было, все были возбуждены, как будто чего-то ожидали. Лещёв сам был в таком состоянии, но дежурство есть дежурство, и он направился к караульному помещению для дальнейшей проверки караула.

При подходе к караульному помещению его остановил грозный окрик часового: «Стой! Кто идет?» Лещёв ответил, что дежурный по полку, вызывай начальника караула. Вскоре вышел начальник караула лейтенант Петров. Он, как положено, доложил обстановку, и Лещёв вместе с ним зашли в караульное помещение. Лещёв в первую очередь проверил постовую ведомость, сделал отметку о хорошем несении службы караулом и зашел в комнату начальника караула. Петрову он сказал, что война окончена, сегодня, возможно, объявят по советскому радио, а эту новость он слышал по радио Лондона, выступал сам Черчилль. Возможно, через час или два будет своеобразный салют из разных видов оружия. Караул не должен принимать в этом салюте никакого участия, мы все на посту. Также необходимо усилить службу, на посты никого не допускать, кто бы то ни был. «Солдатам нужно объяснить все, что я сказал, у нас здесь боеприпасы, горючее, весь автотранспорт. В городе и здесь орудуют люди из СС, и просто вооруженные бандиты, поэтому службу нужно нести по всем правилам, и никаких отступлений от буквы устава не должно быть. Особое внимание — боеприпасам и горючему» — сказал Лещев. Он попрощался с Петровым и направился на проверку второго дивизиона.

Проверку он начал со своей батареи. Не найдя дневального, Лещёв зашел в помещение, где увидел спящего с повязкой дежурного Анцыферова. Подняв дежурного по батарее, он спросил, где и кто дневальный? Анцыферов ответил, что был Шилов. Лещёв приказал снять его с поста и отправить на гауптвахту, а сейчас поставить другого дневального, все равно сейчас все спать не будут. Шилова нашли, направили на гауптвахту. Лещёв это брал на себя, пользуясь правами дежурного по полку. Продолжая дальнейшую проверку нарядов, Лещёв пошел в пятую батарею, которая располагалась рядом со штабом дивизиона. Он уже хотел войти в помещение, но его остановила подозрительная вспышка от залпов орудий.

Через минуту все небо, от Пиллау и по всему балтийскому побережью, озарилось разрывами трассирующих снарядов, пуль, цветных и осветительных ракет. Стало светло, как днем, а этот бесконечный салют продолжался.

Лещёв побежал к домику командира полка, тот уже стоял на крыльце дома, накинув, на плечи шинель, сказал Лещёву: «Поздрав-

ляю с Победой, подымай полк, всех командиров, в пять утра торжественное построение с выносом гвардейского знамени». Весь полк был уже на ногах. Хозяйственникам дали указание провести праздничный обед побатарейно, для этого позаимствовать у немцев с дальних деревень все, что нужно для стола. В первую очередь, блюда, фужеры, вилки, ножи и скатерти. Необходимо было позаботиться и о продуктах.

Утром девятого мая мимо полка по проселочной дороге, очевидно, к морскому каналу, а далее в порт, пять солдат и офицер-интендант гнали стадо коров. Старшина батареи, обращаясь к Лещёву, сказал, что неплохо бы молодую коровку к праздничному столу занять. Лещёв ответил, что вопросов нет. Бери пару солдат и иди к дороге за территорией полка. Лещёв взял двух автоматчиков и пошел к стаду. Выбрав молодую коровку, которая шла у края дороги, Лещёв выстрелом в голову завалил ее. Старшина перерезал отточенной косой ей горло, а трое солдат положили ее на брезент и поволокли в сторону батареи. Интендант на словах пытался высказать угрозу, но автоматчики загородили ему путь, и он пошел за стадом.

Построение полка состоялось чуть позже, дали возможность солдатам и офицерам привести себя в порядок. На большой полковой плац строем, побатарейно и с песнями, шел личный состав. Построением руководил начальник штаба Малютин. Затем появился командир полка с двумя заместителями. Последовала команда для встречи командира полка. Он поздоровался с личным составом, под троекратное «ура!», поздравил полк с праздником Победы. Со стороны штаба полка появилась знаменная группа во главе с Куликовым, знаменосцем, и двумя автоматчиками. Команду для встречи знамени подал сам командир полка. Знаменная группа вначале прошла в десяти метрах от строя, затем на левом фланге развернулась и прошла перед строем с левого на правый фланг, здесь заняла место во главе строя.

Торжественное построение и последующий парад были торжественны и красивы. После этого все строем разошлись по батареям и занялись подготовкой к торжественному обеду. Каждый занимался, чем он хотел. Лещев еще продолжал дежурство, хотя оказывал помощь и на батарее, и в масштабе полка. Жители немецкого поселка тоже радовались окончанию войны. Многие из них были обеспокоены своим будущим. Куда и когда их направят, и что будет взамен, ведь у каждого здесь нажитое годами имущество. Это и недвижимое имущество, дома, сараи, сады и огороды,

и необходимое для жизни имущество в доме и в других подсобных помещениях.

Тожественный обед в нашей батарее тоже прошел необычно. От штаба присутствовал замполит полка. Солдаты пили водку из хрустальных бокалов, которых дома, наверное, не все видели, закусок было много, а на горячее было любимое блюдо солдат, котлеты с жареной картошкой, в то время это был идеал нашей праздничной еды. Одним словом, обед прошел без эксцессов.

Затем были пляски, песни и разные фокусы, которые показывали солдаты, потом волейбол и поднятие двухпудовой гири, которую солдаты где-то нашли. Личный состав полка развлекался кто как мог, радуясь этому новому празднику, Дню Победы.

Прошло дней десять, и в полку все изменилось. Дня три назад отправили первую партию демобилизованных солдат и сержантов старших возрастов, это тоже был большой праздник, с пьянкой. Отправили их в Кенигсберг для включения в первый эшелон солдат, возвращающихся с фронтов войны. У штабных увеличилась нагрузка по оформлению документов и аттестатов, проездных документов, разных справок для демобилизованных.

В МОСКВУ НА УЧЕБУ

Через три дня Лещёв встретился с желанной и любимой. Свидание снова было на их постоянном месте. Эльза, как всегда, прыгнула на шею Лещёву и поцеловала все лицо, называя самыми ласковыми именами. После свидания, когда возвращались в поселок, Лещёв спросил Эльзу, разрешит ли фрау Линда позаниматься у них дома, почитать книги, журналы, ведь скоро собеседование. Эльза ответила, что мама даст такое согласие. По вопросу отношений его с немецкой девушкой, которая помогает в освоении немецкого языка, Лещёв обратился к начальнику штаба полка Малютину.

Тот ответил, что у него была и немецкая, и даже польская девушка, это обычная история, тем более я слышал, что она помогает тебе в изучении немецкого языка, особенно в произношении слов, поэтому не смущайся. «Не более, чем через месяц ты отправишься в Москву изучать свой любимый язык, — сказал Малютин. — Твое знание этого языка помогло нашему делу в победе над фашизмом. По правде говоря, другого человека не было под рукой для посылки в фашистский Кенигсберг. Это ускорило сдачу города нашим войскам. Спасибо тебе». И Малютин обнял Лещёва.

Дня через два Эльза привела Лещёва домой для просмотра разных немецких текстов и книг. Лещёв с интересом, как смог, почитал несколько журналов, газету и школьный немецкий учебник. Примерно через два часа фрау Линда сказала, что пора и пообедать, и приказала Эльзе накрывать на стол.

Обед был в немецком стиле. На закуску — по ложке зеленого салатика из парника, на первое по пол-тарелки горохового супа-пюре, на второе тефтели из тушенки с перловкой, в завершение, конечно, кофе из цикория, весьма вкусный.

После обеда Лещёв полистал немецкие журналы и, сославшись на служебную необходимость, собрался уходить, но не тут-то было. Фрау Линда сказала, что по немецкому обычаю, после обеда необходимо отдохнуть. У меня с Гретхен дела в парнике, а вы можете почитать и отдохнуть.

Только фрау Линда вышла, Эльза набросилась на Лещёва и начала целовать, приговаривая, дурачок мой милый, мама все делает,

чтобы мы побыли вместе перед твоим отъездом. Эльза взяла за руку Лещёва и повела в свою спальню.

Эльза — это и сказка, и радость, свежесть и мудрость. Лещёв не знал, сколько он был с Эльзой, но совесть подсказывала, что нужно уходить. Попрощавшись с фрау Линдой, Лещёв в сопровождении Эльзы и овчарки Блонди покинул их дом. Эльза его проводила до шоссе, а там Лещёв направился на территорию полка.

В полку он застал шум и неразбериху, готовилась новая партия демобилизованных воинов. Все были заняты своим делом и ни на кого внимания не обращали. Лещёв поинтересовался у дежурного, спрашивал ли его кто из штаба? Тот ответил, что нет, и Лещёв сказал, что будет в первом дивизионе и ушел к Денисенко, узнать, как у него дела с отъездом. Владимир был веселый, расхаживал по своей комнате, собирал какие-то вещи в отдельный пакет, только сказал, что это подарок для мамы, затем достал какие-то бумаги и сказал: «Все, Славик, через день я уезжаю в Москву. Жду тебя в Москве обязательно, как договорились». Володя, хотя и спортсмен, но любил выпить, поэтому он достал из тумбочки бутылку со спиртом, флягу с водой и кое-какие закуски. Лещёв отрицательно относился к выпивкам, но за святое дело, проводы товарища на учебу в Москву, всегда необходимо выпить.

Возвратившись к себе в комнату, он застал там Матросова. Тот был один и слегка навеселе, наверное, от угощений демобилизованных. Он был командиром второго огневого взвода. Хотя и имел звание старшего лейтенанта, но с плохой репутацией, он часто выпивал с подчиненными. Был случай, когда он распивал с солдатами принесенный ими неизвестный спирт, после употребления которого один солдат ослеп, а двух положили в санчасть — как говорят, откачали. Матросова пожалели и дали только выговор.

Лещёв первый завел разговор о делах в полку и других новостях. Матросов ответил, что новостей много, но главная, говорят, что скоро наш полк передислоцируют якобы в Белоруссию, в казармы, где до войны размещалась кавалерийская дивизия маршала Тимошенко. Это будет в конце июня. Еще новость: сейчас в полку идет отбор одного сержанта для участия в параде Победы. Главное, чтобы у него было не менее четырех орденов, очевидно, это будет разведчик нашего дивизиона сержант Алешин, он имеет четыре ордена Красной Звезды.

Поскольку Матросов почти засыпал, Лещёв достал свой хромированный немецкий штык и направился к старшине. Старшина, как его ласково называют, Лексеич, занимался разборкой об-

мундирования для демобилизованных. Лещёв сказал, что в деревне такой штык-нож может пригодиться для хозяйственных целей, поэтому он дарит его на память. Старшина поблагодарил и сказал, что в долгу он не может быть, покопался в своих ящиках, достал маленький пистолет и передал его Лещёву, сказав: «Пользуйтесь по делу» и предложил перед обедом по маленькой. Выпив и закусив, они обнялись крепко и поцеловались, как воины и земляки.

На обеде он, как всегда, сел на свое любимое место у края веранды. Он уже пообедал и собирался уходить, но в это время появилась Гретхен. Лещёв поинтересовался, как дома. Она ответила, что все нормально. Лещёв взял ее кастрюльку и пошел к Николаю, тот, как всегда, наполнил ее едой, и Лещёв передал Гретхен, сказав, что будет ждать Эльзу на старом месте.

После обеда Лещёв осмотрел велосипед, накачал колеса и выехал на шоссе прокатиться. Поехал он вначале в сторону Кенигсберга, но потом развернулся и поехал на Побетен. Километра за два он увидел велосипед Эльзы, прислоненный к дереву. Как всегда, проехав метров двести, он развернул велосипед в сторону Эльзы, и, поравнявшись с ней, сошел. Эльза грустно улыбалась, предвидя скорую разлуку.

После свидания Лещёв долго говорил с ней о его знании немецкого языка, о произношении. Она поясняла, что поправляла каждую ошибку, в разговоре и сейчас. «Мой Вяче говорит неплохо, только знает еще мало слов, но мне кажется, что этого хватит для сдачи любого экзамена по немецкому языку» — сказала она. Начал накрапывать дождик, и они, чтобы не попасть под большой дождь, поспешили домой, и правильно сделали — когда подъезжали к полку, дождь стал сильнее.

Лещёв своевременно доехал домой, хотя и немного промок. Сняв гимнастерку и галифе, он развесил их в комнате для просушки, натянув для этого имевшуюся у него веревку — еще из запасов тех веревок, с помощью которых он обучал разведчиков связыванию противника при пленении. Через пару часов обмундирование совсем высохло.

Пока сохло обмундирование, он время даром не терял, прочитал несколько статей из немецких журналов и выписал незнакомые слова, чтобы спросить у Эльзы их перевод. Затем ему под руку подвернулась немецкая книжонка из серии «ташенбух» (карманная книга), это ему кто-то принес, зная, что он интересуется немецкой литературой. Он прилег и стал читать примитивный сю-

жет книжонки и незаметно уснул. Проснулся от шума голосов. Это пришли Миронов и Матросов, которые, разбудив его, сказали «Так и ужин можно проспять». Лещёв не обиделся, так как действительно наступило время ужина.

Месяц май был на исходе. После прошедших дождей зелени стало еще больше, это радовало глаз, поднимало настроение, все жители радовались этому. Он ужинал почти последним, поэтому Гретхен не застал. Возвращаясь с ужина, он встретил старшину батареи, который, шутя, упрекнул Лещёва за то, что он не заходит за письмами, у него лежат аж четыре письма. Лещёв получил у старшины четыре письма, одно из под Берлина от Кольцова, два от Катюши и одно от родителей.

Кольцов, как всегда, заряжал своей бодростью, он сообщал, что его назначили участником парада Победы в Москве, который состоится 24 июня. Он писал: «Если в это время будешь в Москве, надеюсь на встречу. 2-й Белорусский фронт будет на Ходынке, в палатках. Ещё не решено, буду ли я в колонне Героев или в общей коробке своего фронта. В это время в Москве будет находиться Илья Уваров. В боях под Берлином его ранило в кисть левой руки, к сожалению, весьма неудачно, кисть левой руки ампутировали, но его оставили в строю. В кадрах ему предлагают на выбор две должности, или преподавателем Коломенского учебного центра, или замом начальника суворовского училища. Вот такие дела, «разведка», обнимаю, Николай».

Лещёв был рад письмам, особенно от Николая. На все письма он дал ответ, родителям тоже. На второй день снова была отправка демобилизованных. Там были почти все командиры, чьи солдаты уезжали по домам, здесь же были Малютин со свитой штабных работников, но к нему подойти не было возможности.

Лещёв хотел поинтересоваться временем, когда пошлют его на собеседование. Погода была пасмурная, и Лещёв вернулся к себе заниматься немецким языком. Неожиданно в дверь постучали, вошедший дневальный сказал, что его вызывает начальник штаба полка. Лещёв быстро собрался и через пять минут докладывал Малютину о своем прибытии. Тот, улыбаясь, сказал, что пришла бумага из штаба бригады, завтра к десяти тебя ждут в кабинете капитана Чурикова, это он ведает распределением в военные учебные заведения, не подведи наше доверие.

На следующий день после завтрака он появился у штаба полка в расчете, что будет автомашина какой-нибудь службы в штаб бригады. Минут через десять подъехала автомашина хозяйственной

службы, а из помещения штаба вышел капитан, зам. начхоза, который как раз следовал в бригаду. С его разрешения Лещев занял удобное место в кузове, ему было интересно обозревать путь машины, и она тронулась. Лещёв первый раз ехал в штаб, как говорят, глядя назад.

В штабе бригады он быстро нашел кабинет Чурикова и доложил о себе. Капитан, лет сорока пяти, плотный, с лысиной на голове, доброжелательно встретил Лещёва, предложил сесть и начал разговор издалека. Где учился, какие оценки имел по немецкому языку и другие вопросы, касаясь школы. Лещёв давал полные ответы. Затем капитан положил на стол несколько учебников немецкого языка разных классов. Лещёв брал по очереди каждый учебник, читал и переводил все тексты. Чувствовалось, что капитан был доволен знаниями Лещёва.

Затем он достал с полки несколько немецких газет и положил перед Лещёвым, спросил, может ли он прочитать и объяснить содержание. Лещёв взял первую из них, это было, в переводе на русский, «Немецкое еженедельное обозрение». Прочитав несколько заметок на первой странице, он перевел их почти дословно, затем прочитал несколько брачных объявлений и тоже перевел на русский язык. По внешнему виду, капитан был доволен Лещёвым. «А насчет устной речи, как у Вас?» Лещёв ответил, что несколько раз был в тылу у немцев, разговаривал с ними, они меня понимали и я их тоже. «Собеседование Вы прошли хорошо, будем ходатайствовать перед округом о направлении вас на учебу в Москву. — сказал Чуриков. — Отдел кадров округа пока в Кенигсберге, а остальные управления уже переезжают в Белоруссию, поэтому поспешите в округ».

По прибытии в полк Лещёв передал Малютину пакет, где, очевидно, были отражены результаты собеседования, а на словах сказал, что все нормально. Малютин вскрыл пакет, прочитал его и сказал, что завтра можно ехать в отдел учебных заведений округа, главный там подполковник Скляр. Он сказал: «Передашь пакет, а там действуй по их указанию».

На второй день, снова после завтрака, Лещёв подловил возле штаба автомашину на Кенигсберг, и с успехом добрался до города. У военных узнал, где находится управление кадров округа, и часов в одиннадцать был уже там. Быстро нашел отдел военных учебных заведений и его начальника, подполковника Склярова. Возле двери его кабинета уже сидели три офицера, очевидно, абитуриенты. Лещёв пристроился к ним и стал ждать, что будет дальше.

Минут через десять вышел молодой, симпатичный капитан, в общевойсковой форме, переписал вех сидящих у двери, фамилию и из какой части прибыл, при этом сказал, что всех будут вызывать по очереди. Лещёв передал ему свой пакет с направлением. Первым вызвали старшего лейтенанта, танкиста. Прошло не более десяти минут, как из кабинета вышел хмурый старший лейтенант, он быстро пошел по коридору на выход. Сидевшие у двери все замерли, ожидая, кого вызовут. Вызвали Лещёва. Войдя в кабинет, Лещёв, как положено, доложил о себе и сел на предложенный стул, ожидая вопросов.

Подполковник задал только один вопрос, какой язык изучал Лещёв в школе? Лещёв ответил, что только немецкий. Молодой капитан на немецком языке спросил, где, кроме школы, он ещё изучал немецкий язык? Если можете, говорите на немецком. Лещёв на немецком языке начал отвечать, что после десятого класса его направили на специальные курсы партизанских разведчиков в городе Свердловске. Наряду с другими дисциплинами, его обучали первичному опросу пленных немцев. В первичный опрос входило получение данных о личности пленного, номера частей и подразделений, где служил пленный, количество солдат в роте или другом подразделении, откуда прибыли. Занятия проводились в форме диалога. Все это он хорошо усвоил. На втором Белорусском фронте служил командиром взвода разведки. По роду службы приходилось вести разговоры с немецкими пленными офицерами, у них более широкий кругозор, для получения информации. По заданию командования 7 и 8 апреля этого года находился в Кенигсберге с двумя разведчиками, один из них жил на оккупированной немцами территории и неплохо знал простую разговорную речь немцев.

«Мы были одеты в форму немецкого подразделения абвера, зондеркоманды «Бранденбург-800», — вспоминал Лещёв. — Первым на нашем пути оказался немецкий госпиталь. Там мы, чтобы провериться и освоиться с обстановкой, долго говорили на разные темы с медперсоналом, это медсестры и санитарки. Они принимали нас за своих. Разговор проходил в виде диалога. На ночь мы остановились в районе Амалиенау, в особняке гросс-адмирала Кибуца, который давно бежал, но оставил старшего слугу Карла, с которым мы оттачивали свою речь. Готовясь к собеседованию, уже после взятия города, я ежедневно разговаривал с немцами для пополнения запаса слов и улучшения произношения, читал немецкую литературу и журналы. Короче говоря, я готовился».

Второй капитан спросил биографию Лещёва. Но когда Лещёв начал рассказывать свою автобиографию, то подполковник остановил его, сказав, сразу видно, что человек хорошо подготовлен, неплохо говорит по-немецки, поэтому будет направлен на учебу в военный институт иностранных языков в Москву. Далее он предложил Лещёву обождать в коридоре. Через некоторое время из соседней двери вышел старший лейтенант и передал Лещёву запечатанный пакет и сказал, что он может ехать в полк и готовиться к отъезду в Москву.

Выйдя из помещения, Лещёв прошелся по некоторым улицам города. Во время боев, когда его посылали в Кенигсберг, город казался большим. Тогда только военные патрули и одинокие солдаты ходили по городу. А сейчас было много разного народа, и военные, и гражданские, открыты были разные магазины, поэтому и город уже большим не казался. Купив пару бутылок водки, колбасы и разных сладостей, Лещёв отправился в полк. В шестнадцать часов он был уже дома.

Оставив покупки у себя в комнате, он направился в штаб, к Малютину. В это время кроме него там находились два штабных сержанта, поэтому Лещёв по всей форме доложил о своем прибытии после собеседования в управлении кадров округа и передал запечатанный пакет. Вскрыв пакет, Малютин сразу сказал: «Ну, ты дашь, чтение, перевод, разговорная речь и произношение, все отлично. Сидоров, оформляй его личное дело для отправки в Москву, адрес там имеется, направление на руки и прочие документы, это воинские требования, аттестаты, не забудь выдать сберегательную книжку, у него там много денег». Лещёв спросил, когда можно ехать? И в ответ услышал: «Через три дня Сидоров сделает все».

Лещёв обрадовался этой информации и ушел из штаба решать свои дела. В первую очередь, он посетил старшину и попросил помочь устроить прощальный ужин, с его присутствием и с батарейными офицерами. Уже имелись бутылка водки и колечко краковской колбаски. Лещёв попросил: «Поскольку я без шинели, подари на дорогу старую плащ-накидку, все это нужно на послезавтра. Сегодня и завтра я занят другими делами».

Перед ужином Лещёв пошел к себе, взял бутылку водки для повара Николая, он обещал ему это, и гостинцы для Гретхен и Эльзы, это, в основном, сладости. В столовую он пришел пораньше, чтобы передать Николаю бутылку. В это время появилась и Гретхен, ей он передал гостинцы и попросил, чтобы после его ужина Эльза вышла к шоссе.

Когда Лещёв подошел к шоссе, Эльза уже ждала его там за кустиками. Он рассказал ей, что все собеседования он прошел на отлично, с ее помощью, и через два дня его направляют в Москву на учебу. «Если мама не будет возражать, я бы завтра пришел на обед к вам», — сказал Лещев. «Мама не будет возражать», — ответила Эльза, и расплакалась, обнимая Лещёва. Обед и прощание с Эльзой и ее семьей, мамой и Гретхен, прошли хорошо. Лещёв явился с подарками и сладостями, все обрадовались, кроме Эльзы.

Это она подготовила Лещёва за полтора месяца к собеседованию по немецкому языку в штабе округа, и благодаря ей он едет в Москву на учебу. Прощание было тяжелым для нее. Фрау Линда еле удержала ее в доме, она порывалась пойти с Лещёвым.

На второй день Лещев распрощался с офицерами батареи, с которыми воевал около года, с добрым и заботливым старшиной, он, по существу, спас ему ногу, заставив надеть подшитые валенки. Обошел всех командиров-начальников. Поклонился Боевому Красному знамени 56-го, гвардейского, орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского, Краснознаменного полка РКК и отдал честь Знамени.

В штабе полка у Сидорова и других штабных сержантов получил положенные документы, сберегательную книжку, деньги и на штабном «виллисе», который дал Малютин, выехал в Кенигсберг на вокзал. Здесь Лещёв пошел к помощнику военного коменданта, чтобы получить талон на билет. Там были и другие офицеры, которые пришли с такой же просьбой.

Дежурный офицер комендатуры всем объяснял, что поезда ходят только до Минска, ими следуют, в основном, демобилизованные фронтовики, которые не признают никаких билетов и никаких правил, устраивают шумные скандалы, пьянствуют, поэтому какое место сумеете занять, езжайте до Минска, а далее будет полный порядок. Там уже действуют более цивилизованные правила.

Объявили посадку на очередной поезд до Минска. Идя вдоль состава, Лещёв остановился у вагона, где меньше было солдат, и в числе первых поднялся в вагон. В середине вагона он увидел свободную среднюю полку, и занял ее, положив плащ-накидку и свой чемодан. На другой такой полке, что напротив, уже лежал пожилой старшина, который предложил и лейтенанту залезть на полку, а то найдутся умники, которые тоже могут залезть. Чтобы не искушать судьбу, Лещёв тоже забрался на свою полку, и правильно сделал, в это время появилась группа солдат.

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

Через двадцать минут поезд тронулся. Лещёв удивился, в вагоне были заняты только лежачие и сидячие места. Удивительно, но народу было мало, и особого шума и курения не было, очевидно, потому, что в вагоне были в основном пожилые солдаты и сержанты. Лещёв последовал совету старшины, поставил вдоль стенки вагона чемодан, а под голову подложил полевую сумку, закутался в плащ-накидку и незаметно уснул. Проспал он так почти всю ночь. Проснулся от необычной тишины, на улице было уже светло, а поезд стоял на какой-то маленькой станции. В окно были видны новые домики, восстановленные после немецкой разрухи, тишину в вагоне нарушал только храп спящих солдат.

Поезд тронулся дальше, и за окном снова замелькали новые домики и только строящиеся, но погорелых или разрушенных домов уже не было видно, белорусы старались побыстрее устранить следы войны, особенно в частном секторе. Чтобы не тратить время в Минске на бытовые вопросы, Лещёв в туалете вагона помылся, побрился, одним словом, привел себя в порядок. Возле служебного купе, испуская пар, кипел большой титан, и усатый старшина, набрав кипятка, здесь же долил его чаем из заварного чайника и сел на боковую полку пить чай. Лещёв тоже повторил его маневр, сел на уголок нижней полки и тоже с удовольствием выпил кружку чая. В это время поезд, как огромная змея, делал крутой поворот, и через вагонные окна были видны большие здания города. Это, очевидно, был уже Минск, столица Белоруссии.

Лещёв вспомнил июль 1944 года. Их полк вступал в этот город походной колонной. Город был уже взят другими частями и партизанами. Город ликовал и праздновал Победу. Повсюду было много военных, партизан и гражданских, с добрыми лицами и улыбками.

На краю площади в глаза Лещёву бросились три П-образные виселицы с четырьмя веревочными петлями на каждой. В стороне стояли три автомашины ЗИС с открытыми задними бортами, на краю которых стояли по четыре фашиста в форме войск СС и в штатской одежде, с мешками на голове, их поддерживали солдаты НКВД. На груди каждого приговоренного висела дощечка с надпи-

сю «Убийцы народа». Автомашины с приговоренными подъехали под виселицы. По радио был прочитан приговор, и по команде конвоя машины отъехали, а фашисты остались висеть.

Поезд подъезжал к вокзалу. Лещёв быстро взял свои вещи и вышел в тамбур вагона, чтобы выйти в числе первых. На перроне было много народу, а также военных патрулей и милиции в необычной чёрной форме, с шашками на боку и шпорами на сапогах. Лещёв обвел взглядом территорию вокзала, обратил внимание на кубовую, это такое помещение, которое до войны было на каждом вокзале и где всегда была вода, холодная и горячая. Здесь все было, как в мирное время. Солдаты с котелками побежали за кипятком. Лещёв искал глазами указатель «Военный комендант» и, не найдя такого, вошел в помещение вокзала и направился в воинский зал. В конце воинского зала он увидел открытую дверь, возле которой было несколько офицеров, и направился туда.

Это был кабинет дежурного помощника военного коменданта. К удивлению Лещёва, за столом сидел его «однокашник», с которым они учились в одном училище, в одном взводе, Фридман Александр. Когда их глаза встретились, тот с радостной улыбкой направился к Лещёву, и они крепко обнялись. Нажав кнопку, Фридман вызвал подмену, извинился перед офицерами, объяснил прибывшему офицеру комендатуры ситуацию, и они вышли из помещения. Лещёв первый рассказал о себе, где воевал, чем занимался, сообщив, что сейчас вот едет в Москву в военный институт иностранных языков. Он рассказал: «Из наших встречал в Польше только Котрелева Алика, он тогда служил в ОРАДе (отдельный разведывательный артиллерийский дивизион)». И спросил: «А как ты попал в эту службу?» Фридман рассказал, что тоже служил в ОРАДе на 2-м Белорусском фронте, во время топографических работ натолкнулись на немецкую разведгруппу. В завязавшей перестрелке получил две пули в грудь, одна навывлет, а вторую доставали, делали операцию в госпитале в Куйбышеве. Медкомиссия признала непригодным для фронта, послали на курсы комендантов для железных дорог, а затем направили сюда, вот он и служит. Саша предложил план. Вначале решить проблему с билетом, а потом отобедать в генеральской столовой. Так и решили.

В воинских кассах билетный кассир дала следующую информацию. Сейчас на подходе поезд «Брест–Москва». Он идет переполненный солдатами. Через двадцать минут идет пассажирский, «Минск–Москва», а после него, почти через два часа, пойдет скорый, с купированными и мягкими вагонами, на него и мест пока

полно. Лещёв сразу остановился на скором, заказал и получил билет на нижнее место в середине вагона.

После оформления билета, Фридман и Лещёв направились к воинской площадке, где находились столовая и продпункт комендатуры. В столовой народа было много, поэтому Фридман повел Лещёва в генеральскую половину. Это была небольшая комната на четыре стола. К ним сразу подошли начальник столовой, лейтенант интендантской службы, и официантка. Они назвали Фридмана по имени и отчеству и спросили: «Что будем кушать?» Он ответил: «У нас гость, его надо накормить по-белорусски. Это значит: по сто граммов, закуска, борщ по-белорусски, котлеты с жареной картошечкой и чай. Талоны я передам к вечеру».

Обед Лещёву понравился, особенно борщ по-белорусски, он такого никогда не ел. Это красный, на свекольном соку борщ, с резаными сосисками и кусочками мяса. После обеда они снова вернулись на вокзал, еще немного поговорили, и Фридман сказал, что служба есть служба: «Мне нужно работать, не обижайся». Лещёв в порядке вежливости сказал: «Находясь Москве, звони в институт, представится возможность, возможно, и встретимся». Затем он забрал свои вещи и ушел из комендатуры.

Погуляв по залам вокзала, Лещёв купил в киосках пару бутербродов с сыром на дорогу, три конверта с марками и стал ожидать свой поезд. Вначале он сидел в здании вокзала, а когда, по его расчетам, должны были подать под посадку скорый, он вышел на перрон и направился к тому месту, где будет его вагон. На улице было пасмурно, стал накрапывать маленький дождик, и Лещёв накинул на плечи накидку. В это же время к перрону маневровый паровоз выставлял состав скорого поезда.

Когда Лещёв подошел к своему вагону, там уже стояли, ожидая выхода проводника, девушка в накидке и капитан. Пожилой проводник, в черной железнодорожной форме, открыл дверь вагона, и, не проверяя билеты, стал запускать пассажиров, при этом он просил занимать только свои места. Когда Лещёв вошел в купе, там уже сидела девушка в накидке, она с грустью глядела в окно. Он поздоровался и сел напротив, на свое двадцать третье место, согласно билету. Прошло минуты две-три, и в купе вошел капитан, а за его спиной стояли еще два старших лейтенанта. Капитан, с элементом угрозы сказал, что старшим по званию положено уступать места. Лещёв молча встал, встряхнул от капель дождя накидку и повесил ее на крючок у двери и снова сел на свое место.

Девушка тоже сняла свою накидку. Она была одета в хорошо сшитый китель с золотыми погонами лейтенанта. На ее груди сияла Звезда Героя Советского Союза и ордена Ленина и Красного Знамени. У входа в купе возникла немая сцена, затем капитан извинился, сказав, что они не в свое купе попали, и быстро ушли в конец вагона.

Лещёв извинился и представился, назвав свое имя, должность и цель поездки, и добавил, что такое красивое лицо и осанка леди может быть только у разведчика. Лицо девушки посветлело, она улыбнулась, сказала, что лейтенант очень наблюдательный человек, это и хорошо, а иногда и опасно.

«Я немка, Барбара Шнитке. — сказала она. — Родилась в городе Энгельс. До войны у нас была своя республика на Волге. После школы окончила курсы машинописи на пишущих машинках, как с русским, так и с латинским шрифтом, чтобы работать в каком-либо государственном учреждении. Работу в то время трудно было найти, но меня приняли в горисполком машинисткой. Тогда важные документы печатались на русском и немецком языках. С началом войны всех немцев стали переселять в Сибирь и Казахстан, папу сразу арестовали и расстреляли, мама умерла в ссылке, а я убежала в Куйбышев, где было много организаций из Москвы. Там был и один из отделов генштаба. Это я узнала от знакомых жителей, у которых квартировались приезжие из Москвы. Как раз на квартире, где я нашла приют, жил полковник из генштаба. Я познакомилась с ним и сказала, что я немка из Энгельса, но люблю свою родину Советский Союз и хочу бороться с фашизмом. На второй день он пригласил меня с собой, сказал, что на работу. Он привез меня в какой-то дом, где были одни военные, как после я узнала, это была военная контрразведка. Мне дали несколько листов бумаги и сказали, чтобы я написала полную автобиографию с указанием всех родственников и знакомых, где бы они ни жили. Эту автобиографию я писала целый день. Два последующих дня меня непрерывно допрашивали, я честно и полно отвечала на все вопросы».

Лещёв, извинившись, перебил рассказ Барбары, сказав, что предполагает дальнейшее развитие событий. «Вас вначале проверяли, затем обучали, а потом Вы сидели и изучали свою легенду. Никому и никогда не говорите об этом, я в мыслях ругаю Ваше начальство за то, что разрешили надеть форму. Мы, молодые лейтенанты-разведчики, всегда гордились тем, что всегда впереди, но я, например, более двух дней не находился в тылу врага, необходи-

мости в этом не было, а вы, лейтенант, впереди всех, прямо в логове врага, настоящий герой, честь и хвала вам. Только помните всегда, *у разведки нет мирного времени*».

После этого разговора Лещёв организовал чай и договорился с проводником о постелях, ехать придется долго. Во время чаепития Лещёв рассказал о своей службе на Западном фронте. Там по приказу командующего формировались спецотряды из войсковых подразделений в помощь управлению контрразведки «СМЕРШ» Западного фронта. Одной из таких групп было поручено командовать Лещёву. В его распоряжении было двадцать солдат и сержантов. По наводке и плану контрразведки они захватили шесть разведгрупп противника.

Лещёв сказал, что он многому научился у контрразведчиков, правильнее сказать, они научили его. Это пригодилось в последующих боях на 2-м и 3-м Белорусских фронтах.

Наступил вечер, проводник вагона разнес вечерний чай, они с Барбарой заодно и поужинали теми бутербродами, что были у Лещёва. Потом проводник разнес постельное белье, и пассажиры стали готовиться ко сну. Лещёв попросил проводника вагона не подсаживать в купе других пассажиров, и они ехали с комфортом до самой Москвы.

Когда улеглись в свои постели, Лещёв немного рассказал о своей теории проникновения в тылы противника в дневное время и какие предпосылки при этом должны присутствовать. Поскольку Барбара уже плохо слушала Лещёва, у нее слипались глаза, он выключил большой свет и тоже закрыл глаза, готовясь ко сну и размышлениям.

Лещёв, как всегда, вспомнил события прошедшего дня, чтобы сделать записи в дневнике и проанализировать их. Это радостная встреча в Минске с сокурсником по военному училищу Сашей Фридманом и знакомство с Барбарой, как он правильно вычислил, разведчицей ГРУ. Ее начальство допустило большую ошибку, экипировав ее в парадную форму, с высокими наградами в дорогу до Москвы. Ей, очевидно, придется снова работать в Германии, а она, по существу, полужасвеченная. Хорошо, что напарником по купе был Лещёв, который хоть немного, но разбирается в разведке, не только инструментальной.

Лещёв вспомнил прощание с Эльзой. Она предлагала адреса и способы связи с ней в Германии через год или два, или через бургомистра, здесь, в Восточной Пруссии. Чтобы осуществлять переписку, Лещёв взял листок с адресами, будет хранить их до опреде-

ленного момента. Как говорят разведчики, для возможного оперативного использования.

Лещёв помнил, что после собеседования в управлении кадров округа, начальник отдела учебных заведений сказал, что с такими знаниями немецкого языка могут направить и на нелегальную работу за рубежом. С этими мыслями Лещёв и уснул. Проснулся он, как всегда, от необычной тишины. Поезд стоял, не было грохота состава, в купе было тихо. Через щелочку в занавеске окна Лещёв прочитал название станции. Это был Можайск, значит, до Москвы два-три часа езды.

Пока Барбара отдыхала, Лещёв завершил свой туалет и ожидал, как джентльмен, когда она проснется, чтобы сказать, ей «Доброе утро!» и выйти из купе, создав ей условия для приведения себя в порядок. Минут через двадцать они уже сидели друг против друга и пили чай, заказанный Лещёвым, обозревая из окна мелькающие станции и населенные пункты Подмосковья.

Лещёв говорил Барбаре, что приближается встреча друзей. С этого вокзала 30 декабря 1943 года три лейтенанта уезжали на Западный фронт, поклялись всегда быть впереди, все трое живы. Лещёв один из них. Дня через три-четыре они должны встретиться.

Поезд загрохотал на мосту через Москву-реку, и спустя несколько минут, въезжал под дебаркадер Белорусского вокзала. Лещёв и Барбара вышли первыми из вагона на низкий перрон вокзала. Барбара была без накидки, и все обращали внимание на нее, вернее, на ее награды, на звезду Героя.

Ее встречали два человека, один в форме майора, другой в штатском, когда они подошли и отдали честь, Барбара сказала им, что это коллега, но дивизионного масштаба. Лещёв отдал честь офицерам, и они ушли к машине, а Лещёв пошел искать телефон-автомат, чтобы сообщить Владимиру Денисенко о своем приезде. Было 11 июня 1945 года, воскресенье, и он должен был быть дома. Исправный телефон попался только в воинском зале вокзала. Лещёв набрал номер, который дал Денисенко, Д-3-10-12, и в трубке раздался его голос. Лещёв сказал, что он в Москве, готов прибыть по указанному адресу. Володя ответил, что ждет с нетерпением.

Примерно через час Лещёв был на квартире Денисенко на улице Машкова, дом 6. В гастрономе неподалеку он купил водки, баночку красной икры и ветчины, уже нарезанной для стола, а также цветы для его мамы. Встреча была радостной. Володя и его мама, приветливая и симпатичная женщина по имени Мария Ивановна,

очевидно, готовились к ней, уже был накрыт стол, его ждали. Мария Ивановна повела в ванную, показала его полотенце.

Лещёв помылся до пояса и вышел, как огурчик, прямо к столу. По времени аристократов это был как бы второй завтрак. Лещёву все понравилось, он поблагодарил хозяйку Марию Ивановну за вкусную еду и внимание к нему и поцеловал в щечку.

Лещёв спросил Володю и его маму, сколько дней он может пожить у них? Ведь сегодня его институт не работает. Мария Ивановна сказала, что у них две комнаты, места много, поэтому живите сколько нужно. Лещёв поблагодарил за такую возможность и сказал, что он отлучится часа на два. Необходимо побывать на Ходынском поле. Там расположены палатки участников парада Победы 2-го Белорусского фронта, и ему необходимо передать письмо Герою Советского Союза Кольцову Николаю, с которым Лещёв воевал на этом фронте.

Лещёв достал из полевой сумки конверт и лист бумаги. На конверте он написал все данные Кольцова, а на листочке короткую записку, что он, Лещёв, в Москве, и телефон для связи Володи Денисенко Д-3-10-12. После этого он извинился и уехал на Ходынское поле. Выйдя из метро «Динамо», Лещёв перешел на другую сторону улицы, и за чугунной оградой увидел несколько учебных самолетов По-2, которые стояли, прижавшись к зданиям. Пройдя вдоль ограды метров двести, Лещёв увидел узкий переулок, который проходил между двухэтажных домиков и вел на огромное Ходынское поле. Собственно говоря, это было не поле, а настоящая взлетно-посадочная полоса, которая тянулась от корпусов какого-то предприятия километра на два.

Ожидая каких-нибудь запретительных знаков, Лещёв шел, осторожно осматриваясь, опасаясь услышать окрик или другой сигнал. Впереди виднелось веревочное ограждение с красными флажками. Рядом с ограждением стояла полосатая будка и шлагбаум, перед ним надпись на щите: «Проезд и проход запрещен!» Как только Лещёв подошел к будке, из нее вышел сержант с красной повязкой «Дежурный по КПП», а за ним и рядовой. Они отдали честь Лещёву и спросили, что нужно гвардии лейтенанту?

У Лещёва на груди были ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степени, две полоски о ранениях и знак «Гвардия». Он сказал, что воевал на 2-м Белорусском фронте. Служил в одном полку с Героем Советского Союза капитаном Кольцовым. Если его можно вызвать сюда, он просит это сделать. Сержант по телефону кому-то доложил о просьбе Лещёва. Через некоторое время он вышел и сказал,

что сегодня выходной и капитан Кольцов в городе. «В таком случае, передайте ему этот конверт, здесь телефон, где я остановился» — попросил Лещёв.

Погуляв немного в районе станции метро «Динамо», Лещёв к обеду вернулся на квартиру Денисенко. Володя в это время читал журналы, а Мария Ивановна готовила обед на кухне. Лещёв рассказал Владимиру, где был и чем занимался. Далее он рассказал, что 30 декабря 1943 года он и еще два лейтенанта выехали из Москвы на Западный фронт, некоторое время воевали в одном полку. Сейчас все трое в Москве, необходимо встретиться и отметить встречу. Лещёв поинтересовался у Володи, где бы он посоветовал провести такую встречу? Один из них Герой Советской Союза, капитан, командир дивизиона, участник парада Победы. Лещёв предполагал, что можно в ресторане при ЦДКА, но туда не очень удобно добираться, хотелось где-то на полпути. Володя спросил, на сколько человек, Лещёв ответил: «Вместе с тобой четыре человека». Со слов Лещёва, ресторан «Якорь» удобен для такой встречи, это на улице Горького, где ее пересекает трамвай в сторону Тишинки. Владимир поддержал этот вариант.

Далее Лещёв предупредил Денисенко, что без его разрешения дал телефон квартиры Кольцову Николаю, он может позвонить и спросить меня. Речь будет идти об этой встрече. Ее можно провести, когда всем будет удобно по времени. Лещёв сказал, что завтра ему нужно в институт, сдать документы, получить удостоверение и вообще, выяснить обстановку. Володя сказал, что он свободен до июля, а там пойдут подготовительные занятия.

После обеда, часов в пять, раздался телефонный звонок, к телефону подошел Володя, сказав «можно», передал трубку Лещёву. Звонил Николай Кольцов, он рассказал о своих впечатлениях от прогулки по Москве. В дальнейшей беседе договорились, с учетом возможностей всех, встретиться 14 июня, в шестнадцать часов у ресторана «Якорь» на улице Горького. Лещёв подробно рассказал, как найти и доехать до этого ресторана.

В это время раздался приятный голос Марии Ивановны, звывший к обеду. Всегда веселый Володя хмурил брови, не увидев бутылки на столе. Лещёв извинился, вышел в другую комнату и принес бутылку хорошей водки, которая была в полевой сумке. После обеда Лещёв пошептался с Марией Ивановной и дал ей денег на кухонные расходы, с бутылочкой.

На второй день, сразу после завтрака Лещёв уехал на Волочаевскую улицу, где был расположен институт. В административном

корпусе сдал пакет и направление, походил около часа по кабинетам, получил удостоверение личности, выяснил все обстоятельства в отношении учебы и уехал на Таганку. Там, на Гончарной набережной, был расположен 8-й специальный факультет. Назывался он тогда «по работе среди населения противника». Здесь Лещёву придется первое время «вгрызаться» в гранит науки. Пройдя через КПП вовнутрь здания, он осмотрел все пять этажей, поговорил с начальством, узнал, что занятия спецгрупп начнутся со следующего понедельника, и ушел. Теперь он — слушатель военного института иностранных языков Красной Армии, что подтверждается удостоверением личности.

В среду 14 июня, в шестнадцать часов Лещёв и Денисенко были в ресторане «Якорь», где была назначена встреча друзей. Они разделились и стали изучать обстановку. В ресторане два зала, один справа от входа, столов на пятнадцать, второй, слева, большой с разными декоративными перегородками и пальмами в бочках. Володя остановил свое внимание на втором зале, на столе возле стены, откуда виден весь зал, и никто не ходит вокруг. Так и решили. В это время в зал вошел, сияя звездой Героя, Николай Кольцов и его спутник Илья Уваров. Офицеры сказали официанту, чтобы накрывал стол на четыре персоны, и подали все, что они заказали, а сами пошли мыть руки.

Лещёв представил Денисенко своих друзей, все выбрали напитки и закуски по своему вкусу, и Лещёв предложил выпить за встречу и знакомство, он же предложил избрать тамадой Николая Кольцова. Избранный тамада стал править столом. По его команде, выпили «за нас, победителей, за тех, кто всегда впереди, за Победу!» Затем выпили за тех, кто сложил свои головы на полях сражений, за погибших друзей. Между тем, почти все столы были заняты, большинство посетителей были военные, многие из них обращали внимание на их стол. Ведь за столом — Герой Советского Союза, и каждый офицер имел не менее двух боевых орденов.

С разрешения тамады Лещёв рассказал, как они встречали Новый 1944 год в Смоленске и поклялись быть всегда впереди и клятву сдержали. Николай рассказал, как Лещёв, в прямом смысле этого слова, был впереди всей дивизии: «Это я видел со своего КНП. Вначале я думал, перебежчик, но нет, это наш. У него фуражка была обмотана зеленой сеткой. Такую сетку в полку имел только Лещёв. По его наводке мое первое орудие, которое было в распоряжении Вячеслава, уничтожило несколько минометных батарей. Это около двух десятков минометов. Тост, за разведку, за Вячесла-

ва». Потом пошли тосты за каждого, и в первую очередь за Николая. О нем рассказал Илья Уваров. «Когда через боевые порядки дивизии пыталась прорваться большая колонна танков, около двадцати единиц, комбат погиб при первом залпе, а я был ранен, остался один Николай, который принял командование батареей. Короче говоря, батарея подбила четырнадцать танков, из них десять подбил Николай, стреляя их двух орудий». Все выпили за Николая, его героизм и отвагу.

Лещёв снова взял слово. Он сказал: Среди нас находится наш друг и интересный человек. Это гвардии капитан Владимир Денисенко. Он тоже наш коллега, командир гаубичной батареи нашего полка, на его счету сотни фашистов. Кроме всего, он слушатель военного факультета института физкультуры, чемпион Москвы по классической борьбе в тяжелом весе. Предлагаю тост за Володю, здоровья и успехов ему!»

Кажется, у нас все было по правилам, мы люди служивые, поэтому поступило предложение выпить «на посошок», если что, можно заказать кофе или чайку. Все согласились и «на посошок», и на кофе. Во время кофе Лещёв похвастался своим удостоверением, и все стали собираться на выход. Незаметно, но они посидели около трех часов. На следующий день Уваров должен был уезжать на переговоры в Коломну, в учебный центр артиллерии, если понравится, то он останется там работать преподавателем, обучать молодых курсантов. Ему было нужно подготовиться.

Все пошли в сторону метро «Белорусская», а там каждый своим маршрутом. Мы с Володиёй в сторону центра, чтобы побыстрее добраться домой. В пути Володя хвалил друзей Лещёва, особенно ему понравился Николай Кольцов. Чувствуется хватка во всем. Лещёв сказал, что Кольцова обещают принять на секретный ракетный факультет артиллерийской академии имени Дзержинского. Последние слова он говорил уже на подходе к дому. Здесь Володя хвалил своей маме друзей Лещёва, конечно, называя его по имени. Мария Ивановна тоже поинтересовалась друзьями Лещёва. А он, как мог коротко, рассказал, кто такой Герой Советского Союза Николай Кольцов, за что получил это высокое звание, и о его друге Илье Уварове.

ЭПИЛОГ

С нового понедельника Лещёв приступил к занятиям на восьмом факультете, который состоял из трех отделений — немецкого, французского и английского языков. Аудитории большие, но совмещены со спальными местами, отделенными от класса, для тех, кто живет при факультете. Учебные классы остались просторными с небольшим количеством столов, а слушателей в языковых группах было от восьми до двенадцати человек. В его группе было двенадцать, из них три рядовых слушателя, они ходили в курсантской форме. Остальные были офицеры — от младшего до старшего лейтенанта.

Лещёв быстро освоился с обстановкой и порядками на факультете. Здесь была богатая спецбиблиотека для всех языковых отделений. Он сразу встал на учет для получения спецлитературы по немецкому языку и спецдисциплинам. За неделю Лещёв прочитал все десять учебников и не встретил особых трудностей, за исключением отдельных правил грамматики и спецтерминологии по военным и техническим вопросам.

Он об этом рассказал начальнику курса и преподавателю по военному переводу. «К концу августа вас переведут на факультет оперативного искусства, а здесь считайте себя слушателем подготовительного курса, поскольку вас возьмут сразу на второй курс, договоренность об этом уже есть. Пока совершенствуйте язык, который может стать для вас почти родным. А здесь мы назначаем вас старшиной всего курса и факультета. У вас будут три помощника, по питанию, вещевому довольствию и финансам», — так заявил начальник курса. Через некоторое время Лещёв оставил восьмой факультет.

Продолжая учебу на новом факультете, Лещёв узнал очень много нового, как по языку, так и по этике и спецдисциплинам, начиная от разделки устрицы и накрытия парадного стола на приеме, и кончая оперативно-разведывательной работой. Было много знакомств, ведь здесь учились разные знаменитости. Боксеры Николай Королев, Щербаков и другие, члены «Молодой гвардии» — это Валентина Борц и другие.

Кроме всего, Лещёв участвовал в пяти парадах на Красной площади, в качестве командира десятой шеренги, по которой судят,

как прошел парадный расчет. Тогда в шеренге было по двадцать слушателей.

В 1948 году шло сокращение армии. Институт, как военно-учебное заведение, попал в этот список. Его начали «трясти». Вначале факультет восточных языков передали в институт востоковедения. Затем взяли за спецфакультет. Двадцать слушателей английского отделения перевели в военно-дипломатическую академию. Слушателей со знанием других языков туда не брали.

На факультете стали появляться «покупатели», так называли представителей ГРУ (Главного разведывательного управления). Лещёва дважды приглашали на собеседование, предлагали работу «нелегала» в Западной Германии, но он дважды отказался, так как собирался жениться. В письме родителям он просил совета выхода из этой ситуации. Они написали, что нужно исходить из обстановки. Через некоторое время он снова получил письмо.

Его написал дядя Саша, товарищ отца по работе в ВЧК, еще в годы гражданской войны. Дядя Саша — Евдокимов Александр Иванович, был начальником отдела контрразведки на транспорте в Днепропетровской области. Он приглашал Лещёва на работу в аппарат его отдела. Приглашение было согласовано с партийными органами. Лещёв, не раздумывая, написал рапорт об отчислении из института, а дяде Саше сообщил о своей согласии работать в контрразведке, очищать свою землю от фашистских агентов и их пособников. Об этом Лещёв написал и родителям, друзьям, и все ждали его приезда.

Вообще, Лещёв настраивал себя на новую работу, о которой мечтал еще на Западном фронте. К этому его готовили сотрудники контрразведки «СМЕРШ» Западного фронта. А тем временем на специальном факультете продолжались разброд и шатание. Тех слушателей, которые не получили назначение в военно-дипломатическую академию, возвращали по воинским частям. Особенно много слушателей возвратили в строй со знанием немецкого языка. Туда, где они были не очень нужны. Ведь они готовились для союзных комендатур в Германии!

А Лещёв тем временем ехал на новую для него работу в Кривой Рог.

РОТМИСТР

Рассказ

На второй день после прибытия в Кривой Рог Лещёв направился в МГБ, чтобы доложить о своем появлении Евдокимову. Поднявшись на второй этаж, где находился кабинет Евдокимова, Лещёв столкнулся в приемной с девушкой в форме МГБ и сказал, что он Лещёв, прибыл по вызову. Это была секретарь Евдокимова, младший лейтенант Оксана. Евдокимов, очевидно, услышал через полуоткрытую дверь разговор и вышел в приемную.

Увидев Лещёва, он обнял его и повел в свой кабинет. «Ну, рассказывай, где был, как воевал, ведь я тебя помню совсем юным». Лещёв коротко рассказал, на каких фронтах был, как воевал, особо подчеркнул свое участие в мероприятиях контрразведки СМЕРШ Западного фронта по захвату шести разведгрупп противника и в разгроме двух бандформирований. «Это все хорошо, но чтобы стать настоящим профессионалом контрразведки, нужно начинать с азов. Вначале поработаешь помощником оперуполномоченного, а там посмотрим. Сейчас у Оксаны заполнишь анкеты, проверка займет месяца три–четыре, можешь отдохнуть или куда-нибудь на работу устроиться, а пока иди, отдыхай».

Дома во время обеда отец рассказал, что на железной дороге создаются политотделы. Начальником нашего политотдела уже назначен Ерукаев, к нему можно обратиться насчет работы. Лещёв так и сделал. Там снова посадили заполнять анкеты. Ерукаев предупредил, что это номенклатура обкома партии и могут вызвать туда для беседы. После заполнения анкет Лещёв дней десять отдыхал, катался на велосипеде, читал и просто гулял по улицам.

На десятый день все шесть кандидатов на должность инструктора политотдела, во главе со старшей группы Верой Колотилкиной, сидели в большом вестибюле возле двери приемной первого секретаря обкома. На этой двери висела большая металлическая табличка, литыми буквами было написано: «Первый секретарь Днепропетровского обкома ВКП(б) БРЕЖНЕВ ЛЕОНИД ИЛЬИЧ». В это время к двери подошла женщина в строгом костюме с большой папкой в руках. Она поздоровалась и спросила, откуда мы. Ко-

лотилкина ответила ей, она пригласила всех заходить в кабинет и предложила рассаживаться на стульях вдоль стены у двери, а сама проследовала через пустой кабинет в дверь за столом. Минуты через две–три она вышла, обошла большой стол и села у приставного столика.

Вслед за ней вышел, как мы поняли, первый секретарь обкома. Он энергично подошел к столу с улыбкой на лице и поздоровался со всеми: «Ну, что, начнем слушать криворожан»? Секретарь по кадрам начала зачитывать представление на каждого кандидата. Брежнев изредка задавал вопросы, после чего говорил, что Вы утверждены инструктором политотдела. Все утвержденные оставались в кабинете для напутственного слова Брежнева. Дошла очередь и до Лещёва.

Когда секретарь по кадрам зачитала представление на Лещёва и в конце сказала, что Лещёв одновременно оформляется в органы МГБ, Брежнев поднял голову и спросил: «Так ты с нами или в МГБ пойдешь? Нам такие люди везде нужны». Лещёв ответил, что до конца проверки хотел бы в политотделе поработать, а потом перейти в МГБ. Брежнев улыбнулся своей доброй улыбкой и сказал: «Нет, так не пойдет, или — или...». А когда Лещёв сказал, что выбирает МГБ, Леонид Ильич продолжил фразу: «Тогда нам не по пути». Лещёв вышел из кабинета, чтобы обождать остальных.

На второй день после возвращения домой Ерукаев предложил Лещёву остаться в политотделе в качестве секретаря, и он согласился поработать до конца проверки. В течение двух дней он освоился с этой работой.

Незаметно прошли три месяца пребывания Лещёва в Кривом Роге. Месяц август был на исходе, урожай фруктов и овощей порадовал всех изобилием и дешевизной. В этом году на рынке или, как здесь говорят, на базаре было все. Мама старалась готовить хорошую и сытную еду, чтобы ее сын набрал вес — не хватало около десяти килограммов в соотношении с его ростом.

На следующий день после прихода Лещёва на работу в политотдел раздался телефонный звонок. Когда Лещёв снял трубку, то услышал голос Евдокимова, который, поздоровавшись, сказал, чтобы он сейчас явился в МГБ. Евдокимов поздравил Лещёва с зачислением на должность помощника оперативного уполномоченного Отдела охраны МГБ на станции Долгинцево. Далее он предложил поехать в управление и оформить все процедурные вопросы, получить удостоверение личности, проездные документы, оружие, обмундирование и снаряжение.

Через день Лещёв явился на работу в форме, с оружием в кобуре. Первым его увидела секретарь отдела Оксана, которая сказала: «Сразу видно настоящего офицера», и пропустила в кабинет Евдокимова. Тот повторил комплимент Оксаны и приказал ей пригласить к нему начальников отделений и других свободных от дел офицеров. Когда все собрались, Евдокимов представил Лещёва и попросил коротко рассказать о себе.

Лещёв начал рассказ с того, что после окончания военного артиллерийского училища, отделения АИР (артиллерийской инструментальной разведки), его направили в 9-й запасной разведывательный полк командиром учебного взвода разведки. С января 1944 года на такой же должности служил на Западном фронте. С июля 1944 года служил командиром взвода разведки 948-го артиллерийского полка 2-го Белорусского фронта. После ранения в бою и лечения в госпитале до конца войны служил командиром взвода в 56-м гвардейском полку РКК 3-го Белорусского фронта. После окончания войны был направлен в Москву в Военный институт иностранных языков Красной Армии. Вначале учился на подготовительном отделении. А после того, как его знания немецкого языка были признаны намного превосходящими программу первого курса, его перевели на второй курс спецфакультета. Это был факультет оперативного искусства (военной разведки), немецкое отделение.

«В 1948 году, в связи с сокращением армии наш институт как военное заведение тоже попал под сокращение, — рассказал Лещёв. — Слушателей с английским языком передали в военно-дипломатическую академию, а слушателей со знанием других языков направили по воинским частям, а я подал рапорт об отчислении. По совету родителей прибыл сюда, посетил руководство отдела, написал заявление, заполнил все анкеты, прошел медицинскую комиссию. И вот я перед вами, хочу работать и учиться у вас, как бороться с врагами Партии и народа».

Наконец, с разрешения Евдокимова, начальник отделения Архипов Василий Васильевич сказал: «На мой взгляд, Лещёв по всем характеристикам подходит нам, и я беру его в свое отделение». Евдокимов встал и произнес: «На сегодня хватит, в ходе работы будем знакомиться, а сейчас за работу. Скажите Оксане, пусть пришлют ко мне дежурного по отделу».

Архипов, обняв Лещёва за плечи, повел к себе, на ходу показал дверь его кабинета. У Архипова был большой кабинет с двумя окнами, в нем — два шкафа и три сейфа, большой стол с приставным

столиком и несколько стульев. Он открыл один сейф, достал оттуда связку ключей и передал в руки Лещёву. «Все это твое, от кабинета, сейфов и сундуков, сейчас посмотрим», — сказал он, и оба направились на выход. В кабинете Лещёва Архипов показал, какими ключами открываются сейфы, и ушел, сказав: «Разберешься сам, не маленький, два дня сроку на ознакомление».

В кабинете были двухтумбовый стол, покрытый зеленым сукном со стеклом сверху, шкаф для одежды, два сейфа, причем один несгораемый, и два несгораемых сундука. Лещёв начал наводить порядок. У Оксаны он взял тряпку и протер все, что было в кабинете, от пыли, затем занялся столом, чтобы знать, что где лежит. В тумбах стола он обнаружил много интересного для себя, а, может быть, и для работы.

В правой тумбе — сверху донизу — в ящиках находились фотографии разных размеров. В левой тумбе тоже были и фотографии, и фотопленка — разных размеров и от разных фотоаппаратов, как от катушечных, типа «Лейки», так и от пластиночных, то есть, которые фотографируют на стеклянные пластины в специальных кассетах. Лещёв разложил по размерам и характеру экспонированных кадров пленку и готовые фотографии. Для этого он у Оксаны попросил разных размеров конверты и пакеты, а также писчей бумаги. Лещёв предполагал, что все это может быть источником информации.

Далее он занялся сундуками и сейфами. В несгораемых сундуках хранились большие книги-ориентировки с разыскиваемыми агентами абвера. В другом сундуке и несгораемом сейфе тоже хранились ориентировки на вражеских агентов, разыскиваемых другими органами МГБ. В четвертом сейфе находились материалы и дела по текущей работе. Вот на нем и остановил свое внимание Лещёв.

Здесь были, как говорят в кругу «своих» сотрудники МГБ, дела оперативного учета. Под руку попало дело на Городецкого Юрия. Из материалов дела было видно, что он агент немецкой разведки, предал три комсомольско-молодежных группы, численностью семьдесят пять человек, все расстреляны. Место нахождения неизвестно. Затем Лещёв полистал дело на начальника полиции Андрияненко Ивана Яковлевича и дела на других разыскиваемых преступников, отдельные агентурные записки, протоколы допросов и другие материалы.

За два дня Лещёв не только прочитал, но и изучил все материалы рабочего сейфа, здесь сказалась институтская привычка все

изучать досконально. Он четко представлял картину первых дней оккупации города Кривой Рог. Выглядела она так.

Шел июль 1941 года. Немецкие войска группы армий «Юг» планомерно двигались на восток. На их пути — важные промышленные центры, а там и Кавказ, главная цель их похода. Танковые колонны армии Манштейна обходили промышленные города и спешили на восток, не встречая сопротивления советских войск. Со стороны запада от районного центра Пятихатки в город Кривой Рог вела только одна асфальтированная дорога. Вот по ней и двигались немецкие войска на большегрузных дизельных грузовиках прямо к центру города. Их, как всегда, сопровождали бронетранспортеры и мотоциклы.

Другая такая же колонна охватывала город с южной стороны. В центре города, на улице Ленина, напротив кинотеатра их встречали хлебом и солью местные сторонники немцев, которые организовали маленький митинг, где восхваляли новый немецкий порядок и демократию. Первое время немцы вели себя относительно демократично.

На второй и третий день их пребывания во всех районах города были организованы сходы, на которых избирали старост, сотских, десятских и полицию. Такой же сход прошел и в Долгинцево. На большой базарной площади была построена трибуна, убраны лишние лотки и прилавки и установлены радиорепродукторы, чтобы все слышали выступающих.

Народу было много. Везде развешаны немецкие флаги, трибуна украшена цветами, стол на ней накрыт синим полотном. Все ждали начальство, представителей военной и гражданской администрации города. Наконец, со стороны города показалась группа автомашин, которая остановилась недалеко от трибуны. Навстречу им вышли пять мужчин и две женщины, преподнесли хлеб-соль, а на отдельном подносе — водку. Гости выпили по рюмке водки, поднялись на трибуну, где расселись за столом.

Открыл сходку помощник военного коменданта города, подполковник, который на плохом русском языке представил гостей. Он сказал, что здесь присутствуют всенародно избранный, по-нашему, бургомистр города или голова, его заместители, начальник полиции и другие руководители. «Вам также предоставляется возможность избрать свою власть в поселке, — сказал он. — Кроме всего, мы добровольно приглашаем молодых жителей на учебу и на любую работу в Германию, как у вас говорят, «милости просим».

Затем выступил голова города, как его представили, пан Серко. После восхваления и благодарности немцам он сразу приступил к выборам, говорил он на украинском языке: «На должность старосты рекомендуется пан Терещенко. Вот он перед вами». Все закричали: «Знаем, знаем, он наш человек, голосуйте». Таким же путем, кроме старосты, избрали десять сотских и около двух десятков десятских. Терещенко заявил, что остальных доизберем после, на сходах улиц. А сейчас нужно избрать начальника полиции.

«Есть одна кандидатура, это пан Андрияненко Иван Яковлевич, — сказал Терещенко. — Он больше всех пострадал от жидобольшевистской власти. Его и в тюрьмах держали, и по работе притесняли, это хорошая кандидатура». Начальника полиции тоже избрали. После этого городские власти уехали, а сход продолжался. Андрияненко со своей свитой ушел организовывать полицию. Он решил занять двухэтажное здание возле вокзала. Это здание было ограждено высоким забором, имело большую территорию, садик, двор и много подсобных помещений. Было место и для гаража, и для конюшни. Он также приказал обойти бывшие советские учреждения и изъять автотранспорт и все, что нужно для оборудования помещения полиции — мебель и вещи. Все это он поручил новому коменданту Гринько.

Своему заместителю Воропаеву он дал задание выявить оставшихся коммунистов, вожakov комсомола, найти и доставить в полицию секретаря узлового комитета комсомола Городецкого и человека три активных комсомольцев: «Бери несколько полицейских и действуй, соблюдая пока демократию и вежливость», — сказал он.

Пока Воропаев с двумя полицейскими искали по поселку коммунистов и комсомольцев, комендант полиции Гринько переоборудовал КПЗ (камеру предварительного заключения). По указанию Андрияненко он отремонтировал все четыре камеры, установил новые решетки на окошках, под потолком. Поставил на дверях с помощью кузнеца службы пути новые замки с засовами. Одним словом, сделал все, чтобы будущие задержанные не сумели убежать. Привел в порядок место для надзирателя и часового. У самого входа отремонтировал и обставил нужной мебелью комнату для следователя. Здесь же он прибил к полу длинную скамейку с кольцами для наказания задержанных и других лиц шомполами.

После обеда появился Воропаев с пятью задержанными комсомольцами. Это были секретари комсомольских организаций: локомотивного депо — Зозуляк, вокзала — Пащенко, связи — Зыкин,

секретарь из НОДа (это отделение железной дороги) Бабенко и секретарь узлового комитета комсомола Городецкий. Их всех поместили в большую камеру, и Андрияненко начал по очереди вызывать к себе в кабинет, как указано в деле, для ознакомительной беседы.

Из этой беседы начальник полиции сделал вывод, что самой сильной фигурой в волевом плане является Зозуляк. Самый авторитетный, которого все слушаются и доверяют ему, это Городецкий Юрий, хотя, по мнению Андрияненко, он не обладал сильной волей и был слабаком. Сделав такой вывод, Андрияненко ушел обедать.

Вечером начальник полиции продолжил допрос задержанных. Первым вызвал Зозуляка. Для острастки поругал, советовал никаким баловством не заниматься и честно работать. Вторым привели к нему Городецкого. Андрияненко сразу спросил: «Хочет ли жить на белом свете Юрий Городецкий? Жизнь надо заслужить. Вот стоит палка с заостренным концом, кроме всего, она толстая, снимай брюки и трусы, сейчас она войдет в твою задницу». Городецкий сидел бледный, губы и руки у него дергались, он дрожащим голосом пробормотал на украинском языке: «Дядечка, вы скажите, что нужно, я все сделаю, я очень хочу жить на белом свете, только не нужно этой палки». «Вот и хорошо, — сказал Андрияненко, — только не будь таким нюней, ты мне нужен сильным и смелым, чтоб за тобой шли все пацаны, а сейчас садись за стол и пиши».

Городецкий сел за стол и под диктовку Андрияненко написал подписку о сотрудничестве с немецкими властями, и подписал ее настоящим именем и фамилией, поставил число, а также, по указке Андрияненко, псевдоним «Гора». После этого Андрияненко провел инструктаж, рассказал, как себя вести, и они договорились о способах связи. Городецкого отправили в камеру, где он уже действовал как агент. Остальных он вызывал для вида, ругал, угрожал шомполами, чтоб не баловались, как он говорил, затем приказал всех выгнать, ругал полицейских за то, что привели ненужных хлопчиков, а коммунисты гуляют на свободе.

Так прошел первый день нового начальника полиции Андрияненко Ивана Яковлевича. Довольный работой, он ушел домой.

Прошло более двух недель, как город и железнодорожный узел жили под немецкой оккупацией. Немцы из кожи лезли, чтобы понравиться населению и получить его поддержку. Они раз-

решили частную торговлю, и все виды сферы обслуживания тоже стали частными. Многим машинистам паровозов и другим лицам ведущих профессий вручили карманные часы фирмы «Буре» и другие подарки.

Умудрились набрать добровольцев на работу в Германию и отправили их в классных пассажирских вагонах, под грохот духовых оркестров. Все это было зафиксировано на фото пленке нашими подпольщиками.

Подпольщики и молодежь бойкотировали мероприятия немцев и их пособников. Ежедневно на рынке и в других массовых местах стали появляться листовки. В них и на словах молодые подпольщики объясняли, что «добровольная» отправка молодежи в Германию — это дорога в рабство.

У них уже был радиоприемник и пишущая машинка. Их ребята нашли в школе № 26. В листовках была правдивая информация о настоящей жизни в СССР. Молодежная группа Зозуляка похитила несколько башмаков для торможения вагонов и переоборудовала их для схода вагонов с рельсов. Первое испытание хитрого башмака провели на станции Мудреная. Тогда там сошло с рельсов четыре вагона, движение поездов было задержано на четыре часа. Это уже кое-что.

Жора Кожакин с одним девятиклассником, обходя дороги между кукурузными полями, по которым отступали наши войска, нашел две гранаты РГД и одну Ф-1, это советские гранаты, а также два штыка от советских винтовок. Эти находки они спрятали в огороде за угольным складом, где проживала слегка тронутая умом баба Марьяна. На второй день ребята снова пошли искать оружие. Возле каменного карьера, заполненного водой, наши отступающие части, очевидно, останавливались на привал. Это было видно по окуркам самокруток, консервным банкам и другому мусору. Здесь Кожакин и его напарник нашли советский ручной пулемет Дегтярёва и два диска с патронами к нему. За камнем в траве Жора нашел немецкий пистолет «парабеллум» с патронами. Этот пистолет, очевидно, выпал из кармана сидящего на камне бойца. Пулемет ребята припрятали до вечера, а остальное взяли собой и спрятали в своем укрытии в огороде бабы Марьяны.

О находках они рассказали только Зозуляку. Тот сразу сказал, что, когда будут проходить немецкие эшелоны в ночное время, можно и пострелять по немецким солдатам. Когда Кожакин перенес пулемет в укрытие, Зозуляк приказал, чтобы днем ребята выбрали закрытое место, откуда можно стрелять из пулемета по эше-

лону. «Сегодня и проведем эту операцию», — сказал он. Ребята определили, что большая часть немецких эшелонов идет через станцию Кагановичи в сторону Запорожья, а далее — на восток.

Ближе к вечеру ребята выбрали подходящее место. Это была яма в лесопосадке со стороны поля, в ста пятидесяти метрах от пути. Около станции Долгинцево установили пост, который должен был подтвердить, что следует подходящий эшелон и дать сигнал пулеметчикам. В двенадцать ночи Кожакин и Зозуляк со стороны станции увидели световую отмашку и услышали шум поезда. Когда эшелон поравнялся с укрытием, открыли огонь по вагонам, где были видны немцы. Они успели выпустить только один диск, как поезд стал тормозить, и немцы открыли ответный огонь из стрелкового оружия.

Кожакин и Зозуляк, подхватив пулемет, углубились в лесопосадку. Там они спрятали пулемет и разошлись в разные стороны, чтобы добраться до своего жилища. Как только прошел поезд, Зозуляк перешел железнодорожные пути и оказался в поселке, почти дома. Жора Кожакин пошел кукурузным полем, перешел железную дорогу на Днепропетровск и на окраине поселка переночевал у знакомого парня в сарае на сеновале. Ночь прошла спокойно.

Утром на месте обстрела немецкого эшелона было много народу, человек десять полицейских, во главе с заместителем начальника полиции Воропаевым, и еще больше немцев, а главное, немецкий солдат с овчаркой. Немцы ругали Воропаева за плохую работу полиции. По их словам, в эшелоне было убито восемь солдат и подожжена автомашина. Немцы никаких следов бандитов, как они говорили, не обнаружили, но овчарка быстро взяла след Кожакина, и за ней на двухколесном экипаже, который на Украине называют бедкой, двигался Воропаев с винтовкой на коленях. Жора поздно услышал звук его экипажа.

Он выскочил из сарая и кинулся в гущу кукурузного поля, солдат отпустил овчарку, и та кинулась за Жорой. Улучив момент, Кожакин выстрелом из пистолета убил овчарку и продолжал углубляться в заросли кукурузы. Воропаев, видя, что беглец уходит, остановил лошадь, поднялся на сидение и стал стрелять по убегающему. Воропаев сделал уже три выстрела, но Жора продолжал бежать. Только четвертый выстрел достал отважного Жору Кожакина.

Между тем, Андрияненко вызвал Городецкого, выругал его последними словами по поводу запоздалой информации, сказав, что за два дня до террористического акта он должен знать все. «К вече-

ру я должен знать весь состав группы Зозуляка и Кожакина, где что лежит, имеется ли еще оружие и где собираются члены этой группы», — сказал он. Городецкий ответил, что собираются они у бабы Марьяны, там хата большая, а живет она одна за угольным складом.

Только ушел Городецкий, Андрияненко послал полицейского на бедке-двуколке за бабой Марьяной. Через час она сидела в кабинете следователя в КПЗ и весело болтала на украинском языке о ценах на базаре. Следователь, угрюмый и хмурый человек в форме полицейского, методично, согласно протоколу, задавал вопросы. Она на украинском языке твердила одно, что зовут ее баба Марьяна, ее хата возле угольного склада, локомотивного депо, сколько ей лет она не помнит, где родилась — не знает.

В это время вошел Андрияненко. Он обругал ее нецензурными словами. После этого сказал: «Сейчас ты все скажешь, старая ведьма». Он окликнул кого-то, и из коридора явился полицейский, который привязал бедную женщину животом вниз к скамейке, юбку натянул на голову и шомполом стал бить по ее тощим ягодицам. Та несколько раз вскрикнула, а потом завизжала нечеловеческим голосом. Не развязывая ее, Андрияненко спросил, кто ходит к ней, но она молчала, он тронул ее за голову, голова безвольно сползла на край скамейки. Андрияненко приказал быстро отвязать ее от колец скамейки, положить на скамейку возле КПЗ и вызвать врача.

Врач-женщина зафиксировала смерть от болевого шока. Андрияненко попросил ее прислать какой-либо транспорт и отвезти женщину в морг больницы. Та молча согласилась.

Часа через два явился Городецкий, который принес список подпольщиков группы Зозуляка, там было двадцать шесть человек, в том числе две девушки. В списке было десять деповских ребят, остальные — старшеклассники 26-й школы. По словам Городецкого, сегодня в десять вечера они должны были собраться в хате бабы Марьяны. Андрияненко сказал Городецкому, чтобы и он был там: «Нельзя отделяться от ребят, а то они плохо подумают о тебе».

Андрияненко договорился со своим другом, немцем, начальником СД (службы безопасности района) Альфредом, который выделил две автомашины для перевозки арестованных. В одиннадцать часов вечера Андрияненко со своими полицейскими подъехали к дому уже мертвой бабы Марьяны на этих машинах. Полицейские окружили дом, арестовали всю группу комсомольской молодежи и увезли одну машину с арестованными в полицию района, в том числе и Городецкого, а человек десять оставили в своем КПЗ. Нача-

лись допросы, пытки комсомольцев. Ребята быстро вычислили агента-provokatora и предателя Городецкого и хотели удушить его, но надзиратели быстро выхватили его из камеры. По приказу Андрияненко его перевели в КПЗ полиции в Долгинцево для внутрикамерной разработки молодежи. По приказу коменданта города Кривой Рог вся эта группа была расстреляна, кроме Городецкого, ему устроили побег. Весь избитый, он вернулся в Долгинцево, и среди молодых комсомольцев, которых называли пацанами, выглядел героем. Невзирая на тяжелые потери, комсомольцы продолжали борьбу против оккупантов и их пособников.

Группа Ивана Ревенко и Толи Зыкина, за спиной которых стояло по десять–пятнадцать комсомольцев, задумали более крупную операцию. Между станциями Мудреная и Карнаватка через реку Саксагань проложен железнодорожный однопролетный металлический арочный мост. Они решили его взорвать. Возле шахт Артема и Дзержинского находятся шахтные дворы, которые охранялись немцами. Там в деревянных сараях хранились толстые цилиндрические шашки, в народе их называют бурками, бикфордов шнур, взрыватели, взрывчатка в порошке и другое имущество. В ночное время двор охраняли собаки, а днем только часовой у ворот со шлагбаумом. Пацаны сделали лаз через ограду и в стене сарая. За короткое время они уже натаскали десятка три бурок, пять метров бикфордова шнура и четыре взрывателя. Все это богатство хранилось в домашних кладовках Ревенко и Зыкина. По их расчетам, нужно было еще десятка два бурок. Так как на мосту взрывчатку заложить было невозможно (мост охранялся часовыми), они решили сбросить заряд взрывчатки с последнего вагона пригородного поезда.

Разгуливая по Дзержинскому району, Городецкий встретил знакомых ребят и начал их упрекать в бездеятельности. «Вот я готовил нападение и обстрел немецкого эшелона, мне сильно досталось от немцев, но я не падаю духом», — говорил он. Это были ребята из группы Ревенко, и они ответили: «Мы тоже в дураках не ходим. С шахты Артема десятка два бурок стащили». Городецкий ответил: «Это уже дело», и ушел, как бы в магазин, а сам быстро поехал автобусом к Андрияненко, чтобы доложить полученную информацию.

Андрияненко сразу позвонил своему другу из районного СД немцу Альфреду и попросил взять под наружное наблюдение руководителей комсомольских организаций Ревенко и Зыкина, которые жили в одном подъезде, в железнодорожном доме. Сам Анд-

рияненко с четырьмя полицейскими тоже поехал к месту жительства Ревенко и Зыкина для возможного перехвата, как он всегда говорил, пацанов со взрывчаткой.

В это время по железнодорожным путям, со стороны шахты Артема быстро шли два подростка. Когда они поравнялись с деревьями возле помещения станции, дорогу им преградили два человека в штатском и повели к автомашине, которая стояла за кустами, при этом ощупывая их карманы и одежду вокруг туловища. У каждого из них, как говорят в народе, за пазухой, было по четыре цилиндрические толстые шашки, которые тут же были изъяты, а ребята упрятаны в автофургон и отвезены в КПЗ района.

На второй день, еще до прибытия пригородного поезда, когда, по замыслу комсомольцев, можно было бы сбросить взрывчатку с последнего вагона поезда на мост, Андрияненко с полицейскими были уже там, недалеко от дома Зыкина и Ревенко. Часть наряда полиции расположилась в районе последнего вагона прибывающего поезда. Толя Зыкин с мешком, в котором была взрывчатка, и Ревенко, не подозревая о засаде, за пять минут до отправления поезда вышли на крыльцо дома с двумя молодыми парнями, осмотрелись и направились к последнему вагону поезда. На полпути к поезду они мгновенно были окружены полицейскими в штатском и работниками службы СД. Один из парней пытался выхватить гранату, но мгновенно был сбит с ног и скручен.

Их быстро погрузили в автомашины и доставили в бывший соцгород, в районную службу СД. Это тоже было предательской заслугой Городецкого, агента Андрияненко. Дней через десять в местной ежедневной газете было опубликовано сообщение о том, что немецкой службой безопасности совместно с украинской вспомогательной полицией была ликвидирована большая группа советских террористов в составе двадцати человек. У преступников было изъято около сорока килограммов взрывчатки, оружие и боеприпасы.

Прошло больше полгода с тех пор, как город жил под немецкими оккупантами. Некоторым это нравилось, в первую очередь, спекулянтам и разным дельцам. Другие с хмурыми лицами делали покорный вид и работали, чтобы как-то прокормить семью, детей. Третьи чувствовали себя, как и прежде, хозяевами своей земли, радовались разгрому немцев под Москвой, успехам битвы под Сталинградом и сами готовили новые удары по немецкой администрации, чтобы причинить урон врагу.

Грамотная группа комсомольских работников во главе с Бабенко, Пащенко, Онойко и Громовым продолжала действовать. У них была печатная машинка, на которой девочки из железнодорожной школы печатали листовки с информацией о ситуации на фронтах и распространяли их. Ребята из рабочей молодежи готовили холодное оружие и вагонные башмаки для принудительного схода вагонов с пути. Показная немецкая «демократия» закончилась, немцы большими партиями стали ловить неработающих парней и девушек, особенно из школьной молодежи, и угонять в Германию. Чтобы как-то сбить темпы угона молодежи в Германию, подпольщики сожгли контору старосты поселка со всеми списками, которые предоставили сотские. Городецкий пока не знал об этой группе, так как находился в Днепропетровске, где был подсадной уткой в областной тюрьме.

Был конец февраля 1942 года. Через неделю после поджога управы немцы нашли труп немецкого майора, начальника снабжения железнодорожной администрации. Он был убит ножом, а затем утоплен в глубоком, незамерзающем ручье за пределами поселка (более километра от него), на пути к заводу.

Этот рискованный шаг ради приобретения оружия совершили трое самых сильных в поселке парней — Громов, Петухов и Онойко. Они выследили майора поздно вечером, когда он возвращался домой, и уничтожили. У него на поясе шинели был пистолет «парабеллум», а в кармане брюк был и другой пистолет, «вальтер». Уже мертвого, они завернули его в брезент, и на руках по железнодорожным заводским путям донесли до ручья и бросили его в воду. Снега не было, и они свой маршрут обработали соляжкой, а возле административного здания — табаком и перцем.

Немецкие криминалисты быстро вычислили место убийства майора, зафиксировали кое-какие следы, взяли образцы соляжки и приступили к поиску. Из Днепропетровска прибыл Городецкий и тоже включился в предательское ремесло. У него были свои пацаны, которые помогали ему. Среди них выделялся Николай Галушка, племянник его матери. Через них он узнал, где имеется такая соляжка, где собираются комсомольцы, якобы для репетиций. Это было в клубе, в комнате для репетиций, и на квартире Пащенко, где хранились дорогие музыкальные инструменты и ноты. Всю собранную информацию Городецкий немедленно передал Андрияненко. А тот не стал на этот раз делиться информацией с немцами. В вагонном депо он негласно взял образцы соляжки. В клубе и возле дома Пащенко установил посты наблюдения

На второй день вся эта группа в количестве двадцати восьми человек была арестована и помещена в КПЗ района и города. Особые пытки за убийство немецкого майора применяли к Петухову, Онойко и Громову. Через шесть дней всю эту группу тоже расстреляли. Это было последнее предательство Юрия Городецкого. Затем он пропал.

На третий день после разговоров с Архиповым Лещёв явился к нему со своими предложениями и планом действий. Архипов был в хорошем настроении и с охотой слушал Лещёва. В первую очередь тот изложил свой план розыска начальника полиции Ивана Яковлевича Андрияненко и его агента Юрия Городецкого.

С учетом имеющихся материалов необходимо было провести агентурно-оперативную комбинацию, суть которой должна была сводиться к посещению дочери Андрияненко нашим человеком с фотографией ее отца и беседе по специально разработанной легенде. Для осуществления всего этого Лещёв попросил разрешения на оборудование фотолаборатории в бывшей душевой комнате. Наличие фотографии нашего человека с ее отцом должно было стать главным фактором в достижении цели.

По первому вопросу Архипов обещал помочь и сказал, что можно приносить свою аппаратуру. Затем Лещев спросил разрешения завербовать работника почты, бывшую сожительницу ротмистра Калмыцкого национального легиона, с помощью которой можно будет получать нужную информацию. «Завтра вечером я приглашаю ее к себе на беседу», — сообщил Лещёв. Архипов сказал, что тоже хочет познакомиться с ней. «Когда придет она, пригласи и меня. Вместе вести беседу удобней», — произнес он.

В этот же день комендант отдела Ващенко с помощью работников НГЧ (строительной организации) оборудовали фотолабораторию, поставили хороший стол, над ним установили две электророзетки, полностью затемнили окно, на дверь повесили черную штору, врезали новый замок.

После обеда Лещёв купил все химические препараты для фотографирования, а также перенес в лабораторию нужную фотоаппаратуру. С разрешения Архипова сделал снимок Анатолия Шияна, который должен был участвовать в оперативной комбинации. Необходимую посуду, банки и бутылки из темного стекла Лещёв принес из дома. Для завершения этой темы Лещёв сфотографировал Анатолия Шияна в полный рост со вспышкой и при дневном свете.

После этого он написал и оформил, как положено, повестку — подписи, печать — и направился на почту, чтобы вручить ее Казак Анастасии Ивановне. Все получилось удачно. Когда Лещёв разговаривал по телефону с Москвой, мимо проходила Казак, он и вручил ей повестку без лишних глаз.

На второй день Лещёв занимался документами. Он установил двух разыскиваемых преступников, объявленных во всесоюзный розыск, которые проживают в сфере его обслуживания. Необходимо было написать запросы инициаторам розыска, чтобы они направили фотографии для проведения опознания и возможного ареста преступников. Далее он подготовил материалы на работника почты Казак, которые можно использовать в вечерней беседе.

В лаборатории он с помощью кипятильника подогрел воду, приготовил проявитель и закрепитель, после чего сделал три репродукции с фотографии, где был изображен Андрияненко. Репродукции получились удачными. Пока они сохли, Лещёв проявил и закрепил пленку с Анатолием Шияном и тоже повесил сушить.

После восьми вечера явилась Анастасия Петровна Казак. В такой ситуации человек обычно волнуется, чтобы сбить это волнение, Лещёв поговорил с ней на общие темы, об урожае фруктов, о ценах на рынке. Поинтересовался возможностью ее сотрудничества с органами МГБ. Она спокойно ответила, что будет рада помочь органам и что нужно, все сделает. Лещёв предупредил, что его начальник тоже хочет познакомиться с ней, и пригласил его.

Архипов в своей манере, то ли в шутку, то ли всерьез, начал задавать вопросы о ее личной жизни и слегка смутил ее, затем спросил о ее возможностях оказывать помощь органам МГБ. Казак спокойно ответила, что у нее возможности, можно сказать, неограниченные. Она работает на сортировке почты, как исходящей, так и входящей. Ее сестра Клавдия Ивановна — начальник почты. Как понял Лещёв, Архипов беседой остался доволен и вскоре ушел. Лещёв еще немного побеседовал с ней, в основном, о ее родственниках, которых нужно проверять. Заранее рассказал ей о способах связи, назвал адреса, которые надо держать под контролем.

Почему Лещёв свой выбор остановил на А. П. Казак? Это было видно из документов. Когда немцы были под Сталинградом, она являлась сожительницей ротмистра Калмыцкого национального легиона, русского офицера казачьих войск Шмеля. При отступлении немцев он был убит, а Александра Петровна убежала к родной сестре, на станцию Долгинцево, где и осталась жить.

Закончив оформление материалов на А. П. Казак, Лещев вплотную занялся оформлением материалов на розыск Андрияненко. В первую очередь, он начал составлять оперативную комбинацию по посещению дочери Андрияненко, проживающей в поселке, нашим человеком с фотокарточкой, которую он уже смонтировал, то есть сделал фотомонтаж. Согласно указанию руководства, он приготовил фотомонтаж для направления в НТО (научно-техническое отделение), где его состарят, чтобы он соответствовал тому времени. Одновременно будет сделана надпись почерком Андрияненко, согласно легенде.

Прошло дней десять. Из управления прибыли документы, все предложения были утверждены. В кабинет Архипова был приглашен Анатолий Шиян, исполнитель роли друга Андрияненко, для ознакомления с легендой и линией поведения при посещении дочери Андрияненко — что говорить о себе и другие моменты. Архипов решил оперативную комбинацию начать завтра, с прибытием поезда из Ворошиловграда.

В этот же день после обеда Шиян рассказывал ход операции. Прибыв на Больничную улицу, дом 13, он увидел женщину средних лет, которая, как принято на Украине, белила хату белой глиной. Он поздоровался на украинском языке (все диалоги велись по-украински) и спросил: «Можно ли видеть Марфу Ивановну, дочь моего друга»? Хозяйка ответила, что если бы я знала кто Вы, то, может быть, и сказала. Толя в свою очередь сказал, что он не может на всю улицу кричать, кто он. Хозяйка дома спустилась по лестнице на землю, вытерла руки о подол фартука и пригласила гостя во двор.

Далее Шиян взял инициативу в свои руки. Он сказал: «Я знаю, вы Марфа Ивановна, Ваш отец Вас точно описал. Чтобы не было лишних вопросов, лучше посмотрите эту фотографию. Мы обменялись фотографиями в Германии при расставании». Хозяйка засуетилась и скорее повела гостя в дом, все время причитая: «Какая радость, какая радость, а я держу такого человека на улице». В доме она предложила снять пальто и садиться, где понравится. Она положила фотографию на тумбочку, а сама стала накрывать на стол. За столом выпили за встречу, Шиян рассказывал, как они с остатками полиции бежали — вначале в Румынию, а затем в Германию, под Берлином расстались.

После второй стопки Хозяйка снова взяла в руки фотографию и стала ее целовать, приговаривая: «Ой, папочка, как ты изменился!

А как трудно ему сейчас, он болеет и лежит в больнице в Кенигсберге. Он сменил документы на мамину фамилию, и живет, как беженец, угнанный в Германию». Толя потом рассказывал, что сидел, как на иголках, ожидая повода для ухода из этого дома.

Обращаясь к хозяйке, он сказал: «Рад, что принес, хоть и небольшую, но радость для Вас. Но я ограничен во времени, необходимо повидаться с друзьями в Кривом Роге. Потом, может быть, махну в Калининград, так сейчас называется Кенигсберг, там более безопасно». Толя обнял хозяйку, сказал ей, чтобы она держалась и ждала, и поспешил на вокзал. Перейдя станционные пути, он зашел за будку и минут пять постоял, проверяясь, не идет ли кто по его следу, пошел к рынку, только после этого направился в отдел, доложить о проведенной операции.

В кабинете Архипова Шиян составил рапорт о проведении оперативной комбинации по установлению места нахождения начальника полиции И. Я. Андрияненко. На основании этих данных Евдокимов распорядился направить в Калининград шифрограмму об аресте Андрияненко (он же, Курило Иван Яковлевич) и этапировании его в наше распоряжение.

В ожидании прибытия Андрияненко Лещёв закончил рапорт о реализации розыскного дела на него. В это же время из управления поступило разрешение на вербовку Казак. Это мероприятие было проведено по всем правилам, она стала работать под псевдонимом «Приз». В этот же день от «Приза» поступило сообщение, что в адрес родственника Городецкого Глушко Николая, проживающего на Вокзальной улице, 49, поступило письмо из США. Отправителем письма был Юрий Городецкий, проживающий в штате Аризона, город Тусон. Вместо адреса какие-то наклейки и цифры, конверт сделан так, что распечатать его не было возможности. Лещёв на карте США нашел город Тусон, это на самой границе с Мексикой, и подумал, как трудно оттуда заманить Городецкого в Советский Союз.

Лещёв уже более восьми месяцев являлся сотрудником МГБ на станции Долгинцево. За это время он разыскал и передал в военный трибунал дела на пять полицейских и других пособников немцев, разработал агентурно-оперативную комбинацию по розыску начальника полиции и установил место пребывания его лучшего агента Юрия Городецкого, провел и другие оперативные мероприятия. Очевидно, это было замечено руководством.

В этот же день Лещёв был вызван к Евдокимову, который поздравил его с присвоением звания старшего лейтенанта и с повы-

шением в должности. Теперь он стал оперуполномоченным. Лещёву предложили сфотографироваться в форме старшего лейтенанта и на следующий день поехать в управление для замены удостоверения. В обеденный перерыв Лещёв прикрепил к погонам на кителе третью звездочку и сфотографировался в ателье на рынке.

В МГБ был своеобразный распорядок. Рабочий день начинался в десять утра и без перерыва продолжался до пяти вечера, затем с пяти до восьми перерыв, а с восьми вечера до двенадцати, а то и до часу ночи, снова продолжалась работа. Поэтому «обмывать» звездочки в служебном помещении было не принято, и вообще в этом здании никогда не было спиртного.

Единственный праздник, который отмечался всем коллективом, был День ВЧК. Отмечали его в Красном уголке службы пути, который располагался в соседнем здании, рядом с рестораном вокзала, где готовились заказанные блюда. В этот же день «обмывали» и звездочки, и ордена, и другие награды.

Через два дня после возвращения Лещёва из управления прибыл вагон-зак (вагон для перевозки арестованных), который, наконец, доставил Андрияненко в распоряжение органов госбезопасности. По приказу Евдокимова, перед тем, как поместить его в КПЗ и проводить следственную работу, необходимо было сводить его в душ, сменить белье, побрить, продезинфицировать его одежду и накормить.

Через три часа Андрияненко сидел в кабинете Архипова на прибитом к полу табурете. Вопросы задавал Архипов, а протокол вел Лещёв. На поставленные вопросы доставленный дал следующие показания: «Моя настоящая фамилия Андрияненко Иван Яковлевич, родился в городе Чернигове в 1885 году. В период войны остался на оккупированной территории, на станции Долгинцево, служил начальником полиции. При отступлении немецких войск, боясь ответственности за совершенные преступления, бежал с немцами, в частности, с сотрудниками СД. Несколько месяцев жил в Берлине под опекой этих сотрудников. Позже, когда советские войска подходили к Берлину, они переправили меня в Восточную Пруссию и помогли оформить паспорт на другую фамилию, фамилию жены. По поддельному паспорту я стал Курило Иван Яковлевич».

Архипов задал вопрос: «Почему служба СД опекала Вас?» Андрияненко ответил так: «Еще в городе Кривой Рог, когда я был начальником полиции, меня несколько раз вызывали в городской отдел

СД, где я заполнил несколько анкет. Офицер СД, проводивший эту процедуру, объяснил, что каждый начальник полиции на территории, взятой немецкими войсками, одновременно является агентом четвертого отдела гестапо. На обложке моих анкет типографским способом было отпечатано: четвертый отдел РСДХ, которым руководил Мюллер, я видел эту запись. Периодически меня вызывали в СД, где я давал письменные характеристики на украинских руководителей, которые были на службе у немцев и на немецких руководителей, как они служат фюреру».

После этого Андрияненко сказал, что понесет любое наказание за совершенные им преступления и готов сотрудничать со следствием по любым вопросам, как в отношении себя, так и в отношении других лиц, работавших в его подчинении. Архипов вызвал конвой для доставки Андрияненко в КПЗ, где у него взяли отпечатки пальцев. Дактилоскопическая экспертиза подтвердила, что отпечатки пальцев принадлежат Андрияненко Ивану Яковлевичу. Два последующих дня Андрияненко писал собственноручные показания о своей жизни и преступной деятельности, в которых он более подробно описывал свою жизнь.

Повторяясь, он писал, что в Чернигове, где он родился, отец был начальником жандармерии, и в гимназии учителя относились к нему с уважением, и иногда ставили завышенные оценки. Это объяснялось положением отца в городе. Среди ровесников все было наоборот. Его не любили за то, что его отец был главным жандармом города, дразнили, а иногда и били, как говорят, «втемную», он и не знал, кто его бил. Он рос злобным и мстительным, и если ему где-то в безлюдном месте попадался знакомый подросток, он избивал его беспощадно. Так протекало его детство в Чернигове, в городе, куда он больше не вернется.

После окончания гимназии отец отвез его в Петроград и устроил в специальный кадетский корпус, где обучали военному делу и профильным дисциплинам по уголовному и политическому сыску, а также умению перевоплощения, игре на музыкальных инструментах и машинописи, которой он научился еще в Чернигове, просиживая часами за пишущей машинкой в кабинете отца. Кадетский корпус он окончил с отличием и был направлен в городское отделение жандармерии на должность филера (это сотрудник наружного наблюдения, ведущий слежку за неблагонадежными лицами). За успешную и результативную службу филера через год его направили на Главные курсы жандармского корпуса в России. Через два года после окончания курсов его взяли на работу в управ-

ление жандармерии города и назначили на должность заместителя начальника отделения по надзору за содержанием политзаключенных. Со слов Андрияненко, сам он проявлял большое старание в этой службе, и через два года получил чин ротмистра и направление на самостоятельную работу в город Новосибирск.

Являясь начальником жандармерии такого большого города, он честно и добросовестно исполнял свой долг. Правда, не без корысти поддерживал контакты с грамотными ссыльными. Он через них изучал структуру партий, формы и методы конспирации. Приглашал на беседы лидеров, получая через них нужную информацию на других. Так было до 1917 года. Уже весной того года Император отрекся от престола. За власть боролись около десятка партий, было создано Временное правительство, ссыльные самовольно оставляли ссылку и бежали в города.

После 25 октября стали появляться разные советы, ревкомы, реввоенсоветы. Андрияненко не знал, что делать в этой ситуации, у него в подчинении было более тридцати жандармов разных рангов. Кому служить, кому подчиняться? Один умный ссыльный посоветовал сдать власть, какая сейчас в городе — если что, он поможет. В этот же вечер Андрияненко уничтожил все данные на агентуру, которая работала среди ссыльных, уничтожил и другую секретную документацию. На пишущей машинке отпечатал справку, что он, Андрияненко Иван Яковлевич, 1885 года рождения, уроженец Киевской губернии, с 1912 года отбывал каторгу, а потом ссылку, сейчас возвращается на родину. Просьба властям оказывать помощь в проезде, устройстве на работу. Подписано председателем Новосибирского Ревкома. Затем вызвал своих заместителей и приказал, чтобы завтра к девяти утра весь личный состав жандармерии в форме и с оружием был на службе.

На следующий день утром к зданию городского Ревкома подошел отряд жандармов во главе с Андрияненко. Оставив отряд на улице, он вошел в помещение Ревкома, спросил: «Кто здесь главный?» Человек в кожаной куртке и такой же фуражке сказал, что он председатель Ревкома. Тогда Андрияненко приложил руку к головному убору, доложил, что Новосибирская жандармерия добровольно сдается новой власти и признает ее. Что прикажете делать? Председатель Ревкома сказал: «Сдавайте все оружие и идите на все четыре стороны. Егоров и Привалов, примите оружие и ключи от здания, пусть о нас не думают плохо». Андрияненко первый снял все снаряжение с оружием, шашкой, револьвером с кобурой и запасными патронами, положил под ноги председателю Ревкома.

Все жандармы последовали его примеру. Через час Андрияненко был у себя на квартире, переоделся в поношенную одежду и пошел к знакомому ссыльному с квартой водки, как он сказал, и отпечатанной справкой. Тот ссыльный был любитель выпить, но уже работал в Ревкоме, имел связи там, и сумел поставить печать и подпись председателя.

Зайдя еще раз на квартиру, он рассчитался с экономкой, забрал из тайника накопившиеся ценности и отправился на рынок, чтобы купить на дорогу сала и других долго хранящихся продуктов. Первую остановку он сделал в Омске. Здесь он отдохнул у своего приятеля по службе, обдумал свое положение, наметил линию поведения в разных ситуациях и двинулся дальше на Запад.

Киев встретил его сырой дождливой погодой. Прячась от дождя, Андрияненко бесцельно бродил по вокзалу. Неожиданно он натолкнулся на дверь, на которой была табличка: «Военный комендант станции Киев-Пассажирский». В комнате было несколько человек, все в кожаных тужурках с красными повязками на руках. Андрияненко поздоровался и сказал, что он политзаключенный, возвращается из сибирской ссылки. Сидящий за столом прочитал справку, спросил, что может делать Иван Яковлевич? Андрияненко ответил: «Все, даже печатать на пишущей машинке». Увидев на окне стоящую машинку, он смело подошел, взял из стопки лежащих листов один лист и напечатал заявление о приеме его на работу. Так Андрияненко стал «машинисткой» военной комендатуры.

Прошло несколько дней работы Андрияненко в военной комендатуре, он стал обживаться и привыкать к ее работникам, а те — к нему. Дня через два в помещение комендатуры вошли два человека в кожаных тужурках с маузерами на боку, поздоровались с работниками комендатуры, как с близкими знакомыми. Один из них, очевидно старший, спросил коменданта: «Почему не докладываете в ЧК о новом работнике, тем более такой нужной специальности для ЧК?» Комендант ответил, что товарищ только прибыл из Новосибирска, он бывший политзаключенный, поэтому еще не успели. Ему было сказано: «Вот что, Климов, этот товарищ завтра должен быть у меня без всяких оговорок». Он подошел к Андрияненко и спросил его имя и отчество, при этом сказал: «Вы будете работать в городской ВЧК. Завтра за Вами заедут». После этого он и Климов ушли в другой кабинет, где пробыли минут тридцать. Когда ушел председатель Киевского ЧК, Андрияненко успокоился, и страх, который поселился в его душе при виде чекистов, прошел. Новая работа его устраивала и немного пугала. Что, если начнут

проверять его личность? Ведь через его руки проходят секретные материалы.

Городская ЧК находилась в трехэтажном здании, недалеко от вокзала. Канцелярия, где ему определили место работы, располагалась на втором этаже рядом с кабинетом председателя. На двух столах стояли две пишущие машинки, с большой и маленькой кареткой. У противоположной стены был стол начальника канцелярии Сидора Петровича. Когда Андрияненко начал печатать разные документы, в его голове промелькнула мысль, что на этих секретных документах можно хорошо заработать, но как? Пока свою работу он выполнял добросовестно, боясь разоблачения, поэтому претензий со стороны начальства не было.

Обстановка в городе была беспокойная, действовали разного рода банды. Вокруг Киева орудовали петлюровцы и поляки, и начальству было не до проверок. Наступил 1920 год. Советская власть везде твердо стояла на ногах. В ЧК было создано отделение кадров, состоящее из старых партийцев, закаленных войной. Всех сотрудников стали вызывать туда для заполнения анкет и составления автобиографий с перечислением всех родственников.

Андрияненко потерял покой и сон. Днем и ночью он разрабатывал варианты своей биографии: напишет, что родился в Чернигове, сразу установят, что он сын жандарма и вся цепочка его жизни будет установлена. В это время вышел первый уголовный кодекс РСФСР, где была отдельная статья, в которой было указано, что все сотрудники царской охранки и их агентура подлежат немедленному аресту и преданию суду. В этот же день Андрияненко был вызван в отделение кадров. Там, кроме начальника отделения кадров, находился незнакомый Андрияненко сотрудник ЧК. В руках начальник кадров держал циркуляр о розыске (в советское время — это ориентировка по всесоюзному розыску).

Там в алфавитном порядке, большими буквами были написаны фамилии, а мелкими имя, отчество и другие данные разыскиваемых лиц. К своему ужасу, в пятой строке он увидел свою фамилию, имя и отчество. Начальник отделения кадров многозначительно сказал: «Так, берите лист бумаги и пишите свою биографию». Андрияненко дрожащим голосом сказал: «Я ничего плохого не сделал, кроме фальшивой справки, с которой я случайно зашел к коменданту насчет работы, я много знаю и все, что Вас интересует, расскажу, я не виноват, что меня так просто приняли на работу в военную комендатуру, к вам я попал случайно». Андрияненко посадили за отдельный стол, и он, ничего не скрывая, написал полную авто-

биографию, начиная от Чернигова, Петрограда и Новосибирска и кончая Киевом. Читателю это уже известно из написанного выше.

Сидящий за столом рядом с кадровиком человек был следователем местной ЧК. Он отобрал у Андрияненко все документы, оружие и увел в свой кабинет. Уже через неделю Андрияненко военным трибуналом Киевского гарнизона был осужден на шесть лет лишения свободы. Он чистосердечно рассказал все о себе, выдал известную ему агентуру, а также места нахождения других сотрудников жандармерии. Это стало смягчающим его вину обстоятельством.

Далее в собственноручных показаниях Андрияненко пишет, что, отбыв срок наказания, он приехал в город Кривой Рог. Там шло строительство металлургического комбината и коксохимического завода, требовалась масса людей любых профессий. Туда съезжались со всей страны, кто бежал от раскулачивания, просто люди с темным прошлым, а кто в погоне за длинным рублем. Здесь была благодатная почва для антисоветской деятельности. Устроившись на работу на завод, он вызвал из Киева семью, на сохраненные сбережения купил дом в поселке и стал искать единомышленников по борьбе с Советской властью.

С помощью местных националистов из числа кулаков он создал тайное общество «Просвита», по-русски «Просвещение». Прикрываясь изучением местного фольклора, народных песен и игры на бандурах, они обсуждали вопросы отделения Украины от России, о вредительстве на новых стройках и предприятиях. В 1934 году Андрияненко был арестован и осужден за антисоветскую деятельность. Вернулся из заключения только в 1940 году и работал до самой войны на заводе. Далее Андрияненко описывал свою преступную деятельность в должности начальника полиции, что уже известно читателю.

Через пару дней все процессуальные вопросы в отношении Андрияненко были завершены, и его дело было направлено в Военный трибунал, который приговорил Андрияненко Ивана Яковлевича к двадцати пяти годам лишения свободы и пяти годам поражения в правах.

После осуждения Андрияненко военным трибуналом он снова был этапирован в ОО МГБ на станцию Долгинцево для продолжения следственных действий в отношении других государственных преступников, находящихся в разработке. Андрияненко был рад такому повороту — в КПЗ лучше, чем в тюремной ка-

мере. По его словам, на него было покушение со стороны уголовников в каком-то переходе, когда его вели в камеру, в него кто-то метнул топор. Уголовники по-своему патриотичны и не любят политических преступников. К счастью, топор только задел рукав Андрияненко.

На второй день после прибытия Андрияненко Лещёв вызвал его на допрос. Речь зашла о Юрии Городецком, как он говорил, его лучшим агенте. На вопрос Лещёва о возможном месте нахождения Городецкого Андрияненко ответил, что это и для него загадка. По своей натуре он трусливый человек и, очевидно, боялся мести со стороны комсомольцев за совершенное предательство. У него здесь проживали отец, мать, тетка, сестра матери, других родственников он не знал. Когда Лещёв поинтересовался связями по работе, его друзьями, подругами, Андрияненко ответил, что такие подробности его не интересовали, главное, что он хорошо работал, его это устраивало.

По имеющимся у Лещёва данным, Городецкий всегда ходил в сопровождении двух–трех подростков, об этом он сказал Андрияненко. Тот ответил, что это правда, его сопровождали два–три хлопчика лет шестнадцати–семнадцати. Одного из них он хорошо знал. Это родственник Городецкого Галушка Николай, сын его тетки. По приказу Городецкого он делал все, что тот скажет. Это Галушка выявил большую часть активных комсомольцев группы Пащенко, которых расстреляли.

Далее Андрияненко рассказал, что, когда пропал Городецкий, Галушка почти каждый день приходил в полицию. Он такой юркий, пронырливый, на него никто внимания не обращал, а он приносил ценную информацию и стал добровольным агентом Андрияненко. Он знал, у кого из парней появились пистолеты, у кого собирается молодежь, чем занимаются. Он посылал пацанов в места, где отступали ваши войска, там находили разное оружие, пистолеты, гранаты. Короче говоря, он донес на десять–двенадцать комсомольцев, большинство из которых были расстреляны. И среди них две девочки из 26-й школы, которые слушали радио, писали сводки Информбюро, расклеивали их на базаре и в парке при клубе. Материалы на Галушко были переданы в первое отделение для дальнейшей разработки.

Преступный путь ротмистра царской охраны, изменника и предателя Родины, начальника полиции Андрияненко закончился на Печоре, в лагере для опасных преступников. Там он был начальником лагерного клуба, руководил самодеятельностью лагерни-

ков, обучал их игре на музыкальных инструментах, был также библиотекарем.

Позже Лещёв получил информацию на двух бывших в подчинении Андрияненко полицейских. Суть информации заключалась в том, что эти полицейские в поселке Латовка обнаружили семью евреев, мужа и жену, у которых, якобы, хранилось золото. Без разрешения своего начальства, то есть Андрияненко, они произвели обыск. Не обнаружив золота, полицейские стали пытаться мужа и жену. Не добившись никаких результатов, они вывели еврейскую семью во двор и стали бить лопатами по голове, пока не убили. Это видели многие соседи и были недовольны жестоким убийством еврейской семьи. Полицейские во дворе вырыли яму и закопали их во дворе, прямо на глазах жителей поселка, которые пожаловались старосте, но тот не среагировал на их жалобу.

Вот по этому вопросу Лещёв хотел допросить Андрияненко, но ему не разрешили этапировать его из Печоры и рекомендовали послать запрос и перечень вопросов, на которые тот должен ответить. Лещёв так и сделал. Полицейские были задержаны и осуждены военным трибуналом.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕГДА ВПЕРЕДИ ЛЕЙТЕНАНТЫ	3
От автора	4
Глава 1. Смоленск, ворота Западного фронта	5
Глава 2. На Западном фронте без перемен	11
Глава 3. Июнь 1944 года	23
Глава 4. Командир взвода разведки	26
Глава 5. Рожденный в рубашке	31
Глава 6. На пути к выздоровлению	34
Глава 7. Лещёв попадает в гвардию	39
Глава 8. Спасибо пистолету «ТТ»	42
Глава 9. На наревском плацдарме	47
Глава 10. Бои за высоту 152,0	55
Глава 11. Фоторазведка	66
Глава 12. В ожидании новых боев	71
Глава 13. Разведка боем	74
Глава 14. По просьбе союзников	79
Глава 15. На пути в Восточную Пруссию	84
Глава 16. Комбинированный удар	92
Глава 17. Спасенный спецназ фронта	97
Глава 18. Битва за Кенигсберг	103
Глава 19. Опасная миссия	111
Глава 20. Поверженная Восточная Пруссия	119
Глава 21. Не хлебом единым, человек	125
Глава 22. Скоро победа	132
Глава 23. Победа	137
Глава 24. В Москву на учебу	145
Глава 25. Встреча друзей	153
Эпилог	163
РОТМИСТР	165

Вячеслав Антонович Ляшенко

ВСЕГДА ВПЕРЕДИ ЛЕЙТЕНАНТЫ

Повесть, рассказ

Подписано в печать 25 апреля 2010 г.
Отпечатано в типографии ООО «ИПЦ „МАСКА“». Заказ №
Тираж 50 экз. Формат 60x90/16. Объем 12 усл. п. л.

Вячеслав Антонович ЛЯШЕНКО

в начале Великой Отечественной войны учился в 10 классе. В 1942 году был призван в армию и направлен курсантом в артиллерийское училище.

В 1943 году служил командиром взвода разведки 948-го полка 385-й Краснознаменной дивизии на Западном фронте. Участвовал в освобождении Белоруссии, Литвы, Восточной Пруссии. В августе 1944 года был ранен. После госпиталя служил в 56-м гвардейском артполку. Победу встретил в Кенигсберге. После войны окончил факультет разведки Военного института иностранных языков, служил в КГБ СССР. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, медалями.

